

18+

Ольга Небелицкая

ОБИТЕЛЕЙ МНОГО

Ольга Небелицкая

Обителѐй много

«Издательские решения»

Небелицкая О.

Обителѐй много / О. Небелицкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-565819-7

Колька — обычный десятилетний мальчик, живущий с родителями в селе. Вот только однажды он начинает видеть не совсем обычные сны, потом в Одессе бесследно пропадает его тетя. Связано ли ее исчезновение с Колькиными снами и какое отношение ко всему этому имеет известное архитектурное бюро? Главный герой романа — ребенок, но перед вами совершенно не детская история о взрослении, о вере, о том, как противостоять злу. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-565819-7

© Небелицкая О.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
Глава 1	7
Вейск, 11 мая 2012 года	7
Из дневника Кольки	8
Вейск, октябрь 2001 года	9
Глава 2	11
Вейск, 11 мая 2012 года	11
Из дневника Кольки	11
Одесса, лето 1984 года	13
Глава 3	15
Вейск, 11 мая 2012 года	15
Из дневника Кольки	16
Одесса, июль 1998 года	17
Глава 4	20
Вейск, 11 мая 2012 года	20
Из дневника Кольки	21
Киев, август 1997 года	22
Глава 5	25
Вейск, вечер 11 мая 2012 года	25
Из дневника Кольки	26
Вейск, март 1999 года	28
Глава 6	30
Вейск, май 2012 года	30
Из дневника Кольки	33
Вейск, август 2003 года	35
Глава 7	39
По ту сторону	39
Из дневника Кольки	40
Одесса, сентябрь 2000 года	42
Глава 8	46
Вейск, 12 мая 2012 года	46
Из дневника Кольки	48
Одесса, август 2011 года	50
Глава 9	53
Вейск, 12 мая 2012 года	53
Из дневника Кольки	55
Одесса, октябрь 2011 года	57
Глава 10	61
Вейск, 12 мая 2012 года	61
Из дневника Кольки	63
Одесса, март 2011 года	64
Глава 11	68
Вейск, 12 мая 2012 года	68
Из дневника Кольки	70
Одесса, март 2011 года	71
Глава 12	76

Вейск, 12 мая 2012 года	76
Из дневника Кольки	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Обителей много

Ольга Небелицкая

*Есть добро и есть зло. Жизнь заключается в выборе стороны.
Иммануил Кант*

*Тогда иди, ведь есть и другие миры, кроме этого.
Стивен Кинг*

Дизайнер обложки Антонина Высланко
Корректор Александра Супрунова
Автор фотографии Виктор Застольский
Автор фотографии Ольга Небелицкая

© Ольга Небелицкая, 2023

© Антонина Высланко, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0056-5819-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Вейск, 11 мая 2012 года

Всѐ началось с того, что не приехала Дина.

Нет, конечно, всѐ началось с этих чертовых снов, думал Колька, сдирая корочку с зажившей ссадины на колене, и как было бы здорово сейчас отмотать назад, отказаться от снов и сказать, заберите, не хочу, не буду. Да кому сказать-то?

Колька сидел, прислонившись к побеленному стволу тополя у остановки. Он прибежал сюда заранее, знал расписание, конечно, и знал, что пузатый автобус часто опаздывает, но больше не мог высидеть дома. Дурное предчувствие накатывало волнами с раннего утра. Как бывает, когда съешь какую-то гадость: голова кругом, в животе тянет, ноги становятся ватными, сердце вдруг норовит заколотиться о ребра. Раз – вроде отпускает, и самому не верится, что только что было плохо. Но копится где-то под горлом очередная порция дурноты, чтобы навалиться в самый неподходящий момент.

Еще с утра Колька предчувствовал, что день пойдет не по намеченному плану, но гнал от себя плохие мысли и до последнего пытался объяснить дурноту чем-то съеденным накануне.

Когда пару лет назад от Одессы в сторону курортных поселков на побережье пустили новые резвые «газели», к Вейску по-прежнему сворачивал дважды в день только один старый желто-белый автобус. Кольке он напоминал шмеля. Шмеля было слышно издали: заранее, еще до того, как автобус выглядывал из-за поворота, раздавалось его мерное гудение. Затем маленький и усталый автобус подползал к остановке и, напоследок фыркнув, глушил мотор.

Дина обычно выскакивала первой. Она мчалась к тополю, под которым сидел Колька, с такой скоростью, что мальчик едва успевал подняться на ноги. Дина хватала его в объятия – маленькая, но сильная! – отрывала от земли и сжимала до реберного хруста. Водитель тем временем уже доставал Динин лакированный чемоданчик – ну и странно он смотрелся рядом с клетчатými сумками и базарными тележками вернувшихся с добычей бабок – и отходил в сторонку покурить перед отправлением обратно. Последней из автобуса неизменно вылезала бабТома, отдыхая почти на каждой ступеньке и тяжело дыша.

Колька любил эти редкие вечера, когда запах Дининых духов – мята и еще какая-то горькая трава, полынь, что ли, – смешивался с запахом нагретой пыли и автобусных выхлопов. Это значило – Дина приехала, Дина с ним рядом, и они сейчас неспешно побредут от автостанции домой. Колька, конечно, отберет лакированный чемодан – он же мужчина! – а Дина будет смеяться и хмуриться, когда чемодан запнется нелепыми своими колесиками о придорожные камни. Они пойдут дальней дорогой – в обход площади, чтобы подняться на тропинку над морем, чтобы Дина могла раскинуть руки, сбросить узкие туфли, пробежать босиком по траве, чуть не скатиться с обрыва – Колька отбросит чемоданчик и вовремя схватит Дину за руку. Потом они все-таки скатятся – вместе. И Динина белоснежная блузка будет вся в желто-глинистых пятнах, и в волосах тоже будет желтая глина, и сережку она наверняка там потеряет – в высокой траве или в песке, и за чемоданчиком придется ползти обратно, хохоча и цепляясь за клочки травы. А потом они придут – со стороны моря – домой, и там их будут ждать роди-

тели, и свет на веранде уже будет гореть – ночь здесь падает быстро, как одеялко на клетку с канарейкой, – пока они будут идти к дому, уже стемнеет. Так будет.

Так было раньше.

Дина не приехала, и Колька понял это, еще заслышав шмелиное гудение автобуса за поворотом. И дело не в том, что он так и не получил от Дины смс, и даже не в том, что, когда он стиснул зубы и все-таки позвонил, механический голос ответил ему, что «абонент находится вне зоны доступа к сети». Просто он знал, с самого утра знал, что так будет.

И все-таки он подождал, пока из автобуса выгрузятся бабки и разберут свои тележки и сумки. Он дождался бабТома и подбежал предложить помощь, зная, что она откажется, как всегда. Но бабТома его удивила: с тихим свистящим выдохом она оперлась на Колькину руку и сделала последний шаг со ступенек. Потом подняла на мальчика глаза и почему-то виновато сказала:

– Дины-то нема сегодня, да? Не було дивчинки нашей. На работе затрималася?

Колька пожал плечами. Ему не хотелось делиться своей тревогой с бабТомой, и уж точно он не хотел, чтобы она немедленно побежала обсуждать с кумушками пропажу «дивчинки». Поэтому он постарался, чтобы его голос не дрогнул:

– Да, бабТом, она, может, завтра попробует вырваться.

Потом он брел домой дальней дорогой. Сжимал мобильник влажной ладонью и еще несколько раз без особой надежды набрал Динин номер. Кольке хотелось развеяться во всё горло и побежать к маме с папой. Нельзя терять ни минуты, нужно звонить в милицию; ну хорошо, для начала – Дине на работу, бабушке, потом уже в милицию, но в любом случае нужно что-то делать, а не брести под темнеющим небом по берегу моря, слушая механический голос из телефонной трубки.

– Это я виноват, – вдруг сказал Колька и сам вздрогнул от своих слов. Тут же втянул голову и торопливо огляделся – нет ли кого рядом. Огромная чайка зыркнула на него – не покушается ли он на ее пестрых неуклюжих птенцов – и сердито заорала. Колька пошел дальше, убыстряя шаг. Да, он виноват, скорее всего, и только он может попробовать разобраться, слишком много странного происходило в последнее время, чтобы можно было втянуть в это родителей. Да и поверят ли они?

Колька почти побежал в сторону дома.

На поселок спустились плотные сумерки.

Из дневника Кольки

18 января 2011 года

Меня зовут Коля Левандовский, мне девять лет. Дина сказала вести дневник. Она считает, что это мне поможет запомнить странные сны. Я тоже считаю, что лучше записывать, потому что их много и они интересные. Может быть я смогу написать книгу, когда вырасту. Папа читал мне много интересных книг. И я люблю читать истории про то, как люди попадают в сказки. Мне кажется, что я тоже попадаю в сказки и по ним путешествую.

Я запишу первый сон из тех, которые я помню. Это было давно. Мне было семь лет.

Мне приснилось, что я в лесу с огромными деревьями. Я видел разные деревья. У нас есть акации и тополя, а еще вишни, абрикосы, яблони, а еще недалеко есть роща с дубами и с соснами. Я люблю сосны, у них прямые стволы, и вокруг них вкусно пахнет.

Но в том сне деревья были твердыми и ничем не пахли. Я видел только стволы и корни. Стволы были такими толстыми, что мне не получалось обнять дерево, я только раскидывал

руки, но наверное надо было два или три таких мальчика, чтобы мы могли охватить его целиком. А корни уходили в землю, они были толстые, как удавы, и много. Земля была пустая, без травинки или цветов. Корни красиво переплетались. И я не мог видеть верхушки этих деревьев. Стволы уходили очень высоко вверх, и там терялись, и они были совсем гладкими. Я не смог залезть ни на один ствол, мне было скользко. Они были такими твердыми, как камень. Я трогал деревья руками, даже лизнул, но не почувствовал ничего. Потом я ударил по дереву кулаком, и мне было больно, как будто я ударил бульжник. Я ходил между стволами, там было тихо и ужасно красиво. Когда я сказал про это Дине, она удивилась, почему может быть красиво среди одинаковых гладких стволов. Но они не были одинаковыми! Я не знаю, как ей объяснить. Как будто каждый ствол был живым существом, и они все отличались, я не знаю чем. А тишина там тоже была живая, не такая, чтобы было страшно. А такая, как бывает, когда мы с Диной сидим вечером дома, и она читает, и я тоже читаю. Когда не надо разговаривать, когда ты с лучшим другом. Или когда мы с Йосей утром едем с дядей Федором рыбачить и еще холодно и темно, только плещет вода, а Йося сидит и улыбается. И я знаю, что сейчас будет хороший день и мы поймем много рыбы. Вот такая была в том лесу тишина. Как будто я пришел в гости к друзьям, и они мне рады.

Я не нашел выхода из того леса, но мне не хотелось, чтобы он заканчивался. Когда я проснулся, я долго лежал и радовался, что у меня случился такой хороший сон. И потом я весь день был счастливым.

Вейск, октябрь 2001 года

Колька появился на свет осенним вечером.

Когда Алиса позже вспоминала роды, у нее перед глазами вставали толстые струи воды, стекающие косо по оконному стеклу. Она тогда еще подумала, что могла бы вышить этот узор, вышить осенний дождь, который рисует на стеклах не хуже мороза, просто его узоры слишком мимолетны. Хлестало в тот вечер знатно. Казалось, что дом превратился в маленький лайнер посреди бушующего океана, в ковчег, возможно в тот самый Ковчег, который один-одинешенек в целом мире.

Алиса не сразу заметила, как мягкие схватки перешли в самые настоящие потуги. Вот она еще сидит в кресле у окна и смотрит на мокрое стекло, вот она с тревогой прислушивается к дыханию дома: не вырубят ли снова от грозы электричество, а вот она уже стоит на коленях перед креслом и с шипением выпускает из себя воздух. В ритме с домом, с дождем, с океаном, со всем миром. Алиса помнит, как от хлесткого удара ветра чуть не распахнулось окно. Окно выдержало, но в комнате почему-то все равно на миг запахло озоном и водой. А потом электричество все-таки вырубил.

Пока Игорь бегал включать генератор и договариваться с соседями насчет машины, Алиса почувствовала, как внутренности ее охватило огненное кольцо. И Игорь ворвался в комнату как раз вовремя: чтобы подхватить на руки возмущенного младенца.

Позвали соседку Тому, опытную мать пятерых и бабушку бесчисленного количества отпрысков. Та с несокрушимым спокойствием помогла оглушенному Игорю перерезать пуповину проспиртованными ножницами, закутала младенца в папину футболку и приложила к Алисиной груди. Когда Алиса родила плаценту и привела себя в порядок, когда младенец сменил возмущение на милость и спокойно задремал у груди, Тома хотела удалиться, решив, что ее миссия завершена. Но Игорь настоял на том, чтобы она все-таки помогла им собраться и поехать в роддом.

– Ви що, диты, хочете народити його ще раз, – звучно хохотнула Тома, – щоб уже цього разу правильно?

Алиса мягко улыбалась, Игорю казалось, что в комнате два источника света: настольная лампа и лицо жены, которая смотрит на их новорожденного сына.

– Документы надо, – сказал Игорь. – Так полагается... наверное.

Тома, которая сама родила пятерых дома и в баньке, немного посмеялась блажи «городских», но собраться помогла. «Слава Богу, вернулись назавтра, и хлопчик вроде славный вийшов, и мамка начебто в порядку», – говорила потом Тома кумушкам.

Так Левандовских стало трое.

Глава 2

Вейск, 11 мая 2012 года

Колька свернул с тропинки над обрывом в сторону дома и припустил бегом. Чуть не упал, когда нога неловко скользнула по какой-то каменюге, почувствовал, что ремешок сандалии лопнул, не выдержал рывка. Это остановило мальчика: он присел у обочины, снял сандалию и стал рассматривать ремешок.

Воздух вокруг сгустился, стал плотным. И вдруг у мальчика прямо над ухом раздался звук, заставивший его вздрогнуть и выронить сандалию. Так могла бы скрежетать циркулярная пила. Если бы Колька уже дошел до поселка, звуки пилы не удивили бы его, но он находился в самом начале тропы, которая только позже обернется неширокой улочкой.

Кто может пилить в сумерках в зарослях над морем? И что тут пилить?

Колька с облегчением расхохотался, и на короткий миг даже отступила тревога, связанная с Диной.

Цикады. Ему же дядя Федор, Йосин папа, прошлым летом рассказал, что обычно самцы цикад стрекочут в самую жару. Тепло – источник энергии, которую они тратят на пение. Колька вспомнил вейский полуденный зной: высокую траву, в которую можно рухнуть с высоты роста, раскинув руки, и лежать, слушая бешеное стрекотание вокруг.

Но дядя Федор говорил, что когда-то при строительстве пробкового завода в Одессу с корой пробкового дуба завезли новый вид цикад – певчих. Эти почему-то пели именно в сумерках. Они, видать, привыкли к местному климату и распределились по области, хотя как именно их занесло за сотню километров от Одессы, Колька понятия не имел. Его завораживал мощный звук, исходящий от небольшого насекомого. Дядя Федор рассказывал, что у цикад есть специальные полости внутри тела, резонируя в которых металлический звук нарастает и достигает большой громкости.

От цикад и Йосинога папы мысли перескочили на Йосю, и Колька почувствовал, словно внутри его собственного тела образовалась гулкая полость. Как будто он цикада. Только хотелось не петь, а выть. Снова накатила дурнота.

Уже несколько дней он не вспоминал о Йосе.

Приближались каникулы, а с приходом лета он навсегда попрощается с этой школой. И больше никогда не увидит бывшего друга. Но иногда одного звука, одного крошечного воспоминания достаточно, чтобы лавина покатила по склону памяти, превращая крошечный камешек в валун. Как же больно, черт. Колька поморщился.

И как не вовремя эти мысли – о прошлом лете, о Йосином папе, о Йосе.

Он кое-как приладил ремешок сандалии на место и встал. Как бы хотелось остаться здесь, лежать в траве, слушая цикад, вдыхая волны запахов – соли и моллюсков со стороны моря, и цветущих садов – со стороны поселка. Но надо идти.

Из дневника Кольки

2 февраля 2011 года

Мне кажется, есть обычные сны, а есть не просто сны.

После тех, которые другие, я просыпаюсь и ищущу у себя на теле царапины, если там что-то трогал или меня что-то царапало. Иногда мне кажется, что у меня на обуви и одежде обязаны остаться следы, потому что, когда я просыпаюсь, у меня внутри как бы остается

запах того места. Как объяснить. Я выдыхаю воздух после пробуждения, и мне кажется, что я всё еще узнаю запах. При этом я его не знаю, в моей настоящей жизни ничто так не пахнет. Но царапин на руках нет, и на обуви тоже ничего нет, хотя последний раз во сне я упал с большой высоты.

Это тоже был лес, но совсем не такой, как каменный. Этот лес больше напоминал джунгли, и я сначала подумал, что мне снятся джунгли, про которые недавно рассказал папа. Он читал историю про девочку, которую родители потеряли в американских джунглях, и она росла с обезьянами. Это почти как история про Маугли, но она настоящая, она была в самом деле. А эта девочка давно выбралась из джунглей, выросла и теперь живет с людьми! Но до сих пор любит лазать по деревьям – вот дела!¹

Но я хотел рассказать про джунгли. Мне сначала показалось, что они обычные и что я сейчас увижу обезьян. Но потом я увидел под деревом, как голубой ком шевелится. Я подошел ближе и увидел, что ком развернулся в животное, и это была не обезьяна, а такое животное, которое я никогда не видел. У него по всему телу были лапки с перепонками, как у белки-летяги, только лапок много. А морда вытянутая, с хоботком. И оно увидело меня и стало издавать звук как птица, очень красиво. Это даже было похоже на музыку. И мне сразу захотелось подойти ближе и взять его на руки, потому что у меня как бы в голове зазвучало «помоги мне, помоги мне, помоги мне», как будто оно поет, а у меня в голове перевод его песни. И я думал, чем ему помочь, а потом посмотрел вверх и увидел, что там на дереве мохнатое гнездо, большое. Я подумал, что оно, наверное, выпало оттуда и хочет вернуться. Мне было нестрашно взять его на руки, я взял его, а оно продолжило петь. Ствол дерева был шершавый, и от него отходили выступы, на которые можно было ставить ноги. Поэтому я снял куртку (во сне я был в куртке), я положил туда существо и привязал его к себе, как делала мама, когда носила меня, маленького. Оно было теплое и продолжило петь. Мне было очень хорошо, но волнительно. Я полез вверх, цепляясь за выступы, это было несложно. Когда долез до мехового гнезда, там был вход. Я осторожно отвязал существо, и оно вкатилось внутрь. А там были другие! И они все повернули ко мне хоботки и запели, а у меня в голове появилось «спасибо, спасибо, спасибо», и я улыбался им, и мне казалось, что они тоже улыбаются, хотя по мордам было не видно.

А потом я оступился и упал с высоты вниз и проснулся. Мне было больно, но совсем недолго, потому что я сразу проснулся. И как я испугался, что сломал себе спину или что-то еще! Но нет, я себя ощупал, у меня всё целое. И я пошел смотреть на свою куртку, мне по-серьезному казалось, что на ней может остаться шерстинка от того животного. Но ничего не было. И все равно эти сны очень настоящие, потому что я до сих пор помню, как те существа пели, я помню мелодию. И руки очень хорошо помнят, как я трогал дерево и как лез.

А еще в таких снах яркие цвета. Я пробовал нарисовать это существо, с лапками. У него мех такого цвета, которому я не могу найти название. Не голубой, не синий, а совсем другой. Мама, наверное, могла бы найти подходящий цвет. У нее так много ниток для вышивки. Если соединить нитки разных оттенков синего и голубого, может получиться что надо.

Иногда мне кажется, что мама может вышить всё, что угодно. Даже такое, что не существует в настоящем мире. Интересно, если я расскажу маме про голубое существо, она поможет мне найти цвет?

Ладно, мне пора, сегодня мы договаривались с Йосей идти на карьер.

---

¹ Интересно, какую именно историю о девочке в джунглях имел в виду Колькин папа. Книга «Девочка без имени» Марины Чапман, где рассказана реальная история южноамериканской «маугли», будет написана только в 2013 году. Возможно, Колькиному папе-переводчику попались какие-то упоминания об этой истории в англоязычной прессе. (Здесь и далее примечания автора.)

Одесса, лето 1984 года

– Ханночка, а шо я посмотрю, Алиса ваша глазки свои портит дома, лето же на дворе, отпустили бы доню на село к бабушке, как нормальные родители, или пусть на пляж бы пошла с ребятишками?

– Да вы, Таня Павловна, свои глазоньки бы поберегли, таки неровен час выкатятся... – Полная женщина в переднике перегибается через перила балкона и говорит что-то еще, но последние слова тонут в звучном мяве сцепившихся внизу котов. – А ну брысь, шалава хвостатая, кому говорю, куды поперла! – И женщина, переходя от угроз к делу, неожиданно проворно сбегает по ступенькам со второго этажа. – Ша, я сказала! – Она ловко хватает за шкуру облезлую худую кошку. Та пытается извернуться и вцепиться в руку когтями, но женщина отшвыривает кошку прочь. Второй участник драки, небольшой рыжий котенок, уже с достоинством вылизывается, словно это не он только что получил изрядную трепку.

Белая кошка убегает, поджав хвост.

Женщина вытирает лоб и поворачивается к собеседнице. Глаза у той и впрямь навькате, как у пекинеса. В глазах сверкает жадное любопытство.

– Таня Павловна, идите-таки живите свою жизнь, а за чужие глазки не изводите себя, – уже мягче говорит женщина, вытирая рукой лоб и начиная обратный подъем по лестнице. Подъем дается труднее. Жарко.

Летом 1982 года Алисе Стояновой исполнилось 10 лет, и о том, что она талантлива, знали соседи со всего квартала.

Первое платье Алиса сшила в пять лет.

Она выпросила у мамы два лоскутка ткани и лихо обернула их вокруг куклы Ривки. Потом при помощи иголки с ниткой из маминой шкатулки соединила изящными – и откуда только научилась! – стежками ровно в тех местах, чтобы две тряпочки превратились в лихой и авангардный наряд. Алиса не знала, что такое авангард, но соседка Нахамкис-жена зацокала языком и позвала Алисину маму, чтобы та посмотрела на дочкино творчество.

У Алисиной мамы было два нарядных платья: золотое, которое она надевала на Новый год, когда наряжали елку и ждали полуночи, чтобы запускать во дворе петарды, и голубое, с вышитыми по подолу колокольчиками, которое скрадывало природную полноту Ханны и превращало ее в почти юную барышню.

Алиса обожала мамино голубое платье. Она садилась рядом с мамой, брала подол и аккуратно водила пальцем по вышитым колокольчикам. Алису завораживало то, что вышивка – это рисунок, но без красок или карандашей. И без бумаги.

Когда в школе Алиса увидела объявление о наборе в кружок по вышивке, она заканчивала второй класс. В кружок приглашали девочек от десяти лет, но Алиса после уроков пошла и сама поговорила с учительницей. С собой она прихватила пару кукол в самодельных нарядах и очень убедительно говорила о том, что не может оставить их в таких «простых» платьях без вышитых цветочков. Обязательно должны быть цветочки, как у мамы на нарядном платье.

Аргумент сработал, и Алису взяли в кружок.

Теперь, в десять лет, она дважды в неделю бежала в швейную мастерскую, где с девочками занималась пожилая ЛарисАндревна, а потом возвращалась в школу, где Ванда Валерьевна обучала их вышивке крестиком, гладью, швом вперед-назад, и многим другим способам создавать картины без бумаги и красок.

Летом, когда почти всех одесских детей отправили по селам к бабушкам, Алиса сама захотела задержаться в городе, потому что и ЛарисАндревна, и Ванда Валерьевна были готовы позаниматься с маленькой рукодельницей сверхурочно.

И теперь она сидела за столом у распахнутого окна и что-то сосредоточенно вышивала.

На поверхности стола подрагивала тень от старого каштана, и Алиса время от времени замирала, глядя на очертания листьев. Ни соседка Таня, ни даже мама не догадывались, что девочка во время работы с тканью и нитками погружалась в транс. Она впитывала солнечный свет, замечала мельчайшие зазубринки на тени каштанового листа, слышала звуки и чувствовала запахи. Стоило задать ей вопрос, Алиса смотрела на собеседника пустыми глазами только что проснувшегося человека.

За окном продолжали яростно орать коты: на безответного Рыжего, кажется, напал кто-то еще. Мама вернулась с улицы и, судя по звукам, принялась за приготовление обеда. Сегодня суббота, значит, папа принес с Привоза свежую камбалу. Алиса уловила запах нагретого растительного масла и сразу вслед за этим услышала сочный плюх, с которым панированная в муке рыбка соприкасается с поверхностью сковороды.

В родительской комнате включили радио, и сквозь приоткрытую дверь до Алисы долетело дребезжащее:

Хотя б чуть-чуть со мной побудь,
Ведь я иду в кругосветное странствие.
В твой дальний край идет трамвай,
Весь твой рейс до шестнадцатой станции².

Со двора донесся хохот и вслед за ним – смачная брань: Нахамкисы начали выяснять отношения. Алиса знала наперед, что хохот будет становиться всё звучнее, брань – всё тише и беззлобней. А затем и то, и то прекратится и сменится на такие же, как в их кухне, звуки жарящейся рыбы и стук ножа по разделочной доске: Нахамкисы славились икрой из синеньких и готовили ее по субботам.

Алиса смотрела на ткань. Спроси ее в тот миг, где заканчиваются солнечный свет, ветер, тень от старого каштана, запах жареной рыбы, хохот, кошачьи вопли и голос певца, который уже допел про Одесский порт и начал серьезно выводить про «сееееердце тебе не хочется покоя» – говорили, что пару лет назад он умер в преклонном возрасте, наверное, сердцу наконец захотелось покоя, – Алиса не смогла бы ответить наверняка. Она стала и музыкой, и светом, и звуком, и запахами, и всем миром сразу. Она была – и ее не было. Если бы в этот миг сторонний наблюдатель посмотрел на иглу в Алисиной руке, он бы заметил, что она странно вспыхнула, хотя солнечный свет уже сместился в сторону.

Алиса вышивала.

Алиса вышивала свет, запах, музыку.

---

² Песня Леонида Утесова «Одесский порт».

Глава 3

Вейск, 11 мая 2012 года

Колька уже не бежал, а шел по дороге прихрамывая.

Сандалию все-таки пришлось снять и нести в руке, и Колька ступал по гравиию осторожно. Он старался не наступать на острые камешки. Чуть позже, летом, он будет бегать босиком без разбору по траве, песку и камням, а в этом году весна выдалась холодной. Пару дней как наконец перестали идти дожди.

Их дом был предпоследним на Придубкиной улице.

Смешное название – Придубкина – жители Вейска связывали с растущей неподалеку дубовой рощицей. Но маленькому Кольке слышалось «Придумкина», и название его устраивало, потому что ему очень нравилось придумывать всякие истории. Вроде тех, которые он читал в книгах, переведенных папой.

Дом Левандовских принадлежал когда-то прабабушке Кольки, Марии Исаковне Баумейстер. Алиса и Игорь переехали в него после свадьбы, года за два до Колькиного появления на свет.

Двухэтажный светло-зеленый дом едва можно было разглядеть с дороги: он прятался за кустами сирени и роз. Колька обернулся и не увидел уходящий к морю конец улицы: тот окончательно потонул в чернильных сумерках. Пугающее «пиление» певчих цикад осталось позади, и Кольку встретили более привычные деревенские звуки: лай собак, стук топора в отдалении, звуки работающей пилы, уже настоящей, и, конечно, тоненькое гудение комаров. Комары ждали мальчика рядом с зелеными зарослями. Ветер от моря сюда почти не долетал, и насекомые роились плотной завесой. Колька привычно поморщился.

Он толкнул скрипучую калитку и вошел в сад. В доме были освещены почти все окна, кроме его окошка на втором этаже и его же крохотной каморки для химических опытов внизу. Мама, наверное, приготовила ужин и накрывает на стол – знает, что вот-вот они с Диной ввалятся в дом, хохочущие и перемазанные травой и глиной.

Колька вздохнул.

Он зашел в небольшой коридор и привычно провел руками по волосам и телу: нужно согнать комаров, которые надеялись проскочить в дом на одежде. Колька не стал тратить время на то, чтобы дотянуться до выключателя – в коридоре он ориентировался на ощупь, – поэтому вздрогнул, когда из темноты на него внезапно уставилась чья-то взъерошенная голова. И сразу вслед за этим раздалось хриплое ворчание из глубины коридора. Секунда понадобилась Кольке на то, чтобы понять, что ворчат и хрипят перед тем, как начать бить, старые настенные часы. В свое время их потому и выселили из гостиной, что они пугали и раздражали кашлеобразными звуками. А лохматая голова, напугавшая Кольку, была, конечно, его собственная. Рядом с часами висело старое зеркало.

Колька с шумом выдохнул воздух.

Да что же это такое! Он поднес пальцы к глазам и в неплотном сумраке коридора разглядел, что они дрожат. Где-то в середине груди появился противный ком, какой бывает, когда Хая Карповна вызывает к доске или когда надо – слава Богу, редко – разговаривать еще с кем-то из школьных учителей или с завучем. Ноги превратились в две огромные непослушные вареные сосиски, сосисы, подумал Колька, плюхаясь на жесткую банкетку рядом с корзиной с луком и все-таки включая свет. Бессмысленные сосисы, и мне надо хотя бы минуту посидеть, потому что, кажется, я сейчас свалюсь прямо на пороге и не смогу объяснить маме и папе, что произошло.

Знать бы еще, что именно произошло.

Колька поднял глаза и хмуро уставился на свое отражение. Косая челка прикрывала один глаз, а второй выглядел нездоровым и воспаленным, словно мальчик полвечера проплакал, да еще и растер глаза грязными руками. Под глазами синело. Уголки тонких губ были опущены вниз, а родинка на щеке – мама всегда говорила, что она придает мальчику а-рис-то-кра-ти-чес-кий вид – почему-то именно сейчас казалась чужой и неуместной на осунувшемся от тревоги лице. Колька уставился на заостренные скулы и синячищи под глазами. Кажется, он только сейчас понял, как много всего навалилось на него за последние месяцы.

Он вытер щеку и зажмурился. Вдох. Надо набрать в грудь как можно больше воздуха и почувствовать, как воздух наполняет живот, а потом, хотя это невозможно с точки зрения анатомии, и руки, и ноги. Как будто ты огромная надувная кукла. Потом надо представить, будто тебя проткнули иголкой, и воздух будет выходить медленно, со свистом. Вот так. И снова – вдох. Выдох.

Это Йося научил Кольку так дышать. При мысли о бывшем товарище у Кольки снова сжалось сердце, и ровный свист выдоха на долю секунды споткнулся на полувсхлип, но потом мальчик выровнял дыхание и постарался взять себя в руки. Плакать – потом. Сейчас надо сделать так, чтобы голос не дрожал, а голова не кружилась до тошноты, когда он войдет в дом и расскажет родителям, что Дина потерялась.

Из дневника Кольки

3 мая 2011 года

Сегодня Карцеровна снова поставила мне двойку, хотя я сделал доклад по окружайке.

Я читал всё по этому уроку в учебнике и в энциклопедии, а еще мы посмотрели фильм про Гагарина и папа нашел мне крутые видео про космонавтов и конструкторов космических кораблей. Мне не хотелось писать про Гагарина, потому что все решили писать про Гагарина, даже Йося. Он правда классный. Юрий Гагарин, я имею в виду, а не Йося. Йося тоже классный, сегодня мне трудно формулировать, потому что я очень расстроился и сейчас переживаю. Попробую подышать и успокоиться, а то сейчас хочется реветь.

Дописываю позже. Так вот, я хотел сделать доклад не про Гагарина, потому что про него и так много статей и фильмов и все будут писать о нем. Я решил рассказать про Валентину Терешкову, потому что про нее знают меньше, а еще она девочка, ну то есть женщина, но женщина, которая летала в космос – это так круто! Интересно, знает ли сама Карцеровна про Терешкову? Мне иногда кажется, что, хотя она и считается нашей учительницей, она умеет только орать и лупить линейкой по столу так, что получается противный звук, от него ушам больно. И мне становится стыдно, потому что ведь это взрослый человек, она должна учить детей так, чтобы им было интересно, а она только орет.

Я написал доклад, папа мне помогал, и мне было ужасно интересно это делать. Нам ведь задавали доклады про космонавта или про конструктора кораблей НА ВЫБОР!!! А не только про Гагарина. Так было задано! И когда Карцеровна меня вызвала, я заранее дышал, мне так хотелось смочь прочитать то, что я подготовил, я надеялся, что ребятам тоже будет интересно про женщину в космосе. Но всё вышло как всегда. Мне снова стало плохо, так плохо, что я думал, Карцеровна отведет меня в медпункт, как в тот раз, чтобы мне там дали подышать из вонючего флакона. Лучшие бы она отвела. Потому что в этот раз она только сказала, вот, Левандовский снова ничего заданного не сделал, и посадила меня с двойкой на место. Она сама взяла мой доклад, посмотрела на начало и начала орать, что почему

там про какую-то Терешкову, хотя она задавала про Гагарина. А ребята загоготали, когда Карцеровна отвернулась, в меня снова полетела жвачка, и потом они на перемене ржали на всю школу, что Левандовский написал про тетку, хотя надо было про великого космонавта Юрия Гагарина. Мне так обидно это вспоминать, и я знаю, что всё сделал правильно, и я знаю, что двойка это неважно, потому что я теперь все равно знаю больше них, и мне хотелось бы, чтобы женщины были такими, как Терешкова, или как мама, или как бабушка Ханна, а не как Карцеровна.

И потом Йося меня утешал, когда нас отпустили. Он попросил мой доклад прочитать и сказал, что он все равно классный. И что когда все смеялись, он не смеялся, даже когда Вадик ткнул его ручкой в спину и сказал ему что-то обидное про то, что Йося дружит с али-кафреном или как-то так. Я не помню слово, Йося сказал, что ему необходимо, что мальчики говорят дурацкие вещи. За меня обидно, а за себя не обидно.

Йося тихий и тоже любит жуков и цветы, и это наш с ним секрет.

Мы подружались, когда в конце первого класса столкнулись на перемене за школой, где розы. Я помню, что пришел туда побыть один, а там сидит Йося на корточках и разглядывает розу. Йося только одну неделю в том году у нас учился, они тоже переехали из Одессы, как когда-то мама и папа. И я не знал, что у меня будет друг, потому что я привык, что у меня здесь нет друзей в школе, только Дина мой друг, но Дина всегда занята в Одессе.

Я стоял и смотрел, как Йося сидит рядом с розой, а он посмотрел на меня и сказал, ты знаешь, сколько у роз лепестков? Он сказал, что пробует посчитать и понять, у всех одинаково или нет? И мне тогда стало тепло внутри, я подумал, что мы можем с ним поговорить про розы, и это стал мой первый друг в школе. Потом начались каникулы, и мы стали гулять вместе, и я показал ему карьер. И ручей. И секретное дерево, куда можно залезать.

А про розы мы потом вместе узнали. Оказывается, есть куча разных сортов, и лепестков может быть от пяти до 128!!! Там за школой росли простые розы, не очень махровые, а у нас в саду есть другие сорта, где прямо очень много лепестков.

Вот я вспомнил, как мы подружались с Йосей, и мне сейчас уже не так грустно. А еще я знаю, что мама и папа всё знают про то, что я сделал хороший доклад и что я просто плохо себя чувствую, если надо читать вслух. Они не расстроятся двойке, а папа вообще ходит к директору и опять скажет, что Карцеровна дура. То есть он не скажет, что Карцеровна дура, но, наверное, попробует это вежливо объяснить. Но он уже пытался, а другой училки здесь пока нет. Вот бы Карцеровну поменяли на новую училку! Можно ведь как-то по-хорошему. Пусть Карцеровна поедет поработать в другом городе. Например, в столице! А к нам придет кто-то новый, и пусть это будет такая женщина, как Терешкова. Ведь люди переезжают в разные города и пробуют разное.

Мама мне рассказывала, что она сразу после училища уехала в столицу, чтобы стать лучше и научиться еще всяким классным вещам. Карцеровна могла бы тоже поехать в столицу поучиться обращаться с школьниками.

Всё, мне пора!

Одесса, июль 1998 года

На первый взгляд кажется, будто время не заглянуло в этот двор ни разу за сорок лет.

Солнечный свет так же неспешно проходит свой путь – от увитой виноградом стены к лавочке в углу, где вечером соседи, которые днем успели побыть – кто таксистом, кто портовым рабочим, кто продавцом, а кто – ишь, Наум-заум – лаборантом в химфарминституте, – начинают веселую перебранку под стук пивных бутылок и костяшек домино.

На почтовых ящиках, местами облупившихся и поржавевших, выведены всё те же фамилии. Всё так же сушится белье на веревках, натянутых поперек двора, словно кто-то специально хотел создать замысловатый лабиринт из сорочек, семейных трусов и простыней.

По лабиринту семенит Таня Павловна: ей приходится вставать на цыпочки и даже иногда подпрыгивать, чтобы снять прищепку с верёвки. С бельэтажного балкона Нахамкисов доносятся те же хохот и брань... Но вот и что-то новое: в паузы между смехом и низкочастотным ворчанием встречаются детские голоса. Можно различить неловкий мальчишечий басок – кажется, у кого-то начинает ломаться голос, – и причитание потоньше, и, наконец, младенческий требовательный крик. Этот младший, кажется, решил, что имеет право самого громкого голоса не только в семье, но и во всем дворе, а то и во всей Одессе. И с ним все согласны: остальные голоса сменяются на воркование, и наступает кратковременная идиллия. Идиллия длится примерно две минуты сорок секунд. Потом Таня Павловна наступает на хвост рыжему коту, и двор оглашается утробным воплем.

Презрев сорочки, трусы и Таню Павловну с бельевой корзиной, прямо сквозь лабиринт, чудом не запутавшись в белье, проносится мальчишка в драных джинсах, футболке adidas и с маленьким магнитофоном в руках. Из магнитофона кто-то хрипло агонирует под визг электрогитары. Таня Павловна качает головой, фыркает и наконец направляется к своей двери, смешно прижимая к животу бельевую корзину. Поднимает голову и кричит:

– Ханночка! – Ханна кивает ей с балкона. – А таки Алисонька вернулась, я слышала? Да еще с таким огромным чемоданом, шо ви его аж вдвоем поднимали? Нагулялася доня и прибежала к мамке с подарками?

– И за какие подробности вы в курсе, Танечка, шо у вас таки в пять утра беспощадно бессонница? – Ханна держит в руке зеркальце – она вышла на балкон накрутить ресницы, – и ее подмывает пустить в выпученные глаза соседки солнечного зайчика.

– Нет, ви таки посмотрите на них, – не унимается Таня Павловна, – они думают, шо если чемоданом проехать по чужой голове, то у нормального человека не случится бессонница? Таки Алиса приехала, чи шо?

Ханна не отвечает, сосредоточенно красит ресницы и уходит с балкона.

Таня Павловна внезапно взвизгивает, корзина гулко падает на землю. С того же балкона, откуда только что скрылась Ханна, доносится победный детский хохот.

– Шоб тебя, малявка паршивая, вот я сейчас поднимусь и патлы повыдергаю! – Пока Таня Павловна, кряхтя, поднимает корзину, по лестнице скатывается дьяволенок. Или домовой. Черные волосы всклокочены, щеки изгвазданы сажей или краской, некогда розовая футболка с блестками (божечки, кому в голову пришло надеть на это чудовище девчочковую одежду?) тоже чем-то вымазана спереди, а сзади болтается хвостом здоровенный лоскут.

Чудовище убегает прочь из двора, сжимая в руке зеркальце.

– Ханна Борисовна! – Голос Тани Павловны эхом отражается от стены дома. Пригревшись на солнце дворовые коты бросаются врассыпную, даже солнечный свет вроде бы на долю секунды замирает. – Ваша Дина натворит себе на колонию, помяните мое слово!

Солнечный свет добирается до Алисиного окна. Он соскучился.

Два года назад Алиса Стоянова закончила высшее профессионально-техническое училище по специальности «модельер-конструктор». Сразу после этого она, к огромному удивлению родителей и соседей (и знакомых родителей и соседей, то есть, выходит, к удивлению всего города), уехала в Киев. Сказала, что хочет учиться дальше, что для того, чтобы заниматься по настоящему любимым делом, ей надо закончить еще какие-то хитрые курсы по вышивке.

Алиса к тому времени уже обшивала не только себя, двор и соседние кварталы: к ней полгорода в очереди стояло за красивыми платьями. Стояновы в толк не могли взять, чему тут

еще учиться, когда вся Одесса хвастается друг перед другом Алисиными нарядами. Но поддержали решение дочки и помогли деньгами, пока та снимала с подружкой комнату в столице.

И вот Алиса вернулась домой. Огромный чемодан, плотно набитый тканями и нитками, действительно пришлось волоком втащить по лестнице, а на следующий день Стояновым привезли новенькую вышивальную машину. Весь двор сбежался посмотреть на чудо-аппарат, который умеет вышивать сам.

– Фи, – вынесла вердикт Таня Павловна, почесывая за ухом разомлевшего на солнышке кота. – Это шо, машина работает, а ты таки сиди себе рядом и поплеывай... ровно эльфа какая? – закончила она, покосившись на странного кроя Алисино платье, по подолу которого вились то ли стебельки растений, то ли буквы неизвестного алфавита. Волна увлечения фэнтези уже давно прокатилась по одесским дворикам, и ушей Тани Павловны не миновали детские игры в орков, гномов и эльфов.

Но представление о последних у нее было весьма смутное.

Следующие два дня Ханна разрывалась между кухней и Алисиной комнатой.

Строго говоря, комната уже десять лет как – с рождения Дины – не была только Алисиной. За два года отсутствия сестры Дина успела завалить комнату своими вещами, игрушками, рисунками и красками. Всем пришлось изрядно попотеть, прежде чем пространство было заново распределено между двумя дочками. В одном углу обосновались стол и швейно-вышивальное оборудование Алисы, в другом – Динин стол и мольберт, который Юрий Викторович выпилил из фанеры. Он же спешно соорудил навесные полки и пару стеллажиков.

На кухне Ханна хлопотала по случаю возвращения дочери домой: ей хотелось закатить пир на весь двор. Не обошлось без фаршированных куриных шеек по рецепту Марии Исхаковны. В свое время та добавляла в начинку печеньку и сердечки, но сейчас Ханна готовила попростому, с вытопленным куриным жиром, луком и мукой. Даже бюджетный вариант блюда получался фантастически вкусным, и соседи подолгу гадали, какой секретный ингредиент начинки знают Стояновы.

Икру из синеньких на общий стол традиционно делали Нахамкисы. Юрий Викторович, не выпуская из зубов папироску, сидел на подоконнике и прокручивал через мясорубку свежепосоленную сельдь, а дочек Ханна попросила замесить тесто для яблочной вертуты. И пока Дина, успевшая опрокинуть на себя кадку с мукой, подметала пол и переодевалась, а Стоянов вышел на балкон передохнуть после сражения с тугой мясорубной ручкой, Алиса улучила момент и негромко сказала:

– Я в Киеве, мама, кое с кем познакомилась. Он хочет приехать. Ко мне... к нам.

Глава 4

Вейск, 11 мая 2012 года

Колька распахнул дверь и вошел в гостиную.

Желтый торшер мягко светил из угла, на диване лежал небрежно брошенный плед в клетку, но в комнате было пусто. Папа, конечно, у себя: из кабинета доносились стук пальцев по клавиатуре и музыка. Залихватские гитарные руды. Колька представил, с какой скоростью должны бегать по струнам пальцы невидимого гитариста, и у него аж заложило уши. Несмотря на тревогу, он помедлил на пороге, с восторгом вслушиваясь в музыкальные пассажи. Папа всегда работал под музыку. У него в комнате стоял огромный стеллаж с компакт-дисками – еще с тех времен, когда музыку было нельзя скачать из сети. И Колька никак не мог привыкнуть к тому, что из кабинета отца слышится – всякий раз – новая музыкальная тема.

Из кухни головокружительно пахло. Перед тем, как бежать на автостанцию за Диной, Колька помогал маме лепить котлеты, и теперь они, судя по аромату, были почти готовы.

Дверь кабинета приоткрылась, и отец выглянул в гостиную. Длинные волосы он убрал в хвост, а подбородок был чисто выбрит – видимо, по случаю пятницы.

– Пришли?.. – Игорь осекся на полуслове, когда увидел, что Колька один.

Колька понял, что ноги едва его держат, и разозлился. Он не на уроке, в конце концов, он не перед злобной Карцеровной или одноклассниками. Он дома, черт подери. Нужно положить на предков, они помогут, они сейчас всё разрулят, нужно только сказать!

– Дины нет, па. – Губы слушались плохо, но он сказал это вслух: – Я думаю, что-то произошло. Что-то... нехорошее.

В глазах отца промелькнуло непонятое выражение. Будто он хочет что-то сказать, но медлит и не может подобрать правильных слов. Наконец Игорь быстро махнул рукой – мол, сейчас, – повернулся и скрылся в кабинете. Через мгновение музыка смолкла. Игорь вернулся. Колька заметил, что он нервным движением поправляет хвост, подталкивая волосы ближе к резинке – папа делал это всякий раз, будучи озадаченным или расстроенным. Мама обычно сердилась и говорила, что к концу рабочего дня голова Игоря начинает напоминать гнездо с торчащими во все стороны патлами, а ей потом приходится вычесывать ему колтуны.

Игорь обнял Кольку за плечи.

Колька услышал торопливые шаги, и на пороге возникла Алиса.

У Кольки тепло заняло в груди при взгляде на маму: такой хрупкой и безмятежной показалась она ему в тот момент. Длинные светлые волосы уложены высоко на затылке, рукава платья закатаны до локтей. Несмотря на то, что Алиса провела последние пару часов у плиты, она напоминала принцессу на светском приеме. Даже случайно выбившаяся прядь волос выглядела изящно закрученным – к месту – локоном.

Алиса вытирала мокрые руки о льняной передник с вышитыми маками. С кухни доносилось многоголосое шкворчание – симфония пятничного ужина. Это тоже музыка, как у папы в кабинете, мелькнуло в голове у Кольки. Он не сомневался в том, что на плите в кастрюле булькает молодая картошка, а мама наверняка прямо сейчас мелко рубила укроп и прочую свежую зелень – вон, травинка прилипла к ладони.

Кольке захотелось развеяться от обиды на то, что такой восхитительный вечер сейчас превратится черт знает во что. Уже превратился. И это мгновение – с симфонией котлет – как бы хотелось его продлить, поставить на паузу.

У Кольки заурчало в животе так громко, что Алиса засмеялась.

Но в следующее мгновение она увидела опрокинутое лицо сына.

Колька поднял глаза на папу. Накрыв маленькой ладошкой его большую руку у себя на плече. Потом снова перевел взгляд на застывшую в дверях Алису.

– Надо искать Дину, – он снова с огромным усилием выговорил нужные слова. Но теперь стало легче. Волна тошноты отступила, даже не поднявшись высоко к горлу, головокружение прошло.

Он аккуратно убрал с плеч отцовские руки и пошарил у себя в кармане. Потом в другом. Достал и протянул папе мобильник, словно тот был доказательством случившейся беды.

– Вот. Я даже... звонил, – он сглотнул. – Но она вне зоны этого... сети. А сообщения не доходят. Она не приехала, в автобусе ее не было! Позвоните тоже! – Он умоляюще смотрел на родителей.

Алиса рывком подняла Кольку и прижала к себе. Он обнял маму за шею, уткнулся носом в ямочку над ключицей – здесь пахло лавандой, хлебом и укропом – и, наконец, разрыдался.

Игорь уже отходил в сторону, доставая из кармана собственный телефон и набирая чей-то номер.

Из дневника Кольки

11 мая 2011 года

У меня сегодня плохое настроение и тяжелый день.

Сложно понять, что случилось и что происходит со мной в снах. Может, у меня болезнь мозга? Я знаю, что бывают разные болезни, и такие, когда болеет не тело, а то, чем мы думаем и чувствуем. Может, я становлюсь сумасшедшим?

И тяжелый день, потому что я думал, что я могу доверять Йосе, а я не смог ему доверять, и мне сейчас стыдно и грустно.

Мы хотели после уроков пойти вдвоем за ручей, в дальнюю рощу. Мама разрешает мне туда ходить, если не одному, да мы уже и раньше вместе ходили. Туда всего час идти вдоль берега, и там вообще удобная тропа. Я взял хлеба с сыром, а пить можно воду из ручья. И там у нас есть дерево с удобной развилкой, чтобы забраться и сидеть, смотреть вниз. Там никто не ходит, но с дерева немного видно море, и там лодочки и корабли на горизонте. И чайки орут по-особенному. Я не знаю почему, но мне кажется, что наши чайки всегда издеваются, как будто они между собой тебя осуждают. Вроде как ребята в школе. Ты идешь мимо, а они: «ха-ха-ха», и как будто знают между собой что-то такое, что тебе обидно. А чайки у того берега не осуждают и не смеются, они делятся секретами, вроде как тоже знают что-то, чего ты не знаешь. Но тебе не обидно, а интересно. И кажется, что вот-вот поймешь.

В общем, я хотел побыть с Йосей там и думал, что, наверное, уже расскажу ему про сны. Потому что я еще ни разу никому не рассказывал, даже Дине. И маме не рассказывал. Мне очень страшно, вдруг взрослые, а ведь Дина тоже взрослая, скажут, что я болен и мне надо к врачу или даже ехать в больницу на исследования. А Йося так не скажет, потому что он тоже мальчик, и вдруг ему тоже иногда снится странное. Вдруг это, ну я не знаю, переходный возраст и гормональное, про которое говорила Дина. Что-то, что должно во мне меняться с возрастом. Тогда у Йоси тоже может быть так.

Но я так думал до сегодня, а сегодня я уже думаю по-другому, я не буду Йосе рассказывать про сны. Сейчас пойду обедать, потом допишу, что случилось сегодня.

Дописываю.

Мы сидели на дереве и разговаривали, как всегда, а потом вспомнили парк аттракционов в Одессе. Это парк, в котором есть разные штуки – карусель, качели и колесо обозрения. Йосе больше нравятся машины, на которых можно ездить туда-сюда и даже врезаться в другие

машины. Но это не страшно, там к бортам привязаны специальные шины для мягкости. А я больше всего люблю колесо обозрения. Йосѐя говорит, что ему там скучно, но мне не скучно, ведь с колеса видно весь город и море. И видно дом, где теперь живет Дина! Даже видно ее балкон и окно.

Но я в этом году еще не был на колесе обозрения. В этом году я в конце апреля болел и не поехал с мамой в город на пасхальную ярмарку. А Йосѐя ездил. И когда мы заговорили про аттракционы, он стал рассказывать, как ему было здорово, а потом вдруг сказал, что они случайно там встретились с нашим Вадиком. И потом замолчал и весь покраснел. А я не заметил сначала, что сказал Йосѐя, я бы и дальше не заметил, но он покраснел и стал быстро говорить, что на самом деле он, конечно, с Вадиком не общается, ведь он дружит только со мной. И что в парке аттракционов так вышло, что их было всего двое на машинках, и они потом разговорились и вместе ели мороженое.

Я даже не понял, почему Йосѐя так странно себя ведет, потому что мне все равно, если он с кем-то еще будет кататься на машинках или даже дружить. Ведь он мой друг. Если бы у меня был еще друг, я бы все равно дружил с Йосѐей, какая разница, кто у меня еще. Ведь когда приезжает Дина или когда я еѐзжу к ней, я не бросаю в тот день Йосѐю.

А Йосѐя странно говорил про то, как они с Вадиком пообщались в Одессе. Получается, это было еще до того, как Вадик тыкал Йосѐю в спину на уроке и шептал гадости про меня и мой доклад. Но как можно сначала есть с кем-то вместе мороженое и гулять, а потом обижать его? Я не понял.

Но в тот момент мне больше не хотелось рассказать о моих снах. Мне почему-то стало страшно. Как будто у меня есть что-то очень хрупкое, что может разбиться. И есть только одна попытка передать это хрупкое другому человеку. Но Йосѐя непонятно себя вел, и я испугался, что разобью свое хрупкое, если начну его передавать. Вот так.

А потом я посмотрел с дерева вниз и увидел, что там туда-сюда ходят чайки. Они почему-то тихо ходили и не кричали, как будто сторожили нас. И мне стало еще страшнее.

А еще, когда мы вспоминали аттракционы и колесо обозрения, у меня в голове появилась на секунду ужасная картинка. Бывает, что сон вспоминаешь не сразу, как проснешься, а позже, когда что-то тебе о нем напомнит. Я в тот момент вспомнил, что мне снилось похожее колесо. Но оно было пустое и не работало, и часть кабинок была сорвана. Как фотография в голове появилась, и мне очень не хочется ее помнить, это ужасно неприятно. Но я теперь не могу забыть.

В общем, сплошные непонятности про этот день. Как будто ничего плохого и не случилось, но все равно мне страшно. Пойду после школы к отцу Дмитрию помогу на огороде. С ним рядом всегда становится легче, даже если не исповедоваться и ничего не рассказывать, а просто быть.

Киев, август 1997 года

Игорь хотел жить с Алисой, а Алиса хотела жить у моря.

Он впервые увидел Алису на книжном рынке на Петровке. Сначала боковым зрением заметил взметнувшийся в воздух рукав платья. Подумал еще: птица. Потом подумал – все это пронеслось в голове за доли секунды – ну какая птица, там что-то светится, то ли лампа, то ли блик в отражении – и повернулся. И замер. Рядом стояла девушка в бежевом платье с длинными расширяющимися рукавами. Одной рукой она прижимала к груди стопку книжек, а другой пыталась поправить выбившийся из прически локон.

Алиса оступилась, и книги посыпались на землю. Как банально, думал потом Игорь, какой сюжетный ход, сам тысячу раз перекладывал человеческими словами с языка на язык

подобный эпизод: она роняет книги, он помогает. Или наоборот. Какая разница. Он еще наклонялся, чтобы помочь Алисе собрать книги, – мельком увидел английские наименования, нет, не художественная литература, что-то связанное с рукоделием, – а кровь уже прилила к щекам, сердце затрепетало. Игорь снова обреченно подумал: птица. Белая птица поселилась внутри грудной клетки и бьет крыльями о прутья.

Сколько себя помнил, Игорь читал и пересказывал сказки. Мальчиком он последовательно прочитал все книжки, до каких дотянулся сначала дома, потом – в школьной библиотеке. Потом из желания прочитать все сказки мира на всех языках Игорь проявил небывалую способность к языкам.

Игорь оказался тем самым счастливым, кто сумел превратить свою одержимость в хорошо оплачиваемую работу. Он переводил детские и подростковые романы с английского, французского и итальянского языков, был жаден до новинок, а его ангел-хранитель – видимо, в особых случаях выделяемый для переводчиков, – уберегал его от всевидящего ока советской цензуры. Каким-то образом Игорь проскользнул по краю бездны, за которую падали некоторые его сотоварищи, пренебрегшие строгими правилами партийной идеологии. Бум фэнтези в девяностых обернулся для него большим количеством заказов от издателей, и Игорь временами сам не очень-то осознавал, на каком свете и в каком мире он находится. Реальность была для него временным пристанищем, которое безусловно проигрывало фантастическим сюжетам книг.

Пока он не встретил Алису.

Алиса словно шагнула ему навстречу из тех самых фэнтезийных романов, и оставалось – буквально – подхватить ее на руки. И помочь собрать рассыпавшиеся книги.

После этого они уже не расставались.

Когда Алиса завершила дипломную работу, Игорь предложил не откладывать свадьбу, сбегать в ЗАГС немедленно и начать жить долго и счастливо в его крохотной квартирке на Подоле. Алиса произвела фурор даже среди требовательных столичных заказчиц, и те два года, что она осваивала тонкости мастерства, она без работы не сидела. Новую немецкую вышивальную машину по нереально низкой – чуть ли не фабричной – цене ей помогла приобрести пожилая хозяйка мастерской, где Алиса училась и где ее хотели принять на работу прямо завтра. Нет, сегодня. Да что там, вчера!

Но Алиса поднимала к Игорю глаза, и он видел в них море.

Так странно, Игорь, который вырос в Киеве, никогда не был в Одессе. На море был – ездил когда-то с родителями в Сочи и к бабушке на Каспий, а Одессу, которая была у него под боком, никогда не воспринимал как город у моря.

Так и вышло, что по окончании обучения Алиса вернулась домой, а спустя две недели вслед за ней приехал Игорь.

Одесса, август 1998 года

Свадьбу играли пышную. Ну как иначе-то. Но без курьезов не обошлось.

Таня Павловна, которая взяла на себя роль распорядителя праздника и по этому поводу сотрясалась в счастливых рыданиях с раннего утра, уперлась, что жених не должен видеть невесту до свадьбы. Поэтому Игорек пускай встречает нас у ЗАГСа, а Алисоньку мы двором обрядим и проводим, как полагается.

До ЗАГСа было-то – полтора квартала, и Таня Павловна просто послала Игоря чуть впереди процессии, чтобы он пробежался, значит, до дверей и там с понтом встретил будущую

жену. Но послала-то она его на Чичерина³, и Игорь, который впервые плутал по сетке одесских улочек, успел убежать довольно далеко вперед, прежде чем заподозрил неладное.

Прохожих спросить он постеснялся, а нужный поворот назад пропустил. Поэтому процессия с духовым оркестром, соседями, соседями соседей и еще парой десятков равнодушных горожан разыскивала незадачливого жениха вокруг ЗАГСа в течение часа. Но всё кончилось, ко всеобщему удовлетворению, хорошо.

Зефирный праздничный наряд продержался на Дине почти полдня, затем она нырнула с головой в фонтан у Оперного, куда после регистрации все отправились гулять и фотографироваться. Таня Павловна всего два раза закатывала глаза и оседала на землю от избытка чувств, требуя к себе повышенного внимания (глоток самогона из фляжки соседа Наума оказался куда действенной корвалола). Оркестр выбивался из сил, тромбон упал в обморок от жары. Приглашенный фотограф оказался по совместительству бывшим тенором ленинградского Мариинского театра и, пока молодые отдыхали на скамейке у фонтана, исполнил для них арию из «Свадьбы Фигаро».

– Светится, – констатировал Юрий Викторович, глядя на Алису, прильнувшую к мужу. Солнце действительно играло с пайетками на ее платье. Почти незаметные глазу, они прятались в складках кремовой ткани и посверкивали в лучах света. Платье струилось так, словно сама ткань была соткана из света и перистых облаков – тех, что ложатся на небо только перед рассветом и на короткий миг окрашиваются розовым.

Но Стоянов имел в виду не платье, и Ханна отлично его поняла.

---

³ Улица Успенская в Одессе получила название еще в 1820 году, по собору Успения Богородицы. За весь период своей истории успела побыть Михайловской, Чичерина, Атонеску, обратно Чичерина. Историческое название – Успенская – вернули в 1994 году с возвращением Украине независимости. ЗАГС Малиновского района находится на углу Успенской улицы и Александровского проспекта.

Глава 5

Вейск, вечер 11 мая 2012 года

Колька без сил лежал на своей кровати. Он думал, что этот день был, безусловно, худшим в череде прожитых за последние месяцы. Ни Йосина подлость, ни школьные проблемы, ни даже липкий ужас *тех* повторяющихся снов не могли сравниться с мгновением, когда родители поняли, что до Дины не дозвониться ни по одному из возможных номеров. Ее начальник тоже не брал трубку: в офисе, судя по всему, было пусто. Бабушка Ханна понятия не имела, куда могла деться младшая дочь: та ее ни о чем не предупреждала.

Колька беспомощно метался по дому и умолял родителей немедленно ехать в Одессу – хоть на перекладных, хоть на такси – только бы не сидеть на месте, только бы сделать хоть что-то. Игорь дозвонился в милицию, и там приняли заявку: это всё, чем мог утешиться Колька на ночь глядя. Хоть кто-то начнет искать Дину прямо сейчас, а Игорь обещал уехать с утра первым же автобусом. Он клялся, что обойдет пешком весь город, если понадобится, но Дину достанет из-под земли. Колька снова ощущал внутри цикадную пустоту: внутренние органы ухнули в полость грудной клетки, в ушах звенело, голова кружилась, пальцы дрожали.

Алиса полежала с ним в темноте спальни, они шепотом прочитали вечерние молитвы, и отдельно – «сего ради к тебе прибегаем, к несомненной и скорей заступнице нашей» Деве Марии.

– Мам, а помнишь, мы читали историю о том, как Мария и Иосиф забыли в храме в чужом городе маленького сына? И возвращались за ним.

Алиса кивнула. Колька размышлял вслух:

– Даже не представляю, каково им было. Без мобильных, без интернета, без быстрого транспорта. Они же за ним дня два ехали обратно... на чем? На осликах, на телегах? Но вернулись! И нашли. Вот кому знакомо чувство – потерять, а потом найти.

Алиса про себя подумала о том, что позже деве Марии пришлось пережить куда более страшные мгновения – у креста. Но промолчала. Обняла Кольку крепко-крепко.

Колька почувствовал, как по щеке сползает слеза и направляется к уху. Мария и Иосиф возвращались искать сына, не имея возможности ни вызвать милицию, ни позвонить по телефону. А сейчас и телефоны, и интернет, и автобусы, и милиция – всё есть. А толку?

Из цикадной пустоты поднимался внутренний шепоток: никто ее не найдет.

Никто в мире не найдет Дину.

Нет, не так.

Никто не найдет Дину в этом мире.

Заткнись, закричал внутри себя Колька, сжимая кулак так, что ногти вонзились в кожу. Слеза достигла ушной раковины и щекотно заползла внутрь. Алиса бережно вытащила из-под Колькиной шеи руку и поцеловала его в лоб.

– Сейчас нужно поспать, – просто сказала она. – Кажется, что мир ушел из-под ног (*блин, мама, ты даже не представляешь, как ты права*). Завтра с утра мы сделаем всё, что в наших силах (*и этого будет мало, мало*).

Алиса ушла.

И теперь Колька лежал, глядя на флуоресцирующее звездное небо. Звезды-наклейки для потолка подарила ему когда-то Дина. Сначала он старался расклеить их в строгом порядке по звездной карте, но потом увлекся созданием собственных галактик и млечных путей. Он смотрел на хвост одинокой кометы, несущейся через потолочный космос, и плакал.

Колька уже точно знал, куда побежит с утра первым делом.

Туда, куда он бежал с любой сердечной болью или вопросом, который не давал покоя. Туда, куда, будучи полуторалетним карапузом, как-то приковылял сам, хотя для этого понадобилось пройти пару кварталов по их улице, свернуть в Ореховый переулок и подняться на холм.

Вот шуму было в поселке! Колька невольно улыбнулся сквозь слезы, вспоминая мамин рассказ о своем побеге. Алиса всего на минуту ушла в дом из сада, оставив сына за увлекательным, как ей казалось, раскапыванием песочной горки. Колька ухитрился открыть задвижку калитки и учесать в направлении сельской церкви до того, как Алиса егохватила.

Отец Дмитрий обнаружил малыша в своем гараже спустя полчаса, когда по улицам уже побежали с тревожными возгласами соседи. Колька сидел на полу возле гигантского мотоцикла, крепко вцепившись в переднее колесо.

А ведь и это тоже, подумал Колька, история о том, как малыш потерялся и родители нашли его в храме. Выходит, и маме знакомо чувство, когда рушится привычный мир.

Гараж отца Дмитрия был местом притяжения многих сельских ребят, но только Колька сам уверенно нашел к нему путь в полтора года. В гараже пахло бензином и свежеиспеченным хлебом: отец Дмитрий если не служил и не исполнял другие приходские обязанности, пропадал на огороде либо в гараже или же колдовал на небольшой кухоньке. Больше всего он любил возиться с картофелем, хлебом и механическими штуками вроде двигателей. Поэтому жители поселка привыкли к необычной смеси запахов выпечки, бензина и ладана.

При воспоминании о гараже Колька задышал чуть ровнее.

«Мирен сон и безмятежен даруй мне, ангела хранителя послы, покрывающа и соблюдающа мя от всякого зла», – пронеслось у Кольки в голове, и он подумал, что этой ночью ему вряд ли светит «мирен и безмятежен» сон. Он знал, что *те* сны не могут причинить вред телу, но отец Дмитрий говорил, что душа подвергается опасности даже во сне.

Колька перевел взгляд с потолка на карниз, к которому крепилась штора из небеленого льна. Карнизом служило старое деревянное весло. Весло когда-то притащили с берега они с Диной. А папа обрадовался и сказал, что у него есть идея, как найти веслу достойное применение. Тогда как раз заканчивали ремонт у Кольки в комнате: белили стены и крепили карнизы. Так весло обрело вторую жизнь и новое призвание.

Вид весла почему-то успокоил Кольку, и он уснул.

Из дневника Кольки

8 июня 2011 года

Меня трясет. У меня очень дрожат руки и внутри как будто лихорадка. Сейчас очень рано, часов пять. Я, наверное, сегодня больше не усну. Я проснулся от ужасного страха, и мне надо рассказать, что я увидел. Но я боюсь рассказывать. Как будто то, что я увидел, живое и может мне навредить даже через бумагу. Господи, помоги мне, пожалуйста.

Я знаю, что с нами всё время Бог, и отец Дмитрий мне рассказывал, что Бог послал ко мне специального ангела. Одного – именно мне! Когда меня крестили, с неба спустился специальный ангел, чтобы меня охранять, он так и называется, ангел-хранитель. Я иногда думаю, как его зовут? У многих ангелов есть имена, Михаил, например, или Гавриил. Или это потому что они другой должности, начальники? А мой, может быть, рядовой ангел? Но мне все равно хотелось бы, чтобы у него было имя. Я бы сейчас его позвал по имени, потому что мне очень страшно.

Мне всегда снятся яркие сны, в которых я путешествую в другие места. Я не всё рассказывал в дневнике, иногда не успевал или лень. Было даже, что мне снилось какое-то место не один раз. Например, в лес с синими существами я потом вернулся еще раз. Мне так хоте-

лось увидеть еще раз тот синий цвет, что я уснул и попал туда. И смог найти дорогу к дереву, а существа уже подросли и сами ко мне спустились. Они мне обрадовались, потому что они пели, а у меня в голове появлялись слова «привет привет привет». Но я пишу про это, потому что мне хочется вспоминать хорошее, а плохое не хочется. Так вот, я много куда попал, и иногда не один раз. Но в то место, которое мне приснилось сегодня, я бы никогда не хотел попасть снова.

Сначала я увидел колесо обозрения и сразу вспомнил, что уже видел его раньше. Это такая махина, больше, чем в Одессе, на полнеба. Но в Одессе колесо вертится для радости, а здесь я знал, что оно больше не работает, но когда оно еще работало, оно было не для радости. Я не знаю, откуда я это знал. И это был не парк аттракционов, это было сооружение для того, чтобы причинять людям боль. Кто-то придумал очень страшные вещи, и я не хочу сейчас писать то, что появилось внутри меня. Как картинка, как кусочек из фильма, будто поставили на паузу. Не могу.

Я шел по улице. Это был город, он был не у моря и не на ровной поверхности, как наш поселок или как Одесса. Может быть, это похоже на Киев, где живет бабушка Лиза, потому что улицы шли то вверх, то вниз. Но у меня было чувство, как будто улицы там сломались. Ну, как будто я могу покатиться по слишком крутой улице прямо вниз. Хотя в реальности мы не падаем с улиц и есть сила притяжения земли, я помню, что это помогает нам всегда держаться на поверхности. А в том сне казалось, что сила притяжения испортилась. И я могу упасть куда-то в совсем ужасное место.

Вообще там как будто испортилось всё. Я дышал, и было противно, но я не мог понять, почему. Не было особенно тухлого запаха, но мне всё время казалось, что я вдыхаю вредное для меня что-то. Я там подумал, так пахнет труп ветра, и сам удивился. Но если можно убить силу притяжения, наверное, ветер тоже можно убить? В общем, когда я проснулся, мне хотелось помыть себя изнутри, если бы было можно. Таким еришком для бутылки.

Многие дома были разрушены. Где-то совсем, так что только куски стен остались. Где-то были выбиты стекла, на стенах я видел надписи. Язык непонятный. Может, это не язык, а какие-то рисунки. Но почему-то от надписей было тревожно, как будто очень много злости там, как будто кто-то на кого-то сильно ругался. Не знаю.

По всей улице обломки валялись, железки всякие, куски то ли машин, то ли другой техники. Я видел и колеса, и что-то гусеничное как танк, видел огромный ковш, больше, чем трактор или экскаватор, меня этот ковш ужасно напугал, он был чуть ли не с половину нашего дома размером, а зубцы такие острые, как будто он живой, с зубами. Это просто гигантская железзяка, и она даже ни к чему не крепилась и лежала неподвижно. Но мне казалось, что ковш может ожить и напасть на меня. Вообще всё было неживое и от всего исходило ощущение, что оно может на меня напасть.

Такого ещё ни разу не было в снах!

Мне многие места в снах раньше нравились, были те, в которые просто неинтересно было бы возвращаться снова. Например, та бесконечная вода, в которой я просто плыл и плыл, пока были силы, и потом утонул, то есть проснулся. Это было неприятно, но скучно и нестрашно.

А здесь было ужасно противно. И мне казалось, что нельзя долго смотреть на одно и то же. Если я смотрел на дом или этот ковш, то у меня в голове начинали звучать ужасные крики, как будто война или катастрофа. Я не хотел это слышать. Но всё это место как будто вопило мне: смотри, что тут случилось. А я не хотел. Я хотел проснуться и никак не мог. И мне очень обидно, что я во сне не вспомнил ни про Бога, ни про своего ангела. Ведь я наяву о них помню почти всегда, и если мне грустно или страшно, я могу попросить помочь. Но в том месте как будто не было памяти о Боге. Я просто ходил по улице и думал, что сделать: подняться на крышу дома и прыгнуть, чтобы проснуться? Но мне не хотелось это

делать, потому что это вроде как самого себя убить, а я не хочу убивать себя даже во сне, это неправильно.

Меня разбудила смешная штука в итоге. Грохот, и я открыл глаза. Сначала было дико страшно, потом я обрадовался, что жив и дома. А потом понял, что грохнулось мое весло вместе со шторой. Там выпало одно карнизное крепление, которое делал папа. Как хорошо, что это случилось сегодня! Я не знаю, как бы я оттуда просыпался сам.

Вроде в доме тихо, шум никого не разбудил.

Допишу потом.

Пишу сегодня позже.

Я попробовал поговорить с мамой. Раньше я боялся рассказывать предкам про сны, потому что думал, они не поверят. Я сначала рассказал про хорошее, про те красивые места, которые мне нравились. А потом про сегодняшшний кошмар. Мама слушала внимательно, она меня вообще всегда слушает, даже когда работает. Но она так и сказала, как я думал. Она сказала, что у меня очень хорошее воображение и что это здорово, потому что что я могу быть писателем или придумывать кино. Если захочу. Я объяснил ей, что сейчас я не хочу ничего писать и что я ничего не придумываю, оно само со мной происходит! И что мне нравилось то, что происходило раньше, но последний сон мне совсем не нравится, и мне страшно. Но мама начала рассказывать про сознание и подсознание. Сознание оно как этажи дома, а подсознание как подвал. И бывает, что мы в подвал складываем разные ненужные вещи, а потом про них забываем. Но они там все равно есть. И тогда во сне из подсознания появляется то, про что мы забыли.

Но почему в моем подвале это страшное, про смерть и мучения незнакомых людей? Я туда такого не складываю. У папы в книжках иногда бывает про войну, бывает про злых существ, но нигде не было про такой противный мертвый мир. Я не верю маме. То есть я верю, что она хочет, чтобы всё можно было объяснить просто. Но мне кажется, эти сознания и подсознания как раз слишком сложное и дурацкое объяснение, а должно быть другое. Можно ли попадать в другие миры? В Нарнию дети попадали через шкаф и еще по-всякому, Джек Сойер⁴ пил специальную жидкость, но они ведь там оказывались целиком, а я тут сплю.

Я вдруг подумал, что хорошо бы проверить, сплю ли я у себя в кровати, когда мне снятся те сны. Надо все-таки всё рассказать Дине, она мироვეцкая, она может понять, а не как предки.

Вейск, март 1999 года

Мария Исхаковна Баумейстер умерла быстро и практически безболезненно.

Умереть во сне было бы еще проще, но это было не в характере Марии Исхаковны. Она спала мало, но не потому что страдала старческой бессонницей, а потому что постоянно, до последнего дня своих девяносто пяти лет, торопилась жить. Мария Исхаковна вставала с петухами, а то и раньше, и еще затемно начинала хлопотать по хозяйству: приносила воды, замешивала тесто, задавала корм курочкам и собирала свежие яйца, подметала начисто во всех помещениях, срезала цветы и ставила в вазы. А после нехитрого завтрака – кофе да яйцо с хлебом – шла в сад и на огород и до полуденной жары успевала и полить, и прополоть, и подправить что надо.

И днем ей было чем заняться. Могла ягоды ставить на домашние наливки, вареников налепить или пирожков напечь, потом садилась на велосипед и отправлялась в лавку. Мария

---

⁴ Колька имеет в виду Джека Сойера из романа Стивена Кинга «Талисман» (1984 г., русский перевод вышел в 1993 г.). Главный герой – двенадцатилетний мальчик, который может при помощи особого напитка попадать в другую реальность – Долины.

Исхаковна всегда находила повод поехать в магазин, ведь по дороге можно остановиться и посудачить с соседками обо всем на свете, а потом завернуть к отцу Дмитрию в огород и провести там не меньше получаса. Они обсуждали, какая напасть эти колорадские жуки, какие грядки у отца отведены под «балтик роз», какие – под «каратоп», и кто из картофана более привередлив к почве, кто менее, и как отец умудрился на своих десяти сотках развести такой балаган, настоящий картофельный цирк, сердилась Мария Исхаковна. Картофель – дело серьезное, уж взялся выращивать – не смешивай сорта, не путай сроки, не выделывайся ты со своей шелекцией. Ученые всё давно за тебя придумали, а нормальный человек на земле должен выращивать и потреблять. Или выращивать и продавать. Но не носиться же с ростками, как с детьми малыми, не разговаривать же с ними, Господе Иисусе и все святые угодники! А этот сидит на корточках посреди огорода и поет то ли себе в бороду, то ли в заросли свои.

И что поет-то, по-ихнему, по-иноземному.

Заскакивала Мария Исхаковна к священнику вроде на минутку, а уж и велосипед давно брошен лежит у огорода, да и в огороде никого не видать – переместились оба в кухню. Хлеб свежий разломлен, маслом сливочным ломти намазаны, а у Марии Исхаковны и вишневая наливка с собой в авоське всегда припасена. А потом отец Дмитрий с грохотом водружает на плиту огромную – с пол-литра – медную джезву. И вот, уже шипит кофе, и разговор уже давно соскочил с картофана на догмат о Троице, и отец Дмитрий, распаясь и стуча огромным кулаком по столу, третий раз объясняет старушке про филиокве. И Мария Исхаковна в третий, на самом деле, в который уж раз (со счету оба давно сбились) не может понять, как это – когда один в трех лицах, да еще и дух то ли от сына, то ли от отца, то ли от отца через сына: совсем ты меня запутал, бородатый, поеду я, вообще в лавку собиралась, ладно, давай еще по чашечке... и снова шипит на плите кофе.

Занятой человек была Мария Исхаковна.

И умерла она быстро, словно между делом. Лезла на крышу – то ли ей вздумалось ставень на мансардное окошко приладить получше, то ли почистить что. Ногу подвернула, рухнула вниз и сломала шею.

Никогда Мария Исхаковна не боялась смерти, готовилась к встрече с ней как с давней подружкой. Ни воскресенья не пропускала без исповеди и причастия – это строго соблюдала. Воскресенье и было, вторая половина дня, когда она преставилась.

Ханну, дочку Марии Исхаковны, и деток той – Алису с Диной – в Вейске, конечно, знали. Алису, а после и Дину то на полное лето в село отправляли, то хотя бы на месяц. Потом слух пошел, что Алиска замуж выскочила – за какую-то столичную цацку. Из вейских никто того Игоря в глаза не видел, Ханна только приезжала, рассказывала.

На похоронах и увидели.

На похороны Марии Исхаковны все село пришло: и дети малые, и старики, и даже те, про кого думали, что они уже ходить разучились. Рекой полноводной – шли и шли люди от церкви к маленькому кладбищу. И музыканты откуда-то взялись, никогда в селе не играли на похоронах, а тут, видать, Ханна из самой Одессы пригласила ансамбль.

И Стояновы оба, и Алиса – тонкая, бледная, круги под глазами черные в тон платью, и чертенок Дина в трауре – даже ни разу не изгвадалась за целый день, и Игорь этот, птица залетная. Волосы в хвост длинные, профиль точеный, ну чисто граф какой.

Схоронили, помянули. Уехали Стояновы с детьми в свою Одессу, дом пока заперли, соседка Тома обещала присмотреть по мере сил за садом: весной, понятно, сажать никто не станет ни картофель, ни томаты, а дальше – видно будет.

Алиса с Игорем переехали в Вейск к середине лета.

Глава 6

Вейск, май 2012 года

Сны начали сниться Кольке, когда ему исполнилось семь лет.

Обычные сны, он, конечно, видел и раньше. Но вот такие – яркие, плотные, похожие на цветное кино, в которых он словно путешествовал, отличались от обычных. Колька пару раз даже попадал во сне в знакомые места. Он никогда не был в Петербурге, но папа летал туда и рассказывал про белые ночи и особенные мосты. Мосты через реку по ночам разводили, чтобы под ними могли проплыть грузовые баржи и другие крупные корабли. Кольку так поразила эта идея, что в одну из ночей он увидел во сне сливочное небо незнакомого города, острый шпиль какого-то собора и взметнувшиеся вверх пролеты мостов. Увидел потом в кино город, сразу узнал. Тут можно было бы придумать простое объяснение: наверное, Кольке и раньше доводилось видеть изображения Петербурга, но мозг запрятал память об этом поглубже, а потом она во сне и всплыла.

Но как тогда объяснить мир с каменными деревьями? Мир с поющими синими животными?

Однажды Колька увидел что-то совсем фантастическое, для описания чего у него и слов подходящих не нашлось. Огромные стеклянные сооружения, светящиеся изнутри, все разного размера, словно гигантские кристаллы. И между ними летали какие-то аппараты, тоже как будто стеклянные и тоже светящиеся. И сам он в том сне находился внутри такого летательного аппарата, и дух захватывало от скорости и легкости управления. И Колька лавировал между кристаллами, успевая разглядеть внутри них движущиеся тени. Так и не понял: населяли тот мир живые существа или сами эти кристаллы живые. Откуда это всё появилось у него в голове?

Колька начал вести дневник, чтобы не забывать увиденное во сне. Он прятал дневник на дне старого бабушкиного сундука. Колька не боялся, что кто-то из домашних будет рыться в его вещах – мама и папа даже в его комнату без стука не заглядывали. Просто ему самому так было спокойнее. Словно можно вытащить всё непонятное из своей головы и хотя бы на время убрать в сундук. И запереть.

Пугающий сон начал сниться Кольке позже, когда ему было около девяти.

Колька не любил страшные сказки и истории.

Папа читал ему много книг в раннем детстве, и библиотеку Левандовские собрали великолепную – мало в каком доме в те годы на полках стояли не только советские тома «Детской литературы» и «Мира приключений», но и отдельные переводные издания Толкина, Льюиса, Кинга, Азимова, Саймака, Шекли, Нортон, Брэдбери и многих других авторов. Колька захлеб читал и приключенческие новеллы, и фэнтези, даже научную фантастику: что-то ему было не по зубам, но очарование от слога и сюжета поймать удавалось. Он откладывал книгу, только если история становилась слишком мрачной. В Кольке не было свойственной многим детям тяги к ужасам. Даже «Легенду о Тиле Уленшпигеле» он не дочитал из-за слишком живого и подробного рассказа о пытках и кострах.

Поэтому когда Колька во сне впервые попал в мертвый мир, он растерялся и перепугался.

Пепельным он называл его про себя. Он слышал на зубах скрип пыли и чувствовал, словно из легких откачали воздух, но не просто оставили вакуумную пустоту, а заменили мертвым ядовитым газом, несовместимым с жизнью.

Там были и пустоши, были и строения, горы и равнины, Колька несколько раз попадал во сне в разные точки этой вселенной и волей-неволей собрал у себя в голове ландшафтный пазл.

Самый сильный страх в нем вызывал город, находящийся в низине между двумя горами. Что-то почти полностью разрушило часть домов. Колька никогда не видел вблизи ни последствий землетрясения, ни разрушенных взрывами городов; он не мог предположить, кто нанёс этой местности такой страшный урон. Но обломки военной техники на улицах – машины с колесами, гусеничные танки, покореженные стволы гигантских орудий – позволяли предположить, что разрушения были делом рук человеческих.

Или не-человеческих?

Колька отчаянно боялся даже смотреть в сторону завалов и руин зданий, потому что где-то же должны быть трупы тех, кто не пережил эту страшную бойню. Трупы или скелеты. Он осторожно ступал по обломкам, перелезал через машины, жался к обочинам и всякий раз с отчаянием думал только об одном – как бы скорее проснуться. Что-то было странное в этом умершем городе. Что-то одновременно и манило Кольку вглубь – туда, где дома выглядели менее разрушенными – и отталкивало, заставляло покрыться испариной. Всякий раз в этом сне мальчик заходил чуть дальше. По знакомой улице было идти не так страшно. Серые стены, серые улицы, серые обломки – всё покрывала серая пыль.

После пробуждения Колька обычно плакал и молился.

И всякий раз задавал себе один и тот же вопрос: почему там, внутри сна, он может вспомнить себя, знает свое имя, но не помнит маму с папой и не может молиться? Будто завеса падает на его память.

Тот же сон он увидел после вечера, когда исчезла Дина.

Во сне он был одет в одежду, в которой бегал на автостанцию накануне: в бежевые шорты с накладными карманами и серую футболку с надписью «It's a beautiful day» поперек груди. На ногах были коричневые кожаные сандалии – Колька посмотрел на правую ногу, на левую... что-то смутно шевельнулось в голове... ремешок. Он наклонился и проверил оба ремешка: на месте, не порваны! Но почему они должны быть порваны?.. Пляж, дорожка... цикады... Дина!

Кольку словно током ударило, он подскочил. Он вспомнил события последнего вечера.

Колька огляделся. В этот раз он стоял почти в центре ненавистного города. Он знал этот перекресток: если повернуть направо, он поднимется по склону. На этой улочке будет меньше разбитых машин, и идти там не так страшно. А потом улочка упрется в холм, и по тропинке можно вскарабкаться наверх. Холм покрывала жесткая, будто пластиковая, желтая трава. Деревья стояли без листьев и выглядели так, словно из них ушли все соки. Может, так и было. Мертвая роща. Кольке не хотелось прикасаться к этим стволам. Казалось, от прикосновения деревья могли попадать друг на друга, подобно костяшкам домино. Но на этом холме, по крайней мере, не было построек и обломков недоброй техники, предназначенной для убийства живых существ. Колька часто старался добраться сюда, чтобы коротать среди мертвых растений время до пробуждения.

Если пойти прямо, он выйдет к центральной площади. К тому, что от нее осталось. Мальчик вздохнул и попытался перебраться через покореженный кузов машины, перегоревшей ему дорогу. Голубой металл, тронутый коррозией и покрытый пепельной пылью, выглядел блекло и мертво. На боковой двери машины виднелись глубокие борозды, похожие на царапины. Колька поморщился. Выглядели они так, будто гигантское чудовище царапнуло по машине лапой в попытке ее догнать и схватить.

Колька перекатился через капот и пошел дальше по улице.

Свет здесь всегда был одинаковый: тусклый, серо-сумеречный. Колька вертел головой, пытаясь определить источник света, но не мог. Он никогда не видел, чтобы небо в одной части было светлее, чем в другой – ни намек на восход или закат. Казалось, небесные светила превратились в мумии и где-то замерли, отдавая последнее тепло.

Колька дошел до угла дома, и его глазам открылась площадь.

Когда-то посреди, видимо, был сквер с памятником, но сейчас там торчал опустевший постамент, рядом с которым валялась бесформенная груда камней. Площадь окружали невысокие строения. Они странно кривились и нависали над центральным сквером. Всё вместе было похоже на разъявленную пасть столетней старухи. Редкие толстые стволы без листьев – то, что осталось от зеленых насаждений возле памятника, – усиливали сходство, напоминая гнилые пеньки зубов.

Но что-то выбивалось из общей картины. Кольке казалось, будто боковым зрением он видит движение слева. Он резко поворачивал голову – и видел неподвижные мрачные строения.

Колька почувствовал, будто волоски на его теле встали дыбом. Он знал, как гудят линии электропередач и какое странное чувство испытываешь рядом с ними. Здесь было что-то похожее. Никаких проводов он не видел, но гудение и напряжение в воздухе усиливалось по мере продвижения вперед. Заныли десны, они как будто чесались изнутри.захотелось зажмуриться и зажать руками уши. Колька остановился и помотал головой.

Он еще никогда не заходил дальше этой площади. Даже когда некоторое время назад его стало словно притягивать в центр города, когда к тошнотворному ужасу сновидения добавилось ощущение чужого присутствия, он сюда не добирался.

Но что если пришла пора разобраться, что за чертова подолбень тут происходит и зачем ему это постоянно снится?

Колька никогда не употреблял ругательных слов даже мысленно. В семье было принято выражать сильные чувства не через грязные слова, а через обозначения эмоций. Если Колька злился или был расстроен, он изо всех сил кричал «я злюсь!», и этот вопль – на выдохе, так что потом саднило горло, – волшебным образом освобождал его от неприятного напряжения внутри. Конечно, его ушей не миновали обороты, которыми сдабривали речь соседи. Из Колькиных ровесников один Йося не употреблял регулярно крепкие словечки. Хотя как раз с Йосей они как-то в уголке сада шепотом тренировались повторять то, что слышали от одноклассников. Хохотали до колик – Колька вздохнул и протер глаза руками – и *чертова подолбень* была в тот день самым безобидным словом из набора ругательств.

Но здесь произошла – или продолжает происходить? – именно она, долбаная чертова подолбень. И какое это всё имеет отношение к нему, к Кольке?

Колька почувствовал внутри мертвого воздуха какие-то потоки. Это не было похоже на ветер, скорее на силовое поле. Его словно подталкивало влево, влево поворачивать было проще, а чтобы двигаться прямо или вправо, приходилось преодолевать небольшое сопротивление. Звон в ушах усиливался.

Колька решил поддаться. Он начал обходить площадь по периметру слева. Ему показалось, будто краем правого глаза он видит то ли мерцание, то ли движение. Как будто ему подмигнул целый дом! Колька остановился как вкопанный и посмотрел на ближайшее к нему здание.

Забор из гофрированной жести окружал территорию у дома. Окна зияли чернотой, но, к своему изумлению, Колька заметил, что чернота прячется за абсолютно целыми оконными стеклами. Это было первое здание в этой тухлой реальности, не выглядевшее разрушенным

или изрядно пострадавшим. На заборе висела какая-то табличка, но Колька уже протянул руку, открыл калитку – она поддалась быстро, без скрипа, словно только и ждала его протянутой руки – и вошел внутрь.

Здание походило больше на бизнес-центр, чем на жилой дом. Все стекла – целехонькие – выглядели так, будто их недавно помыли изнутри и снаружи. Дверь покрывала пленка, что означало, что дверь установили недавно.

Колька похолодел. Язык прилип к гортани, во рту пересохло, и Колька впервые за время своего пребывания в этом месте почувствовал жажду. И не просто жажду: каждая клеточка тела завопила «воды!», словно он был деревцем, которому отсекали корни. Колька вспомнил деревья на холме. Он прижал ладони к щекам, словно опасаясь пальцами ощутить жесткую древесную кору. Щеки были мягкими, но пальцы слушались плохо и с трудом сгибались в суставах, Кольке даже померещилось, что они поскрипывают, как заржавевший механизм.

Он с трудом заставил себя протянуть руку вперед и взяться за дверную ручку. Сделал шаг вперед... и открыл дверь.

Из дневника Кольки

5 июля 2011 года

Йося уехал до августа.

У них родственники в Израиле, и они с мамой поехали туда на море. Хотя у нас море у самого дома и не так жарко, как в Израиле. Мне Йося рассказывал, что там летом можно упасть в обморок, если вовремя не пить и не прятаться в тень. Он говорил, что просто увидел перед глазами асфальт, бах, и уже темно.

Я скучаю. А Дина застряла на каком-то проекте. Она каждые выходные пытается выбраться, но потом пишет, что снова не получится, что на работе запара.

Такое странное лето. Все заняты, и я сам по себе. Обычно мне нравится быть самому по себе, читать и даже гулять. Я могу сидеть на моем дереве с книгой или просто так, придумывать, что я скачу на коне и сражаюсь, я так могу долго сидеть один, нескучно. Но сейчас у меня внутри тревожный ком, как будто я проглотил очень много сахарной ваты, и она вся во мне застряла. И мне хочется поделиться тревогой, чтобы кто-то вытащил ком.

Хорошо хоть противные сны не снились уже месяц. Но и другие, которые хорошие, пока тоже не снятся.

Я читаю сейчас рассказы из той книги, где марсианские хроники. Мне там не всё нравится, есть страшные, а некоторые скучные. Был рассказ про человека, который остался на планете совсем один. Все дома были пустые, люди улетели на ракетах заселять другие планеты. И он сначала очень скучал и хотел кого-то найти, чтобы поговорить. И чтобы не остаться одному на всей земле, может, снова делать детей. А потом нашел тетку, и она оказалась такая противная и глупая, что он от нее сбежал и стал рад, что один. И с тех пор ему было хорошо одному, он больше не искал других людей.

Я вчера сделал глупость, от которой мне стало еще хуже.

Я шел рядом с домом, а на дорогу выбежала курица бабТома, и что на меня нашло, я ей дал под зад. Она удобно подбежала к ноге, и она была такая глупая, а я как раз дочитал тот рассказ и думал, как ужасно бесила толстая тетка, особенно если ты знаешь, что больше никого на планете нет.

И я как дал курице пинка, она взлетела вверх и заорала. А оказалось, что бабТома стояла у калитки и как раз смотрела. И она побежала к маме сразу, а не ко мне. Я ушел на обрыв и там ревел. Если бы она подошла ко мне, я бы извинился и объяснил, как я злюсь и как мне

плохо, когда я один, а все ребята, кроме Йоси, такие, как тетка из рассказа, когда уж лучше вообще быть одному на планете. А мама с папой заняты, и Дина тоже никак не едет.

И мама пришла ко мне на обрыв и спросила, зачем я дал пинка курице. Я маме объяснил, она меня поняла и долго-долго обнимала. Мама лучшая. Но мне все равно очень тяжело, ком никуда не делся. И мама сказала сходить к отцу Дмитрию, да я бы и сам пошел даже просто поговорить. Я не чувствую, что я делал какие-то плохие вещи, но наверное дать под зад курице – это уже грех.

Допишу потом.

Оооо. Дописываю. Это было нечто!

Я вообще не ожидал, что получится такой разговор. Я думал, я просто приду, расскажу про курицу, и мне отец Дмитрий скажет, я отпускаю тебе грехи, и чтобы я прочитал «отче наш». А потом мы пойдем в гараж, может быть, надо будет чинить задний амортизатор, он недавно говорил, что появился стук и что он будет проверять амортизатор, а я просил, чтобы он без меня не чинил, я хочу помочь. Так вот, я рассказал сначала про курицу и про тот рассказ и про то, что мне досадно и я жалею, что пнул живое, живое не виновато, что мне не с кем поговорить.

А потом я сказал, что у меня тревожный ком. И отец Дмитрий отпустил мне грех, но не пошел сразу в гараж, а предложил мне чай и свой хлеб (обожаю!!!) с вареньем. У него был вчера совсем вкусный хлеб, картофельный с тыквенными семечками и корочкой, а внутри мягкий, блин, я хочу про важное писать, но это было так вкусно, что нельзя не написать.

Так вот, мы сели пить чай, и он спросил меня про тревожный ком и почему я такой хмурый бываю. А я и не знал, что видно со стороны, что я грущу.

И так получилось, что я ему сказал про сны.

Я сам не заметил, как начал говорить, мне кстати с оДм. всегда нестрашно говорить, нет запинания того, и голова не кружится, как в школе. Потому что я знаю, что он слушает. Ну как мама.

И я ему рассказал, как мне ярко всякое снится и что это отличается от простых снов. И про страшное рассказал. И я сказал, что мне так обидно, что в страшном сне я не могу помолиться, как будто мне что-то мешает.

Отец Дмитрий так слушал! Меня вообще никогда взрослый не слушал так, чтобы забыть жевать хлеб и даже положить его на стол. Он просто сидел и смотрел на меня, и мне было так хорошо и спокойно. А он спрашивал всякие подробности про страшные сны и про другие тоже. Он сказал, что хотел бы посмотреть на тех синих существ и послушать, как они поют! Он так говорил, как будто это настоящее, а не так, как мама, что я всё придумал или это у меня в подвале подсознания.

А потом он мне сказал такое, от чего мне как будто стало легче, но и страшнее тоже. Но по-другому. До этого мне было тревожно от непонятности, а после стало страшно от того, что он может быть прав, но зато легче, что он мне поверил!

Он рассказал про то, как Адам и Ева, это первые люди, сделали первый грех. Ну это я знаю, они съели яблоко, но дело было не в яблоке, а в том, что они не послушали Бога. Мне всегда было обидно, я бы послушался, если бы мне сказали не трогать что-то, ведь у них был целый рай. Ну в общем оДм. так сказал, что мы теперь вообще не можем себе представить, что такое настоящий человек в настоящем раю, который для него придумал создатель. Мы потомки Адама и Евы, которые согрешили, и мы как бы теперь тоже поврежденные. Не в смысле плохие, мы можем быть хорошими, мне сложно объяснять, оДм. всё понятно говорил, а я записываю как фигню.

Мы не виноваты в том, что те съели яблоко, но как бы и виноваты. Не так виноваты, как я виноват, что пнул курицу. Но у нас просто есть последствия – мы можем умереть, болеть и вообще можем делать плохое. Это называется повреждение воли. И мир вокруг тоже как бы болеет. Вот! И оДм. сказал такое важное слово, раскол. Ну как будто вселенная, которую мы не можем себе представить, потому что мы УЖЕ потомки первых людей, в тот момент раскололась на кусочки. И нам достался только один, наш. ОДм. сказал, что это не точно так, но что есть такая теория. И она ему кажется верной.

А еще он сказал, где-то в библии есть фраза «в доме отца моего обителѐй много», ну как-то так, я не помню точно. ОДм. говорит, ее объясняют как ну типа в раю найдется место каждому, на любой вкус, но он встречал и такие объяснения, что есть много-много разных обителѐй, то есть других миров, и когда мы умрем, мы всё узнаем и увидим сами.

Есть другие миры!!! Могут быть! Я сейчас пишу и чувствую, как будто стул уезжает из-под меня, так мне невероятно странно от этого. Могут быть другие места, и я почему-то их вижу во сне, и оДм. обещал, что он попробует узнать, почему это может быть со мной. А пока он просил вообще никому не говорить. Но я и не стал. Я попробовал тогда маме, но пусть она лучше считает, что это сны. Я бы Дине рассказал, но ее нет всё время рядом. А Йосе не буду. Он хороший, но мне иногда кажется, что он может случайно сделать что-то или сказать плохое.

И еще оДм. сказал важное о зле вообще. Он сказал, что зло не может войти в тебя, пока ты его не пригласишь. Это как вампиры в сказках, я читал, что они не могут войти в дом без приглашения хозяина. Вот и тут так. И что зла самого по себе не существует, оно как бы отсутствие добра. Есть свет, а зло – это то, что бывает, когда свет выключают. И нужно не бояться зла, не думать о нем всё время, потому что его на самом деле нет, а заполнять место светом. Оказывается, зло очень слабое, но питает его наше внимание. То есть если много и сильно думать про зло, если всё время его бояться, оно от этого вырастает, и нам кажется, что оно еще сильнее и так далее.

Поэтому даже если я в том сне попадаю в плохой мир, который правда есть, мне надо стараться поменьше этого бояться и побольше заполнить жизнь чем-то хорошим. И если у меня внутри будет достаточно хорошего, то плохому не будет места туда войти.

Но как бы научиться в тех снах вспоминать про хорошее. А то я там как будто потерянный. Надеюсь, что Бог помнит про меня не только когда я помню про него.

Заканчиваю, устал.

Вейск, август 2003 года

Дина Стоянова вовсе не собиралась становиться чьей-то крестной матерью в свои пятнадцать. И уж точно ей бы не пришла в голову идея стать крестной собственному племяннику. Алиса с Игорем не собирались крестить ребенка. Колька, почти двух лет от роду, тоже не рвался нырять голым в купель с водой.

Единственным человеком, чье желание окрестить мальчика оказалось достаточно сильным, чтобы это осуществилось, была бабушка Ханна. Всякий раз, когда она приезжала в Вейск помочь дочери с малышом, она настойчиво уговаривала Алису крестить сына.

– У тебя и церква под боком, – мягко увещевала Ханна дочку, – и священник вон какой ладный да громкий, знает дело. А ты когда малёха была, мне пришлось чуть ли не задворками тайком тебя тащить знакомому попу, в наше время официально и нельзя было ребеночка окрестить.

– Ну и зачем? – интересовалась Алиса, прикусывая нитку и перебрасывая через локоть голубое полотно.

– Затем, что защита нужна дѣтине, ангел-хранитель нужен, сама не веришь, так мне поверь. Я поболе твоего видала, и со священником поговори, он тебе грамотно разложит.

С отцом Дмитрием к тому моменту Колька и сам крепко сдружился.

После знаменательного побега к мотоциклу Алиса сама приводила малыша в гараж к священнику, и без посиделок со свежим хлебом и кофе не обходилось. Внучку и правнука Марии Исхаковны священник принимал с тем же радушием, с каким встречал когда-то самую старушку. Теперь он был немолод, но всё с той же страстью копался в огороде и в двигателях, а домашний его хлебушек становился год от года всё ароматнее и пышнее. К удивлению Алисы, священник никогда не давил на нее, хотя нередко заводил разговоры о природе добра и зла, о крещении и благодати.

– Благодать, – басил он, обильно поливая грядки из лейки и поглядывая на ковыляющего рядом карапуза, – она душе как вода картофану. Ежели окрестить, то в душе речка появляется, по которой вода побежит, а ежели не окрестить, то все равно Бог всех нас из своей лейки польет, сколько достанет. Но речка – она лучше. Она полноводный поток, и человек до конца своих дней не будет жажды иметь.

Алиса с сомнением качала головой.

Ее-то крестили в младенчестве, но не сказать, чтобы она чувствовала в душе какой-то поток. С другой стороны, и доводов против крещения сына у нее больше не было. Пока сама жила в Одессе, в церковь не ходила и во все эти потоки и ангелов особенно не верила.

Но в Вейске церковная жизнь вдруг стала ближе и осязаемей: отец Дмитрий оказался тем самым человеком, у которого вера не расходится с повседневными делами. Он с одинаковым рвением помогал чинить заборы односельчанам и между делом чинил их же покосившиеся браки. Он с нежностью брал в свои лапищи молодые картофельные клубни и с такой же нежностью поднимал над купелью новорожденных младенцев. За четыре года жизни в поселке Алиса ни разу не слышала, чтобы священник запугивал кого-то адскими котлами или требовал денег на церковные нужды. Напротив, он чуть ли не своими руками построил приходской дом, в селе поговаривали, что и церкву он восстановил почти из руин сам, когда приехал в Вейск – сколько лет назад? Алиса точно не знала. Прошлое отца Дмитрия виделось сельчанам остросюжетным боевиком с элементами триллера. Поговаривали, что он родом из Кемерово, но по миру успел помотаться изрядно: служил и в Сибири, и где-то в Мексике и даже какое-то время обучался в самом Ватикане. И когда только всё успел?

Как бы то ни было, а за время жизни в Вейске Алиса смягчилась в своем отношении к церкви и ее служителям.

В день крестин – из Одессы приехали Стояновы с Диной – шел проливной дождь.

– «Понесли крестить Уленшпигеля; вдруг полил проливной дождь, и он весь промок. Так он был окрещен в первый раз»⁵, – нараспев произнес Игорь, кутая сына в синий дождевик и вставляя Колькины ножки в резиновые сапоги. – Ну пошли, проложим в маленькой душе полноводное русло.

Игорь, как и Алиса, особенно не верил в церковные обряды, но тоже успел проникнуться доверием и симпатией к отцу Дмитрию. Игорь восхищался прямоотой, с какой священник говорил о Боге, и тем, какие простые слова находил для объяснения непостижимого.

Сюрприз ждал их в церкви:

---

⁵ Игорь цитирует «Легенду об Уленшпигеле» Шарля Де Костера.

– А крестные кто? – Черная борода отца Дмитрия дернулась вверх и тут же опустилась обратно, он хохотнул: – И я хорош, переговорили, ко всему подготовились, – он кивнул на вышитую белую сорочку в руках у Алисы, – а про крестных-то кто напоминать будет?

Священник перевел взгляд на Дину.

Дина стояла, прислонившись к стене, поджав ногу, как цапля.

На ней была длинная – по случаю особого события – юбка, но от внимательных глаз отца Дмитрия не укрылся бунтарский разрез от бедра. Нельзя было утверждать с уверенностью, но в разрезе, кажется, мелькнула сеточка чулка. Черная челка закрывала один глаз, в ухе, которое было не прикрыто копной волос, виднелось то ли три, то ли четыре серебряных колечка. На отца Дмитрия уставились сверкающие глаза. Дина внезапно выдула ярко-розовый пузырь, и он с треском взорвал ароматную церковную тишину.

– Дина! – ахнула Ханна Борисовна, но священник остановил ее жестом.

– Ничего-ничего, я тоже это дело люблю, мне даже как-то, еще при Союзе, привозили пачку американской резинки, с коричневым вкусом, не поверите. – Взгляд Дины загорелся восхищенным любопытством. – Из нее такие пузыри получались, никогда не забуду.

Дина вытащила жвачку изо рта, завернула в фантик и, вспомнив об отсутствии в юбке карманов, затолкала ее себе куда-то под ляжку бюстгальтера. Игорь хмыкнул, Алиса покраснела.

Ханна Борисовна подплыла к священнику. Алиса отметила про себя, как забавно они смотрятся рядом: кругленькая невысокая мама и бородатый гигант.

Дина щекотнула заскучавшего Кольку, тот расплылся в улыбке и требовательно протянул к ней руки.

– Отец Дмитрий, – виновато начала Ханна Борисовна, – мы здесь люди нечастые, раз в год понаедем на праздник, но заповеди чтим, – Ханна истово перекрестилась. – Запомнили про крестных-то, а кого просить было? Может, таки кто у вас тут найдется, служка или коллега, – слово «коллега» она выговорила с особой важностью, чуть ли не по буквам, – кто в христианской вере посильнее нас будет?

Отец Дмитрий не успел ответить. Тишину взорвал дикий грохот: пока взрослые решали свои скучные проблемы, Дина, таскавшая племянника по храму взад-вперед, держа того под мышками, врзалась спиной в деревянный аналой, и все трое – Дина, аналой и взревевший малыш – грохнулись на пол.

Последствия аварии ликвидировали быстро.

Юрий Викторович вышел во двор покурить, а отец Дмитрий с интересом уставился на Дину.

– Крестной малому будешь⁶? – спросил серьезно.

– Я?!

– Она?! – хором выдохнули присутствующие.

Даже сам Колька, казалось, ошалел от такой перспективы и с размаху сел на пол. Алиса взяла сына на руки. Отец Дмитрий и бровью не повел.

– Сама окрещена? Окрещена. – На Пасху Стояновы обычно все приезжали в Вейск, и священник знал, что к исповеди и святым дарам они приходили всей семьей. – Ну и всё. А помочь мальчика растить в христианской вере – дело такое, семейное. И самой на пользу пойдет.

Алиса была уверена, что Дина откажется, и приготовилась извиняться за очередную сестрину выходку, но та внезапно кивнула. Спросила только:

– Скажете, что делать?

---

⁶ Отец Дмитрий собирался крестить Кольку в греко-византийском обряде. Крестными родителями допускается быть родственнику (кроме отца и матери ребенка). Так что никаких препятствий к тому, чтобы крестной Кольки стала его родная тетя, не было.

– А крестный отец как же? – вмешался вернувшийся с перекура Юрий Викторович. – Вроде можно и без него обойтись, но в нашем случае, – он покосился на младшую дочь, – лучше бы того... подстраховаться.

Отец Дмитрий улыбнулся и положил тяжелую руку на Колькину пшеничную головку.

– Крестным малому могу быть я, так тоже можно. Я его как увидел тогда, в обнимку с мотоциклом, сразу понял: нам будет, о чем потолковать.

Говорят, человек помнит события раннего детства с возраста примерно трех-четырёх лет. Но Колька потом утверждал, что помнит некоторые моменты своих крестин, хотя в тот день ему не было и двух. Конечно, что-то он знал по рассказам родителей, бабушки и Дины. Но он точно помнил запахи – расплавленного воска, пыли, ладана и какой-то особенный запах воды в купели. Это может показаться странным, ведь вода не пахнет, но Колька помнил, что она пахла словно ромашковый луг; он так и говорил после, ромашковый луг, по которому бежишь, а солнце светит, не горячо, нет, но так, что ты помнишь, что у тебя впереди всё лето и вся жизнь, и ты бежишь босиком, а трава шелковая, мягкая, и вокруг пахнет – травой и ромашкой, той мелкой, серебристой...

Колька помнил, что, когда его поднесли к купели, чтобы окатить водой, в церковное окно заглянул солнечный луч, хотя с утра был ливень. Луч сверкнул на воде. Колька зажмурился и почувствовал, что его держит на руках уже не Дина, нет, его как будто обняли многие руки сразу. И еще – об этом он уже никому не рассказывал – ему показалось, что он слышит шорох крыльев.

И смех. Чей-то радостный смех.

Глава 7

По ту сторону

Хотелось бы проснуться прямо сейчас, всегда хотелось проснуться *отсюда* как можно скорее, открыть глаза, увидеть, как ветер колышет занавеску, пошевелить кончиками пальцев на ногах – убедиться, что он живой, что он дома. Почувствовать запах жареного бекона и кофе. Услышать, как из папиного кабинета доносится музыка.

Но Колька стоял перед распахнутой дверью и вслушивался в липкую темноту. Она была именно такой: вязкой, душной. Казалось, что если он зайдет внутрь, то вымажется весь в чем-то чернильно-слизистом, что будет потом не отмыть.

Колька зашел в просторный холл.

Тусклый свет снаружи сюда почти не попадал. Колька едва различал очертания стен и... лифт? Там лифтовые кабины? Он осторожно пошел вглубь помещения. Шаги хрустнули по бетонной крошке.

Несколько раз нажал на кнопку лифта – не работает. Зачем он вообще сюда забрел, не лучше ли сбежать обратно, хотя бы на холм к деревьям, чтобы спокойно дождаться пробуждения? Пить хотелось всё сильнее, неприятная пульсация в голове усиливалась.

Колька перевел дух и с силой потер виски. Хотел повернуть к выходу, но что-то привлекло его внимание в левой части холла, за колоннами. В абсолютно пустом помещении на полу темнел какой-то предмет. Рядом начиналась и уходила тугими спиралями вверх белая лестница. Колька задрал голову. Высоко. Странно, снаружи здание не казалось высоким. Он подошел еще ближе, чтобы рассмотреть лежащий на полу предмет.

Если бы у него внутри была сигнализация, какую ставят на автомобили, она бы взвыла сейчас дичайший визгом, на пределе того, что может вынести человеческое ухо. Колька пошатнулся, и ему пришлось присесть на корточки, чтобы не рухнуть лицом в бетонный пол. Он сжал кулаки так, что ногти вонзились в мягкие основания ладоней.

То, что лежало на полу перед ним, никак не могло, не имело права оказаться здесь, но всё же оно – было.

Он сидел на корточках, зажмурившись изо всех сил, вдавливая подбородок в колени, желая только одного – расколоть голову о твердый пол или стену, чтобы заглушить волну боли и ужаса. Пустота внутри, пустота снаружи, и Кольке казалось, что он падает в черную бездонную пропасть, в которой нет и больше никогда не будет ни цвета, ни запаха, ни звука. Всё, что останется – падать, бессмысленно размахивая в пустоте руками и хватая бетонные осколки.

Осколки.

Колькино сознание ухватилось за это слово. Кто его сказал? Когда? Почему? Было что-то, связанное с его снами и его реальной жизнью.

Хлеб.

Колька сделал глубокий вдох и почувствовал стопами твердость пола. Он сидит на корточках. Пол. Так, почему хлеб? Почему осколки? Запах бензина. И хлеба. Вместе. Колька продолжал сидеть, покачиваясь, с закрытыми глазами.

Отец Дмитрий. Он говорил про осколки изначального мира, разлетевшиеся по вселенной после того, как человек повредил свою природу.

Вот оно. Миры. Другие. Этот – не мой, я не принадлежу ему. Я принадлежу другому миру – тому, где запахи хлеба и бензина, где цветут вишни и абрикосы, где звон колоколов – их два, маленький и большой, и когда они звонят, это всегда как разговор родителя с деткой, так мы шутили с мамой.

Мама.

Колька осторожно открыл глаза. Вокруг было так же тихо. Он выдохнул. Разжал кулаки. На ладонях отпечатались иссиня-черные полукружия от ногтей, в одном месте кожа процарапалась до крови.

Он встал. Хорошо, этот долбаный мир – не его, не Колькин, но и предмет, лежащий у основания серой лестницы, тоже не принадлежит этому месту.

Не может принадлежать. Он хорошо знаком Кольке: черный, бликующий. Пальцы сами потянулись в сторону ручки Динино чемоданчика. Сколько раз он хватал эту ручку, хрупкую на вид, но такую прочную на деле, выдвигал и следил, чтобы дурацкие маленькие колесики, которым комфортно катиться по мостовым Киева, Берлина и Вены, не путались в жесткой деревенской траве и не спотыкались о камни.

Чемодан лежал на боку, как маленький раненый зверь, и из его треснутого нутра выглядывало что-то светлое. Динины вещи. Кольке не хотелось вглядываться в эту рану, как будто это было неприлично. Как будто он стоял над трупом умирающего животного и проявлял неуместное любопытство. Он даже поймал себя на желании прикрыть чемодан, спрятать от посторонних глаз.

Колька перевел взгляд на лестницу. Похоже, чемодан упал – или его сбросили – сверху.

Что ж, значит, ему тоже придется подняться наверх. Голова больше не кружилась. В конце концов, сон это или осколок другого мира, он все равно проснется в своей кровати, разве не так?

Колька стал подниматься. Ступал осторожно, после каждого пролета замирая и прислушиваясь, не доносятся ли сверху какие-то звуки. Его шаги шелестели, эхом разносясь по всему холлу. Какая здесь необычная акустика! Как будто любой звук усиливается многократно, отражаясь от стен.

Колька добрался до самого верха и увидел дверь. Странная дверь выбивалась из холодного серого убранства. Доски кто-то будто наспех выпилил из фанеры, а после выкрасил дверь в ярко-зеленый цвет. Нелепость этого зелёного цвета в окружающей обстановке что-то напомнила Кольке. Какое-то воспоминание зазудело на дне сознания.

Но думать было некогда. Колька протянул руку, взялся за круглую ручку – в последний момент чуть не отдернул пальцы, словно боялся обжечься, – и осторожно повернул. Дверь бесшумно открылась. Колька увидел помещение, скупо сбрызнутое светом, – похоже, что через стеклянный купол сверху. На диване напротив двери кто-то сидел и при Колькином появлении привстал и обернулся.

Последнее, что увидел мальчик перед пробуждением, – обращенное к нему бледное лицо Дины.

Из дневника Кольки

5 августа 2011 года

Йося еще в Израиле. А Дина придет сегодня! Ура!

Мне снова снилась пепельная мерзотня. Пару раз за последний месяц. Кое-что изменилось, я чувствую подругому. Но это объяснить еще сложнее, чем даже сам сон. Мне теперь кажется, что я там не один, и это вообще в тысячу раз страшнее. Раньше я бродил по тому городу сам, и были как бы воспоминания о том, что раньше там были люди (?) и им было очень плохо, все страдали и умерли. В войне или как-то еще. Но я был всё время один, и я уже привык и немного разобрался. Очень страшно, неприятно, но даже к этому можно было привыкнуть. Но сейчас как будто мне во сне кажется, что в центре города что-то есть и оно меня зовет. Это как будто ты не хочешь идти, но идешь. Я вроде понимаю, что если дойду, ничего хорошего не будет, и мне до усрачки, вот правда, страшно, что я это встречу. Но самый страх начинается уже после пробуждения, а во сне я как будто забываю бояться и забываю себя самого. Мне не нравится забывать себя во сне, я хочу сам решать, куда мне идти и что делать. Иногда удается вспомнить, тогда я бегу на холм к деревьям и просто сижу там, пока не проснусь. А иногда иду в город, и всякий раз захожу чуть дальше в центр. Не хочу думать, что будет, если я дойду. Надо спросить оДм.: неужели нет никаких способов в том мире, если это мир, вспомнить и прочитать молитву. Ну почему не получается!

Сегодня приедет Дина!

Кстати, она считает, что молитвы фуффло, и ходит с нами в церковь только на Пасху, потому что бабушка очень просит. Но о. Д. ее любит! Я думаю, оДм. как Бог, любит всех. А Бог вообще всех-всех любит. Интересно, Карцеровну тоже? Наверное да, наверное, он на нее смотрит и видит ее не такой говняной (зачеркнуто) (я не хотел писать дурацкое слово, просто я опять разозлился, пока пишу, вспомнил, что весной было с ней и не хочу в новый класс в этой школе), в общем, Бог видит ее такой, какой он ее придумал. Он не виноват, что она скрысилась и перестала любить детей.

Так вот, оДм. очень любит Дину и совсем не старается ее заманить в церковь и переубедить в том, что молитвы не фуффло. Она с ним спорит, а он только смеется. Мне так нравится слушать, как они разговаривают. Дина ведь очень часто употребляет грубые слова, мама всегда просит ее при мне не ругаться, но она что всерьез думает, что я этого не знаю? А при о. Д. Дина сама почему-то гораздо меньше ругается.

Допишу потом, сейчас побегу на станцию.

Дописываю вечером.

Мы закинули Динины вещи домой и ходили на карьер. Мне так кайфово с Диной, хотя она большая, ей двадцать три, но она мне как подруга. И она могла бы уже сама иметь своих детей, но, когда я спрашиваю, не хочет ли она замуж, она смеется и говорит, что сначала хочет построить супердом. Или супергород. В общем, Дина хочет стать лучшей в своей работе, а я думаю, что она и так крутая, мне мама показывала статью, где Дина на фотке со своим начальником, они в касках на фоне какого-то огромного здания – не у нас, в Германии, их туда пригласили, потому что они крутые. Дина хочет строить необычные здания, таких форм, чтобы они всем запоминались и чтобы не было похожих. Она говорит, обычные строить легко, получают коробки, а если сделать, чтобы были всякие плавные линии и интересные окна, будет как космические корабли или здания из фильмов.

В общем, я верю, что у Дины получится прославиться.

Она приехала на две ночевки! И мы говорили про всё на свете, и завтра еще сможем поговорить, сегодня объедались арбузом, я хотел позвать на арбуз о.Д, но он опять куда-то уехал. Я забыл, он говорил, что на пару недель уедет в командировку, и пока его нет, мы в воскресенье ездим в Соловеевку на службу, там побольше церковь и в нее помещаются и тамошние, и наши, кто хочет.

ОДм. последнее время часто уезжает, он говорил, ему надо учиться чему-то суперважному. Интересно, чему еще может учиться священник?

У меня так скачут мысли. Дина мне говорила еще давно, что, если я начну вести дневник, я научусь рассказывать события понятно, а я когда вижу чистую страницу, мне сразу хочется рассказать вообще про всё, что в голове. И я не знаю, с чего начать. Если бы можно было весь этот ком событий и мыслей (и снов!) вытаскивать каждый вечер и распутывать уже снаружи, руками, а потом аккуратно приклеивать к бумаге. Нарисован хохочущий смайлик.

Ладно, я запишу еще про самое важное, а потом спать.

Я Дине рассказал про сны и миры. ОД. просил никому не говорить, но Дина она моя родная, а еще она моя крестная, хотя она сама про это смеется и говорит, что это я ее должен наставлять в вере, а не она меня. А чего смеяться! Она старше и знает больше, и даже если она в какие-то вещи не верит, то я точно знаю, что через нее Бог может что-то для меня важное открыть, он не дурак. Я ей рассказывал про сны, всё-всё, а она в это время сидела с со своим блокнотом и рисовала и говорила: так похоже? Я офигел, как она нарисовала некоторые картинки, например город из стеклянных кристаллов, я так и думал, что Дине больше всего понравится про здания из кристаллов. Она сказала, что хотела бы там побывать вместе со мной. И она серьезно говорила, похоже как оДм., а не как мама. Как будто о настоящих местах, где можно оказаться.

А потом она начала рисовать страшное колесо, когда я рассказывал про пепельную мерзотню, и я попросил не рисовать и зачиркать, потому что я не хочу, чтобы оно было на бумаге и его можно было увидеть.

Дина сказала, что это охеренно, что я рассказываю. И страшно тоже. И она не знает, что добавить, и что я правильно рассказал оДм., потому что он, наверное, один, кто может понять, это всё опасно или нет. Мне кажется, что всё, кроме пепельной мерзотни, не опасно, и если бы можно было не сниться в то место, всё остальное было бы очень хорошо.

Дина попросила меня рассказывать ей, что будет мне сниться дальше. И продолжать записывать сны. Она думает, вдруг в тех, что хорошие, будут какие-то новые идеи для нее. Ведь и правда, если я вижу ужасно необычное, чего нет в нашем мире, я могу рассказать это Дине, она зарисует и потом построит. И станет знаменитой.

А Дина сейчас мутная и уставшая, но говорит, что это от работы, и у них очередное новое строительство, и там есть непонятности. Мне очень хочется ее подбодрить. надеюсь, она у нас хоть немного отдохнет.

Очень много всего, падаю спать, как хорошо, что мы завтра еще весь день вместе.

Будем купаться и доедать арбузы.

Одесса, сентябрь 2000 года

С тех пор, как Алиса со своим Игорем переехали в прабабушкин дом, Дина стала полновластной хозяйкой комнаты.

Теперь, чтобы войти к ней, нужно было предварительно приоткрыть дверь и убедиться, что тебя по голове не двинет тяжелый рулон бумаги или что дверь в принципе откроется, а не уткнется в завалы папок и стопок рисунков и чертежей. Дина, как и Алиса до нее, проводила большую часть времени за столом у окна. Но если у старшей сестры нужные для работы вещи были аккуратно разложены и развешаны по комнате, и она не глядя протягивала руку и доставала нужный моток ниток или тесьму, у Дины в комнате царил хаос.

– Творческий беспорядок, – вздыхала Ханна Борисовна, когда ей приходилось, словно с кочки на кочку по болоту, перемещаться между стопками вещей.

– Бардак, – кратко резюмировал Юрий Викторович.

Удивительно, что Дина, как и сестра, могла не глядя протянуть руку – жесты у них были идентичны, хоть они о том не знали, – и вытащить из-под завалов необходимую вещь.

Со стороны Нахамкисов неслась привычная брань, хохота в этот день слышалось меньше. Обычно они орут как торт, думала Дина, быстрыми движениями набрасывая на листе бумаги чертеж. Или как слоеный салат. Слой такой, слой другой. Она на секунду замерла, покусывая длинную челку, потом рука с карандашом задвигалась в два раза быстрее. Хохот и брань, хохот и крепкие словечки, а наверху – всегда хохот... и тишина.

Дина ухмыльнулась: всегда понятно, что они делают, когда тишина, – на листе проступили очертания дома, у которого каждый этаж был немного не похож на предыдущий формой и размерами окон, – секс они делают, ага. Троих спиногрызов уже заделали, и выпирающий живот Нахамкис-жены намекал на то, что очередной малыш не заставит себя долго ждать.

– Се-кас, – вслух произнесла Дина, крайне довольная собой, и несколькими взмахами карандаша водрузила на дом покатую крышу.

Но сегодня что-то пошло не так. Торт не складывался, в нем явно не хватало слоев, во время которых Нахамкис-жена заливается смехом, откидываясь назад и сквозь ресницы поглядывая на обожаемого муженька, – Дина не могла это увидеть из своей комнаты, но отлично представляла, – брани было больше обычного. Наконец и женский голос включился в поток ругани и стал настойчиво возражать.

Дина не выдержала.

Она одним движением перемахнула через стол и подоконник и оказалась на балконе. Оттуда было видно открытое окно Нахамкисов, возле которого стояли супруги. Раскрасневшийся муж кричал:

– А я говорю, не встанет, там сантиметров сорок, не больше, и шо, ты хочешь-таки ту бандуру по лестнице впендохать сюды, шоб она у тебя в дверях застряла на повороте, чи шо? Надо доски урезать и по частям носить, и я потом на месте значит сколоцкаю.

– Ой, вы посмотрите на него, – взвилась жена, – сколоцкает он! Да ты себе ногу не сколоцкай, как в прошлый раз, когда за инструмент взялся. Я говорю, позови людей, значит, шоб таки нормально замеры сделали, шоб по-людски, специалист посмотрел, и он пусть и колоцкается тут, а ты не лезь.

– Я и без замеров вижу, шо не встанет, зачем мне людей звать, ты чем ентим людям платить хочешь, икрой своей или биточками? У малого штаны на жопе драные, а у Ксанки ранец в школу не собранный, а я еще специялистов кормить-таки за свои кровные должен?

Дина прищурилась.

Ей было хорошо видно нехитрое убранство комнаты, у окна которой разгорелся спор. Нахамкисы затеяли перестановку и ремонт, чтобы небольшая жилплощадь хоть как-то успевала за скоростью, с какой у них отпочковывались малыши.

Она быстро что-то прикинула в уме и крикнула через двор:

– Дядь Кость, а там не сорок получается, а поболе, давай покажу!

Нахамкисы разом замолчали и уставились на девочку. Потом Нахамкис муж с недоверием спросил:

– А почему видишь оттуда? Я тут с рулеткой все углы облазил.

Жена фыркнула и толкнула его в бок.

– Это ж Дина, котька, – она ежели не в участке и не мутузит пацанов до кровей в заварухе, то чертежи чертит. Пушай идет, она тебе сейчас тут живо всё насчитает, и... колоцкаться не придется. – И она звучно хохотнула, слегка облакачиваясь на подоконник и взмахивая ресницами.

– Четыре черненьких чумазеньких чертенка, – пробормотал муж, окидывая взглядом тонкую фигурку с балкона напротив. – Ну валяй, лохматая, помоги, а ты, – он повернулся к жене, – Галюнь, пирожков нам накрути? С абрикосами.

За свои двенадцать лет Дина трижды успела побывать в милиции.

Не то чтобы ее считали закоренелым преступником или сбывалось пророчество Тани Павловны про колонию. Просто участковый Абрамкин – бывший сослуживец и закадычный друг Юрия Стоянова – самолично взялся за перевоспитание малолетней чертеняги и регулярно извлекал ее из-под пинающейся и орущей пацанвы. Чаще всего он просто отряхивал девчонку, убеждался, что кости целы, и отводил домой. Там Юрий Викторович, сокрушенно вздыхая, доставал из серванта бутылочку пятизвездочного «Шустова», и остаток вечера они с другом сидели за столом. Юрий Викторович изливал душу, что девка, конечно, рисует и чертит как бог – Юрий Викторович не особенно верил в Бога и не знал, как тот может рисовать, но никакое другое сравнение в голову не шло, – но что делать с Дининым шилом в заднице и с острым как бритва языком, он не знает.

– Вот старшая совсем другая, – он подливал коньяк в рюмки, – тихая, и всё сама. И порядок держала, и училась на отлично, и шитьем на хлеб с маслом заработала, и мужа вон со столицы привезла, и всё молча, по-тихому.

– А ты, Юрка, раньше времени не грусти, – отвечал товарищ, покручивая между пальцев папироску. – Главное, отдай ее в школу какую рисовальную, пусть чертит там до одури, глядишь, и толк будет.

– Да ее ж выпрут после первого словца! – Юрий Викторович поперхнулся, вспомнив замысловатые словесные конструкции, которыми дочь вполне могла шокировать одесских моряков.

– А то и не выпрут, – возразил инспектор, – ты ее проекты видал? Она мне одного разу в участке такой рисунок сотворила – как, значит, милиция будущего должна выглядеть.

– И как?

– Да как космический корабль, с окнами такими, – инспектор сделал в воздухе неопределенный жест. – И всё такое плавное и белое, и камеры для преступников – такие, я б сам жил в камерах тех.

Оба захохотали.

– А шило – дело неплохое, как посмотри. Пробивная девка у тебя, Юр, растет.

– Пробивная, – согласился Стоянов, – асфальт бы головой не пробила. Мы же на Слободке⁷ чуть ли не прописались, нас там каждая собака знает. За три года разрыв связок на ноге, перелом руки – хорошо левой, если б не рисовать месяц, от она взвыла бы, – два сотряса и один противостолбнячный укол. – Тут Стоянов не выдержал и усмехнулся: – Это она на спор ночью на кладбище сходила.

– И что кладбище?

– Да нишо! Вернулась хромой: от такенный ржавый гвоздь из ноги вытаскивали. Это сейчас смешно, а тогда переполоху было... А ушибов и порезов сколько! А с дерева когда грохнулась – за котом опять полезла – думали, спину переломает, обошлось. Поседею напрочь, – Юрий Викторович провел рукой по наполовину седой голове, – или облысею.

Плыл теплый одесский вечер – под звон хрусталия и янтарный плеск коньяка, под запах абрикосового повидла и свежей сдобы. Юрий Викторович стучал по столу кулаком, инспектор

---

⁷ Слободка – исторический микрорайон Одессы, где на ул. Воробьева находится травмпункт при детской городской больнице.

слушал, оперев локоть в стол, где-то мелким писком орал котенок, где-то выводила скрипочка, а в соседней комнате сидела за столом Дина Стоянова.

Никто не знает, как именно рисует Бог и что он рисует, и вряд ли он размазывает чернила по носу и ругается как докер в одесском порту; Дину эти вопросы не волновали, ей только хотелось уместить на лист бумаги совершенные линии и невозможные формы, которые рождались у нее в голове.

Возможно, Бог в этот вечер спустился в одесский дворик, чтобы послушать, о чем судачат Таня Павловна с Нахамкис-женой, чтобы улыбнуться животу под ситцевым платьем, чтобы вдохнуть запахи повидла и слобы, чтобы невидимой рукой подтолкнуть застрявшего в щели котенка. Возможно, он замер на миг возле Дининогo стола, наблюдая за движениями маленькой руки в чернильных пятнах. Возможно, его удивили точность и быстрота наброска.

– Так что рисование рисованием, – твердил, распаяясь, в кухне Юрий Викторович, – а я хочу, чтобы эта оторва хотя бы до совершеннолетия дожила. И чтоб с целыми руками-ногами.

Кто знает, возможно, замороженный Дининой работой Бог услышал и эти слова. Кто знает.

Глава 8

Вейск, 12 мая 2012 года

Колька открыл глаза.

Меньше секунды понадобилось ему на то, чтобы вспомнить пережитое во сне: ненавистный город, здание, чемодан, лестницу, дверь... Дина! Он рывком сел на кровати и уставился на часы. Почти восемь. Золотой свет заливал комнату, полосатился на деревянной обшивке стены, шторы чуть колыхались от ветра.

Колька схватил с прикроватной тумбочки бутылку и начал пить, жадно глотая воду. В горле першило после пробуждения из того места.

Из окна донесся стрекот соседской газонокосилки, и повеяло сочным травяным запахом. Тявкали собачонки, где-то тарахтел мотор. Наступило обычное субботнее утро. А если бы Дина сейчас просыпалась в соседней спальне под покатой крышей, если бы он распахнул дверь и с размаху прыгнул к ней на кровать, а она бы лениво двинула его подушкой, если бы они потом могли вместе спуститься по лестнице вниз, к завтраку... это субботнее утро было бы идеальным.

Но оно таким не будет.

Колька вскочил, натянул футболку и шорты. Бросил взгляд в круглое зеркало у кровати. Надпись «It's a beautiful day» выглядела издевательски, он с досадой скинул футболку и зашвырнул ее в угол. Не глядя вытащил из шкафа другую, голубую. Босиком сбежал вниз.

Гостиная встретила его напряженной пустотой. Колька приоткрыл дверь в кабинет – обычно папа с раннего утра сидел за рабочим столом – тоже никого. Заглянул в зеленую кружку: Игорь заваривал себе крепкий чай в начале рабочего дня, а если Алиса и Колька замечали, что чай заканчивается, то подливали свежий. Чай заполнял кружку почти до краев, словно папа лишь пригубил его, а потом какое-то известие или дело его отвлекло.

Колька взял кружку обеими руками, зажмурился и отпил глоток. Словно это могло помочь понять, где сейчас находится отец и что тот чувствовал в момент, когда ему пришлось сорваться с места.

Чай был еле теплым.

Он пересек гостиную снова и заглянул в кухню.

На столе стояла эмалированная миска, с одной стороны небрежно прикрытая вышитым полотенцем. Колькин взгляд споткнулся о скол на черном ободке по краю миски, и в этот миг установилась тишина: замолкла газонокосилка, перестали лаять собаки, всхрапнул и затих тракторный мотор. Колька замер и только спустя несколько секунд заметил, что забыл выдохнуть воздух: так и стоял на пороге, положив руку на грудь, а другой опираясь о косяк.

У прабабушки в доме было много эмалированной посуды: миски, кружки и небольшие тарелочки. Все они любовно хранились в старом серванте, сколов на эмали было немного, маки и васильки орнаментов почти не потускнели, а ведь вся эта утварь появилась на свет еще до рождения его мамы.

Алисе эмалированная посуда не нравилась, она предпочитала керамику и стекло, да и сам Колька связывал с эмалью только прабабкин ночной горшок, который в раннем детстве служил и ему самому.

Мама бы никогда не сервировала субботний завтрак в эмалированной миске. Значит, она страшно спешила. Значит, перед тем, как выбежать из кухни, она схватила первую подвернувшуюся под руку посудину из шкафчика под плитой.

Колька стиснул зубы и взмолился: пусть в миске будут сырники. Ну, пожалуйста.

Его мир рушился, он почти слышал грохот, с каким падали столбы, поддерживающие привычный ход вещей. Субботние сырники являлись неотъемлемой частью прежнего, нормального мира.

По будням Левандовские завтракали второпях и на бегу: Колька успевал сжевать бутерброд и вареное всмятку яйцо, потом прыгал на велик и катил в школу, Игорь уходил к компьютеру с чаем и тарелкой с бутербродами, а Алиса вообще не завтракала, она пила кофе на веранде, потом работала в мастерской и только после полудня готовила омлет или яичницу с сыром и звала мужа поесть.

Но субботние завтраки – это традиция.

Алиса пекла сырники и подавала их со свежими ягодами или с вареньем. И со сметаной. Дина умирала по той сметане, говорила, только в Вейске такая – желтая, густая, и ложка в банке стоит. Дина, бывало, привозила к завтраку баночку-другую столичных или заграничных деликатесов: то дорогую икру, то огромные греческие оливки, то ломтики хамона, то необычный сыр. А потом Алиса приносила серебряный кофейник, и они пили кофе из прабабушкиных чашечек костяного фарфора, даже Кольке наливали немного кофе со сливками. Только Игорь неизменно прихлебывал чай из своей зеленой чашки. Лоханки, смеялась Дина.

Стоя в пустой кухне и глядя на прикрытую миску, Колька думал о том, как мирно и размеренно текла его жизнь до недавнего времени. И даже тычки одноклассников и ссора с Йосей, скандал с Хай Карповной, опасения по поводу вступительных в лицей, вся эта ерунда – она яйца выеденного не стоит в сравнении с тошнотным страхом от потери Дины.

Колька загадал: если в миске сырники, то всё снова станет хорошо.

Пусть Дина приедет утренним автобусом, пусть мама и папа вернуться домой, и выяснится, что они просто ходили на автостанцию встречать Дину. Пусть окажется, что она ночью потеряла где-то телефон и никак не могла ответить и предупредить, что задержится. Пусть! А тот сон – ну почему, черт возьми, он не может оказаться просто сном?! Мама же говорила про подсознание, ну конечно, он думал о Дине перед сном, он же в панике, йошкин кот, в какой же он панике, разумеется, ему вся эта колготня снится, пусть, пусть в миске будут сырники... ну, пожалуйста.

Колька сдернул с миски полотенце, и оно выскользнуло из вмиг ослабевших пальцев.

Бутерброды с сыром и колбасой.

Он и сам мог себе такие сделать, но мама, видимо, решила хоть что-то ему оставить, прежде чем уйти из дома... да куда?!

Колька вспомнил про мобильник и помчался наверх. Лихорадочно отбросил одеяло, подушку... вот. Двадцать процентов заряда. Надо бы не забыть включить в сеть.

Сначала – без особой надежды – опять набрал Динин номер, отбил при первых же звуках механического голоса, сообщающего про «вне зоны действия сети». Затем позвонил отцу.

Игорь ответил после пятого гудка. В трубке что-то шуршало.

– ...да! Коль, я в автобусе! В Одессу! ...спроси маму, она ...ает.

Связь оборвалась.

Ну хоть что-то, подумал Колька. Значит, папа поехал в Одессу – видимо, будет узнавать про Дину везде, где можно. Интересно, бабушке Ханне уже сообщили? Если да, то она всю Одессу на уши поставит. А еще, вспомнил Колька, деда говорил, у него друг в милиции служит. Или служил.

Кольке стало внутри холодно-холодно, словно он проглотил эскимо, не разжевывая. Он сглотнул. А что толку ставить на уши всю Одессу, если Дины там все равно нет?

Если она все равно

не здесь?

Прекрати! – мысленно завопил Колька и зажал руками уши. – Я не хочу!

Хочу не хочу, холодно ответил ему голос откуда-то с уровня желудка, где болталось нерастаявшее эскимо, а кроме тебя никто не знает, где *действительно* находится Дина.

До Дининогo офиса они вчера тоже не дозвонились. Валера Антонович, директор бюро, – классный мужик, он же не просто начальник, он почти друг, он мог бы знать, куда Дина пропала после рабочего дня?

Колька полистал записную книжку, но он и не ждал, что отыщет номер Валеры Антоновича. Ну да, тот здорово помог Кольке с медью прошлой осенью, когда они с папой не могли продолжить эксперименты с гальванопластикой. И он приезжал в гости с Диной, они тогда отлично провели время. Колька поморщился. Но личного номера Дининогo начальника у него не было: они разговаривали всего пару раз и только по телефону бюро.

Колька с досадой двинул кулаком по подушке. В воздух взвились пылинки и нервно заплясали в солнечном луче.

Из дневника Кольки

25 августа 2011 года

Хорошее происходит и плохое.

Скоро в школу. Так не хочется! Мама говорит, что надо потерпеть до весны и поступать в пятый класс в лицей в Одессе. Там можно будет по-настоящему учить химию, как мне интересно. Там много разных учителей, и они ужасно умные. И я надеюсь, что они не будут орать. Но сейчас мне грустно, потому что лето кончилось.

Йося вернулся! Он привез калейдоскоп! Я никогда раньше такого не видел. Он большой, и когда крутишь и смотришь, там куча вариантов узоров. Они всех цветов вообще. И никогда не повторяются. Я смотрю на них и думаю про осколки изначального мира, о которых говорил оДм.

Мы сидели на карьере долго-долго и по очереди разглядывали узоры в калейдоскопе, и мне было хорошо, что я снова не один и Йося привез такой классный подарок. Он рассказывал всякое про Израиль, но больше о том, как ему было жарко, и всё время надо было ездить на экскурсиях.

Но самое главное! Я ездил в Одессу.

Папа меня привез к бабушке в четверг, сам уехал в Киев, я побыл с бабушкой и дедушкой, а потом меня забрала Дина. Мы зашли к ней на работу, она вспомнила, что нужно кое-что доделать с документами. Я первый раз был у нее на работе!

Дина не всегда сидит в офисе – она часто ездит в командировки и в Одессе на объекты. Это так называются стройки зданий, объекты. Дина важная в своей компании, она не обязана проверять, как работают другие люди, например просто рабочие, но она любит приезжать на стройку и смотреть лично и общаться с ними. И ей вообще нравится, как растет новый дом. Я ее понимаю. Это как мне нравится смотреть, как из маленького семечка вырастает огурец, когда сначала проклевывается тоненький росток, а потом крепнет, отрачивает усы и начинает ползти и виться. И Дина, когда говорит про стройку, у нее глаза светлеют, так она любит, как копают яму, закладывают фундамент, потом постепенно

начинают расти этажи, и ей нравится трогать внутри кирпичи или блоки руками. Она говорит: представляешь, если я потрогаю кирпич внутри кладки во время строительства, его больше потом никто никогда не увидит и не потрогает, но он там будет, внутри! Я представляю!

В общем, Дина много ездит по всяким местам, но в офисе тоже сидит. Ей надо делать кучу бумаг, и вообще, она головой работает много, ей надо много придумывать. И она привела меня в офис, где у нее свой кабинет. У них там помещение, где сидят секретариши. А из помещения – три или четыре двери, и за одной из них сидит Дина. Но у нее скучно, стол, шкафик и стул. Я думал, у нее будет, как было в комнате у бабушки, – всё в бумагах и интересных рисунках. Но она говорит, что все чертежи в шкафу, а на столе только самые нужные бумаги.

Вот в большой комнате у них интереснее – там много столов, и за каждым сидят архитекторы, и у них столы завалены бумагами и чертежами, как я и думал.

Я ждал Дину в холле, где секретариши. Одна мне не понравилась. Она не улыбалась, но это ладно, иногда взрослые не умеют улыбаться. Но она какая-то была сонная, растягивала слова как будто у нее не буквы, а длинная жвачка. Вторая зато улыбалась. Но она была очень занята.

А потом я познакомился с главным начальником! Тем, который был на фотке с Диной в газете. Дина разбирала бумаги у себя, а из другого кабинета вышел дядька, и он мне сразу понравился! Он такой был важный, в костюме. В жару я помираю, а он в костюме, так положено, он же начальник. И костюм очень красивый, синий, но не темный, а почти голубой.

На полке стоял макет какого-то здания, и на нем были часы, и у них крутились стрелки. Я как раз встал и смотрел, но не трогал. А дядька этот вышел, посмотрел на меня, улыбнулся и сразу снял макет, дал его мне в руки. Сказал, можно посмотреть. И не боялся, что я сломаю! И даже показал, как там механизм устроен, что часы работают и окошки в здании настоящие, со стеклами. Отпад.

А потом он сел на диван, и я тоже с ним сел. Дина вышла из кабинета и удивилась, что мы сидим вместе. Он спросил, как меня зовут, и сказал, что его зовут Валера Антонович.

Мне немного странно, что не Валерий, потому что у нас физрук Валера, но мы его называем Валерий Федорович, и я думал, все взрослые друг друга называют полными именами. Это же у Дины оно такое короткое, она даже по-взрослому Дина Юрьевна. А я Николай Игоревич по-взрослому. А он почему-то Валера. Ну, он сам так сказал, и я его называл, как он хочет.

А на двери у него табличка «Шиманский В. А., руководитель бюро». Мне нравится. Бюро – это серьезно, а он самый главный руководитель. И фамилия у него очень красивая.

Мне папа говорил, что у нас фамилия Левандовские, значит, что у нас предки были поляки. Может быть, они даже были графы или князья, у которых были свои замки. И у ВА похожая фамилия, мне тоже кажется, что он сам князь или вроде того. Он очень красивый, высокий, и у него очки, и они тоже красивые. Вообще у него все вещи красивые. Я не видел, чтобы у человека было всё такое, ну, как будто оно супердорогое. Я думал, так выглядит президент, президента я вблизи не видел, только у бабушки в телевизоре, но он не такой красивый, как ВА.

Только у него немного странная спина, как горбатая. Но потом смотришь, он не горбатится, а просто так сжимается плечами, как будто стесняется или боится чего-то. И в такие моменты костюм на нем морщится, как будто не по размеру. А потом он выпрямляет плечи, и сразу снова нормально.

ВА сидел со мной и разговаривал! Мне показалось, что Дина очень удивилась, и она мне потом сказала, что офигела, потому что обычно ВА жутко занят. Он вышел из каби-

нета, и его ждала машина, чтобы ехать на самолет, и он спешил, но почему-то сел со мной общаться. Вот это да.

А он успел меня спросить, что я люблю и чем интересуюсь, и я ему рассказал про гальванопластику, и что папа мне помог собрать аппарат и что мне нравится еще всякое, что растет и цветет. И он снял очки, чтобы посмотреть на меня без очков, и я увидел, что глаза у него тоже красивые, серые как море в дождь, а ресницы пушистые. Я никогда ни у кого не видел таких красивых глаз. Я даже подумал на секунду, что такими глазами, наверно, мир видно иначе. Не зря же он суперархитектор. Я бы пошел за такой красотой куда угодно. Я бы тоже хотел смотреть на мир такими глазами. Что-то было странное, как будто он странно на меня смотрел, но, наверно, это потому что он не ожидал увидеть мальчика у себя на работе. Дина же меня раньше не брала туда. Потом он протянул мне руку, и я ее пожал, и он так серьезно сказал, что мы еще увидимся и что он хотел бы посмотреть на мою мастерскую в Вейске. И уехал, а мы с Диной пошли потом к ней домой и гулять.

И Дина всю дорогу удивлялась, как хорошо ВА со мной пообщался. Что обычно у него нет времени ни на кого. Я спросил, есть ли у него свои дети, и Дина говорит, что нет, он совсем один, и он только работой занимается круглосуточно, как будто не спит и не делает других дел.

Я думаю, что человеку нужен другой человек. Если этот руководитель такой одинокий и ничего не делает, кроме работы, наверно, ему просто тоже нужна семья.

Мы потом ночевали у Дины. У нее теперь отдельная квартира, рядом с работой. Бабушка говорит, что на это нужна куча денег, но Дина смеется, что не такая уж и куча, потому что она платит постепенно, а не всё сразу. А еще Дина говорит, что она хорошо зарабатывает, и ей не придется платить долго.

У нее пока совсем пусто, и я спал вместе с ней на матрасе на полу. Но мне нравится, когда пусто, это лучше, чем склад вещей, как у бабушки с дедушкой. А еще у Дины нет штор, и ночью прямо в окне огромная луна. Дина живет на одиннадцатом этаже! Это новый дом, он выше нашего и выше бабушкиного, он у парка. Мне только не нравится, что из окна видно колесо обозрения. Но если лежать на полу, то колеса не видно, а видно луну.

Дина сказала, что, когда я поступлю в лицей, я могу жить у нее, а не у бабушки. Потому что у нее тихо, и она мне сделает свой уголок со столом, а у бабушки с дедушкой тихо не будет. Здесь до лицея далеко, и я не разбираюсь пока, как дойти, но Дина покажет.

Утром мы завтракали мороженым в кафе, ха-ха, потому что у Дины совсем ничего нет дома из еды, и она просила не говорить маме, что мы ели на завтрак мороженое.

Дина сказала, что директор ВА улетел на выставку в Париж! Это столица Франции. Я ел мороженое и думал, что он там тоже сейчас завтракает в кафе, наверно, один. Интересно, что ВА ест на завтрак в Париже?

Потом мы ходили вниз к морю на пляж Ланжерон, там море не как у нас в поселке, а с красивой набережной. Но там много людей. А еще мы катались на карусели и машинках в парке, а потом снова ели мороженое, и это уже был обед.

Какие классные выходные!

Одесса, август 2011 года

Петр Абрамкин, бывший участковый инспектор, за период службы в органах дослужился до начальника штаба районного ОВД Одессы. Каждому посетителю он небрежно кивал на набросок в рамке, стоящий на почетном месте.

– Сама Стоянова рисовала, Дина. Не слыхал? Та, что с архитектором Шиманским строит. Жилой комплекс «Парус» в Аркадии видал? То-то же. – Тут подполковник Абрамкин обычно протирал глаза огромным вышитым платком и шумно сморкался. – А какая оторва в детстве была! Сколько ейных царапин я зеленкой самолично заливал, вот на этом самом месте, на этом самом!

Тут Петр Абрамкин, конечно, слегка лукавил: за минувшие одиннадцать лет он сменил не только выправку и должность, но и кресло с кабинетом.

Дина попала на стажировку в архитектурное бюро «Зигзаг» еще во время обучения в магистратуре Одесской архитектурной академии.

– Академия, шмакадемия, – ворчал обычно Юрий Викторович, который никак не мог привыкнуть к новомодным переименованиям школ в гимназии, а институтов в университеты и академии; новому названию ОГАСА было уже лет пятнадцать, а он по старинке и с немалой гордостью сообщал всем в округе, что дочь с отличием закончила Одесский инженерно-строительный институт. И не просто закончила: после защиты дипломной работы она хотела уехать в Киев, как когда-то сделала ее старшая сестра, но преподаватели буквально взмолились, чтобы она поступила в магистрат. Упирали на то, что академия все равно занимает первое место в рейтинге архитектурных учебных заведений Украины и после полноценного завершения учебы перед Диной распахнутся двери лучших строительных бюро страны, а то и всего мира.

Они просчитались только в одном: двери лучших архитектурных бюро распахнулись перед Диной не после завершения учебы, а еще за год до защиты магистерской диссертации. Дина выиграла несколько студенческих конкурсов, в том числе организованных далеко за пределами Одессы. Ее знали в Киеве и Праге, предложения о работе сыпались отовсюду. И тогда она снова удивила всех: пошла на стажировку в одесское бюро «Зигзаг» и там же осталась работать после окончания учебы.

На самом деле, удивляться было нечему: Валера Шиманский, основатель и глава бюро, на тот момент был одним из самых многообещающих архитекторов страны. Он, как и Дина, в свое время закончил Одесский инженерно-строительный, потом поработал в архитектурной мастерской Т. Знаменского в Киеве и затем переехал в Вену, где работал в венском бюро «Portal Design + Architektur ZT», стал руководящим партнером бюро, участвовал в застройке Вены и Граца, а затем вернулся в Украину и открыл в Одессе собственное архитектурное объединение «Зигзаг».

– Не женат, – подмигнула Дине однокурсница Светка, с которой они вместе попали на стажировку в бюро.

Дина только холодно смерила напарницу взглядом и сразу выбросила информацию о социальном статусе босса из головы. Ей было до лампочки, женат Шиманский или нет; сама она в ближайшие годы планировала связать себя узами исключительно с архитектурными проектами.

Легкомысленная Светка после стажировки получила магистерские корочки и куда-то упорхнула, а Дина осталась в бюро. Через полгода подтянулась до ведущего архитектора, а уже через два с половиной года стала главным архитектором проектов и правой рукой Шиманского.

Дина любила город, как любят живое существо.

Она выросла в центре старой Одессы и с детства знала живое нутро города. Она бегала по нему босыми ногами, трогала руками, разбивала коленки о мостовые, сердцем чувствовала ритм города. Она много ездила за границу, и родные были уверены в том, что ей светит блестящая карьера за пределами Одессы, но ее, как и Алису, тянуло домой. Но если Алисе хотелось жить рядом с морем и подбирать нити и ткани по цвету воды, Дине было важно находиться среди городского шума. Она слушала, как трамвай выворачивает по Нежинской улице

к кирхе, и отзывалась на звон изнутри, словно сама была булыжником мостовой, весело вибрирующим по соседству со стальными рельсами. Она прикасалась руками к шерботой штукатурке старого дома и чувствовала там, внутри, живую пульсацию кирпича и цемента, их диалог, похожий на чувственные ссоры Нахамкисов. Дина пронзала взглядом завесы из дикого винограда, деревянные нагромождения лесенок балконов, все несуразные пристройки и надстройки, впихнутые в одесские дворы, и видела строгость и красоту архитектурных решений. Кариатиды с отвалившимися носами, каменное кружево капителей колонн – всё это жило в ее голове и соседствовало там с фантастическими формами архитектуры будущего – со стеклом и бетоном, с резными узорами по белому камню, с плавными линиями, с уходящими вверх спиральными лестницами.

Дина смотрела как бы двойным зрением на Одессу прошлого, которую ей хотелось бережно баюкать в ладонях, и Одессу будущего, которую предстояло вырастить здесь же, на этих самых грядках, не потревожив старых посадок.

Прав, тысячу раз прав был Колька, говоря, что Дина смотрит на стройку здания, как сам он наблюдает за живым ростком. Дина – от первого прикосновения карандаша к листу бумаги до последнего штукатурного штриха – видела и чувствовала, как растет новый дом. Она морщилась, если электрик неправильно прокладывал кабель, и где-то что-то искрило и давало сбой: она чувствовала, словно ток крови по ее сосудам замедлился, где-то сгустился тромб, полетел не в то русло.

– Ну чисто рентгеновский взгляд, – говорил электрик Михайло товарищам на стройке после визитов Дины. – И ведь не обязана приезжать и смотреть, на то прораб есть, и он потом ей и выше документы отвезет и доложит, но нет, сама приехала и пальчиком мне в стену – тыц, а вот тут, говорит, поправь. – И довольно кивал, словно Динино «рентгеновское» зрение было его самоличной заслугой: – Вроде и пигалица, а далеко пойдет.

Офис архитектурного бюро «Зигзаг» располагался в старом здании на углу Маразлиевской улицы и небольшого переулка.

Дина раньше думала, что офисы передовых современных архитекторов непременно располагаются внутри зданий, спроектированных ими же. Когда она читала биографию Шиманского, ей представлялось, что его рабочее место должно быть в кабинете на тридцать пятом этаже стеклянного небоскреба, и плевать, что в Одессе таких небоскребов сроду не строили. Когда же она пришла на практику, то обнаружила, что окно кабинета ее босса выходит в знакомый переулок у парка Шевченко, и кружево акации, отбрасывающее на рабочем столе живые тени, и запахи старой штукатурки, и лепнина под потолком, и визг тормозов за окнами – всё это не мешает полету мысли гения, создающего архитектуру будущего.

Дина быстро стала в «Зигзаге» своей. Спустя три года от начала работы в бюро Валера Шиманский уже записывал ее во все проекты вторым автором и публично признавал, что без ее энергии и таланта эти здания никогда бы не были построены такими, какими он их задумал.

Словом, всё шло хорошо, просто идеально, пока не начались странности со строительством нового объекта, секретаршей и печатной машинкой.

Глава 9

Вейск, 12 мая 2012 года

Колька бежал, не чувствуя под собой ног.

Он так и выскочил из дома босиком: заниматься ремешком сандалии или искать старые кроссовки было некогда. Повторить путь, который он впервые осилил в полтора года и с тех пор мог проделать с закрытыми глазами, было делом пяти минут. Обогнул глинистую лужу на дороге, врезался в сочное и мохнатое тельце – видимо, шмеля – повернул в Ореховый переулок и помчался вверх; на бегу прикрыл глаза: свет-тень-свет-тень, упасть не боялся, босые ноги мягко пружинили в прохладной пыли обочины. Где-то гулко ухнул пес.

Колька почуял неладное, едва добежав до калитки церковной ограды.

Отец Дмитрий всегда оставлял калитку нараспашку, а сейчас она была закрыта на щеколду. Колька остановился, перевел дух и просунул руку между деревянными рейками калитки. Ржавая щеколда подалась не сразу. Мальчик зашел, закрыл за собой калитку и в нерешительности остановился. Ему уже доводилось заходить в приходской дом и в гараж крестного, когда тот отлучался по надобности в магазин или навещал кого-то из прихожан, но сейчас и входная дверь была заперта, и задернутые наглухо занавески намекали на то, что хозяин покинул дом не на пару часов. Дело серьезное.

Церковь Святого Николая Чудотворца стояла на этой земле с незапамятных времен: для большинства жителей села любое время раньше середины прошлого века было незапамятным, но отец Дмитрий говорил, что кирпичные руины, из которых его усилиями была заново возведена церковь, датировались веком шестнадцатым.

Святой Николай, думал Колька, чудотворец и покровитель моряков и путешественников, йошкин кот, дорогой святой, ты прости, я в сердцах, но как же мне сейчас нужна твоя помощь!

Он побежал к любимому изображению в нише на стене церкви.

Еще до Колькиного рождения в Вейск приезжали по приглашению отца Дмитрия столичные реставраторы. Они-то и восстановили эти смешные, почти мультяшные в своей трогательности барельефы. Один из них изображал чудотворца: «С В М И К О Л А», – поясняли архаичные церковнославянские буквы. Святой Николай виделся скульптору круглолицым румяным дедушкой с поднятыми вверх бровками. Дедушка держал небольшой парусник, на палубе которого с воздетыми вверх руками суетились крошечные человечки. Правая рука святого с двумя вытянутыми пальцами – перстами, вспомнил Колька, по-церковному это называется двоеперстие, – покровительственно накрывала кораблик.

Кольке захотелось быть на той палубе: пусть кругом гром и молнии, пусть шторм и скрип непрочной древесины, но как хорошо знать, что тебя держит в руках такой вот дедуля и что ничего не случится ни с тобой, ни с теми, кого ты любишь.

Колька без особой надежды подергал ручку церковной двери: заперто.

Осталось проверить приходской дом, гараж и огород, хотя и без того понятно, что отец Дмитрий куда-то запропастился.

Колька потоптался на крыльце приходского дома.

Уходить не хотелось. Солнце поднялось уже высоко в небе – время к десяти, – в траве застрекотали кузнечики, от соседского дома повеяло дымком. У Кольки засосало под ложечкой, и он впервые за утро с вождением подумал о лежащих дома бутербродах. Если бы отец

Дмитрий оказался на месте, сейчас можно было бы отломить кусок хлеба и забраться с ногами на сундук у окошка и выговориться. Пока он говорил, уже прибежали бы мама с папой с известием о том, что Дина приехала... Колька потряс головой и с досадой двинул себя в скулу кулаком. Несильно, но чувствительно: надо прекратить телячье фуфло. Это Дина так говорила, она терпеть не могла разговоры о том, что Бог-де нам поможет, надо только полагаться на него. Она фыркала: телячье, мол, фуфло эти ваши молитвы и это ваше смирение, ну, допустим, Бог есть, ему что, приятно смотреть, как ты размазней валяешься и ничего не собираешься делать сам?

Нет никакого кораблика в руках у святого, нет никакого хлебушка вприкуску с разговорами, ничего нет, и тупо пускать слюни и сопли у церковного порога.

Колька внезапно для самого себя присел на корточки и пошарил рукой под ковриком.

И тут же выпрямился и вытянулся, словно ожегся о предмет, которого коснулись пальцы. Быстро-быстро огляделся по сторонам, не видел ли кто? Вроде тихо. Почувствовал, как к ушам прилил жар: они стали, должно быть, неприятно-помидорного оттенка, как бывает, когда ему очень стыдно.

Колька видел однажды, как отец Дмитрий, собираясь поехать в соседний поселок, запер дом и оставил ключ под ковриком. Ключ лежал там и сейчас.

– Ну и зачем тебе вламываться в чужой дом? – спросил себя Колька, и тут же быстро ответил:

– А вдруг он там внутри, вдруг болен? – и нервно засмеялся.

– Ага, и дверь снаружи запер, и церкву, и калитку.

– Ну вдруг, – упрявился внутренний голос, – и вообще вдруг он оставил ну письмо какое или записку или, может, станет понятно, надолго он уехал или так, выбежал до субботнего базара. Я так, одним глазком, и сразу обратно, и вообще, он мне книжку обещался дать, которая мне поможет в разговорах и в школьных ответах.

Этот аргумент сработал. Отец Дмитрий на днях действительно пообещал дать Кольке книгу с упражнениями по развитию речи и уверенности в себе: что-то про риторику и ораторское мастерство. Колька не верил, что книга поможет, но сейчас надо было найти убедительную причину проникнуть внутрь, и причина нашлась.

Он осторожно открыл дверь – ключ повернулся почти беззвучно – и вошел. Здесь было темно и прохладно: толстые стены мазанки не пропускали тепло даже в летнюю жару, что и говорить про такую холодную весну, как нынешняя.

В домике было две комнаты: «зала», как важно говорил отец Дмитрий (она же кухня – с печкой и длинным деревянным столом), и спальня, она же библиотека. Отец Дмитрий, бывало, шутил, что книжки рано или поздно выселят его из собственной кровати. В спальне действительно помещалась только кровать, а все три стены вокруг – не считая уголка с лампадой и иконами – закрывали книжные полки, даже в кровати лежали стопки книг.

В зале царил не то чтобы беспорядок... но Кольке показалось, что тот, кто здесь живет, покинул дом в спешке. Нож, всегда стоявший на подставке, лежал на разделочной доске – им резали хлеб и не убрали на место. Немытая кружка стояла в раковине.

Колька на цыпочках пересек залу и толкнул приоткрытую дверь спальни. Он бы никогда не полез рыться в чужих книгах и документах, но толстая тетрадка лежала, распахнутая, прямо на кровати – кстати, заправленной тоже весьма небрежно, так что из-под покрывала торчала подушка в красную крапинку и почти половина одеяла.

Колька присел на край кровати и взял в руки тетрадку. Он узнал почерк отца Дмитрия: у них дома хранилось составленное по всем правилам свидетельство о его, Колькином крещении. Почерк у священника был на диво аккуратный, с мелкими, почти квадратными буквами, узнаваемым наклоном влево и залихватскими росчерками каждой заглавной буквы.

Этим самым почерком в тетрадке были написаны списки имен и фамилий, некоторые – иностранными буквами, и Колька не мог разобрать их, как ни силился. Он немного полистал странички: на некоторых страницах он увидел схемы, похожие на те, что чертила ему мама, когда рассказывала о семье и о том, кто кому приходится деткой и родителем... геологическое... гинекологическое... нет, генеалогическое древо, во, вспомнил Колька, и с интересом посмотрел на картинку, напомнившую ему соцветие укропа.

При мысли об укропе Колькин желудок совершил небольшой, но ощутимый кульбит, и мальчик почувствовал, как рот наполнился слюной: сейчас бы малосольного огурчика, да из бочки, да с хрустом, да с отварной картошечкой... Он быстро пролистал оставшиеся странички: отец Дмитрий, видимо, изучал историю какой-то семьи... или семей? Колька не увидел ни одной знакомой фамилии и уже хотел было оставить тетрадку и выйти, как взгляд его зацепился за одну строчку.

Baumeister... как это читается, это ведь что-то знакомое... английское (а английский ли это?) В – оно ведь как русское Б, значит, это Баймейстер... нет, Баумейстер! Баумейстер – фамилия прабабушки, той самой прабабушки Марии, в доме которой они теперь живут.

Колька вспомнил генеалогический укроп, который рисовала мама.

Точно, там была бабушка Ханна, она в девичестве – до того, как вышла замуж за дедушку – тоже Баумейстер, а уж та веточка, которая от прабабушки Марии, куда она вела? Колька не помнил.

Он хотел еще разок полистать тетрадку, – не мелькнет ли в другом месте прабабкина фамилия, – но в этот момент за окном послышались жестяной звон и чьи-то шаги. Колька вздрогнул и чуть не свалился с кровати на пол. Он быстро поправил покрывало, положил тетрадку на место и прокрался в залу. Хорошо, что он прикрыл за собой входную дверь! Кто бы там ни ходил снаружи – если это, конечно, не сам отец Дмитрий, – пусть ему будет невдомек, что в дом кто-то проник в отсутствие хозяина.

Колька осторожно выглянул в окно, прячась за занавеской. Он увидел спину удаляющейся женщины и скривился так, будто куснул огурец, а у того оказалась шкура немислимой, до сведенных скул, горечи. Только этой встречи ему не хватало!

Из дневника Кольки

16 сентября 2011 года

Мама сегодня снова вспоминала прабабушку Марию.

У нее была красивая фамилия, Баумейстер. Мама говорит, она немецкая. Это мне она пра, а маме бабушка. Мама у нее часто тут бывала летом.

Я пришел очень расстроенный из школы, но не хотел, чтобы мама заметила. Я спрятался в мастерской и чинил медный листок, а мама пришла мне рассказать, что прабабка тоже много делала руками и такое, что считалось только мужским делом. Сверлить или чинить что-то.

Ну да, она тут одна жила в доме, ей нужно было уметь всё. Я тоже хочу уметь всё. Мне кажется, нет дел для девочек и для мальчиков, есть просто важные и неважные. И те, которые приносят радость или не приносят.

Мне в школе очень многое не приносит радости. И в начале года время тянется жутко долго. В этом году мне надо будет готовиться поступать в лицей. Мама говорит, что я точно поступлю, а папа сказал, что нам надо дополнительно позаниматься математикой. Он всегда говорит, что надо позаниматься, а потом забывает и с головой уходит в свои книжки. Но это не страшно, я сам могу решать примеры из интересных тетрадей, которые привезла

Дина. А когда я прошу папу проверить, он всё бросает и идет проверять, и потом он может забыть про свою работу и даже про ужин.

Папа умеет сам придумывать офигенные задачки, они у него получаются интереснее, чем в учебнике, и даже интереснее, чем в Дининых тетрадях. Это потому что он читает много книг на разных языках. Когда он на ходу сочиняет мне задачу, у него получается такое необычное условие, что он и сам забывает, кого на что разделить или умножить. Только один раз было странно, как будто папа подсмотрел мой сон, из тех самых, хотя я ему такой не рассказывал. Он задумался, а потом улыбнулся, как улыбается, когда очень доволен, у него тогда на носу как будто искра светится. И сказал, пусть будет такая семья существ, они живут на дереве в гнездах, и они синие. Вот тут я ужасно удивился и почти испугался.

А папа не замечал, он говорил: допустим там папа и мама, и у них восемь деток, ну и бла-бла, он потом придумал, как надо было что-то посчитать, но я почти не слушал, так удивился тому, что папа придумал про синих существ. Я спросил, почему существа синие, но он вдруг рассердился и сказал, что это неважно, а важно решить задачу. Папа вообще редко сердится, это было странно. Потом он сунул мне учебник и сказал решай оттуда и ушел обратно за книжки.

Но вообще я за математику не волнуюсь, мне нравится считать, и я понимаю, что такое дроби и как их между собой складывать. И всякие задачи на время, кто сколько ползет или едет, мне тоже нравятся.

Мне не нравится на технологии!

Я люблю наш мир, про который Бог сказал «хорошо весьма», и ведь столько всего интересного можно сделать руками. Я проращивал всякие семена дома, а потом пересаживал в сад, мама дала мне там свой уголок. Я люблю шить иголкой, и пуговицы пришивать по-всякому меня научила мама. И вышивать научила, и это очень красиво, и можно делать удивительные вещи, например, я могу помочь маме с ее работой. Или вышить подарок Дине, например занавески или скатерть в ее квартиру.

Весной Карцеровна заставила на технологии девочек подшивать иторы для класса, а мальчиков чинить забор вокруг школьного участка. Он такой длинный и весь похож на гнилые зубы, надо было расшатать старые доски, а потом на станке выпилить новые. И покрасить. Я сначала бесился, что они используют нас вместо рабочих, которым надо заплатить деньги, а потом мне понравилось. Особенно красить. И мне нравится делать полезное, когда видишь, что не зря. Забор получился хороший.

Но в этом году она сказала, будем шить. Я сначала обрадовался, я же умею шить. Но уже два урока подряд она задает читать тупню из учебника, и надо пересказывать про строение швейной машинки. Я так знаю, как устроена машинка, потому что я люблю смотреть на маму за работой. Но там какие-то старые учебники, мама пролистала и говорит, что у нее более современная и не с ножным приводом, но я все равно должен вызубрить эти страницы, с приводом. Надеюсь, что потом мы все-таки начнем шить, и я смогу сделать задание на отлично.

Расскажу, почему я сегодня вернулся грустный.

Я принес в школу омедненный листок подорожника, над которым работал неделю в мастерской. Мне было сложно, надо было паять, патинировать, покрывать изделие лаком. Получился красивый листок, я думал похвастаться Йосе.

Он с приезда хотел посмотреть, как мы с папой обустроили мастерскую, но ему не удалось ни разу со мной поработать. Пришлось листок доделать без него. Но я хотел ему подарить. Потому что Йосе в восторге от того, что можно живое превратить в медное, сохранить память о листочке на годы, может быть, даже на сто лет. Я принес сегодня

листок в школу, а надо было лучше оставить дома и дать Йосе потом. Потому что он взял его, но сразу подбежали Вадик с Тюхой и другие, и они вырвали у Йоси лист и стали говорить гы-гы-гы Левандовский, ты бы еще обручальное кольцо подарил своему другу гы-гы-гы.

Мне писать сейчас ужасно противно, хотя я тогда даже не понял, почему они заговорили про кольцо. Я не умею делать кольца или другие украшения, это совсем другое – покрывать медью шишки или листики. Я хотел объяснить, а потом вдруг понял, что они ржали, а не спрашивали всерьез про кольцо. А Йося стал красный, малиновый совсем. Я думал, мы сейчас с ним просто отойдем вместе, и я ему всё расскажу про листок, и после школы можем пойти к нам, я наконец покажу ему установку. Но он вдруг отвернулся и убежал.

Вадик дернул меня за волосы и сказал, что это я Йосина подружка. Они меня и раньше дразнили, потому что у меня волосы не коротко стриженные. Но мне просто не нравится, когда коротко, и папа с мамой понимают, хотя мне бывает жарко. И я, конечно, ничего не смог говорить, как всегда, меня заколбасило, когда я понял, что они надо мной смеются.

Я пишу сейчас, и мне даже писать плохо, но надо, мне когда-то Дина говорила, что если страшное или стыдное записывать словами, оно как будто превращается в черно-белые фотографии, и ты от этого потом меньше волнуешься.

Йося вернулся в класс потом, я видел, что он, наверное, умылся – у него было лицо мокрое и не такое красное. А Вадик в этот момент наступил на листок и сказал ой, я случайно. Он же хрупкий, это такой тонкий слой меди, и он согнулся. Наверное, можно поправить, но будет сгиб хуже. А Йося не заметил, что Вадик наступил на листок, и сел ко мне за парту, как раз звонок был перед математикой. Я даже не знал, как ему сказать, что листок теперь сломан. Но он и не спросил ничего. Как будто ничего не было.

И я весь урок думал, почему так вышло и пытался понять, надо ли теперь звать Йосю смотреть установку или он не захочет. Карцеровна позвала меня решать задачу у доски. Там было долбаное фуффло про какие-то вагоны, и я быстро понял, сколько и с какой скоростью они ехали, но я не смог ничего объяснить, потому что посмотрел на Вадика и Тюху. А они начали корчить мне рожи, а Йося сидел через проход, смотрел в тетрадку и ничего не замечал, хотя раньше он пытался мне подсказывать, когда меня клинило.

Йося когда видел, что мне плохо и я не могу говорить, просто писал слова на листочке и поднимал, и я старался выключить думалку и просто прочитать хотя бы тихо. И иногда Карцеровна говорила: хорошо, Левандовский, на свою тройку ты ответил. А сегодня я не смог, и она поставила мне два.

Может, Йося просто задумался о своем, он же тоже расстроился, что нас с ним так задразнили. Завтра выходной, пойдем на дерево, и я скажу ему, что не надо бояться, когда другие говорят глупости. Они говорят не про нас, а как бы про себя. Мы же о себе знаем, что мы дружим и что мы делаем друг другу только хорошие поступки.

Ну вот, я совсем расстроился, и слова не даются.

Может, попросить маму с папой, чтобы меня отвезли на выходные к Дине? Правда, она там сильно занята на своей стройке. И тоже чем-то расстроена. Она не рассказывает подробно, но, когда последний раз звонила, голос был такой серый, как будто пыльный.

Одесса, октябрь 2011 года

Той осенью красная кофеварка скалилась на Дину особенно хищно, неприятно.

В ее небольшой белоснежной кухне, где из мебели стояли стол и пара табуреток, гигантский агрегат приковывал к себе всё внимание. Это была даже не кофеварка, а профессиональная кофемашинка с двумя рожками для эспрессо, вроде той, что стоят в кофейнях и ресторанах. Кофемашину еще летом подарил бюро «Зигзаг» довольный заказчик, но кофеварка

у них в офисе уже была, и Шиманский махнул рукой: Дина, мол, вы только переехали на новую квартиру, забирайте.

Дома у родителей она варила кофе в старой медной джезве. Деревянная ручка у той уже разболталась, бока украсили вмятинки, но купленную на Староконке джезvu Дина беззаветно любила. Как любила и газовую плиту. Что-то завораживающее было в том, чтобы сначала повернуть вентиль конфорки, подождать заветного шипения и только спустя несколько секунд чиркнуть спичкой. Запах серы смешивался с еле уловимым запахом газа, Дина аккуратно ставила джезvu на плиту и смотрела, как синие треугольные язычки лизут медное дно.

Кофе у нее никогда не убегал. В том была особая стояновская магия: почувствовать кожей каждую секунду, пока коричневая шапочка начинает приподниматься из недр джезвы. И поймать заветный момент, когда надо погасить пламя, чтобы шапочка застыла над краем джезвы. Миллиметра два, не более. Юрий Стоянов так же гордился умением наливать пиво быстро и ловко – чтобы пена в стакане поднималась и ни на капельку не переливалась за край.

В новой квартире, как и во всех новых домах, плита была электрическая. Дина с ней так и не подружилась. Она пробовала ставить джезvu на конфорку, но медь оказалась внезапно слишком легкой для чувствительной индукционной поверхности. Плита не включалась. Кастрюльку, сковородку – пожалуйста, а джезvu – никак.

– Вот зараза, – удивлялась Дина. Пробовала заваривать кофе в стакане или в стеклянном чайнике, пробовала модную итальянскую моку – алюминий плита почему-то приняла – всё не то.

Так что рожковая кофеварка оказалась весьма кстати.

Аппарат занял почти половину столешницы, предназначенной для готовки. Но Дина все равно не готовила дома – либо ела в кафе, либо покупала в кулинарии еду по дороге домой, либо заходила к родителям: они-то отпускали дочь только после плотного ужина да еще с парой свертков про запас.

– Голубцы погрѐй сегодня на ужин (какой ужин, мама, в десятом часу ползу домой, мысленно стонала Дина, но вслух не спорила: бесполезно), налистнички съешь с утра (налистнички, как их называла Ханна, – то бишь блинчики с творогом и изюмом по особому, бабушкиному, рецепту, Дина любила, но знала, что с утра ей кусок в горло не полезет), а фаршированные синенькие заberi завтра на работу, там погрѐешь (Дина точно знала, что ничего на работу с собой не возьмет: между поездками на служебной машине по объектам, заполнением документов, подготовкой новых договоров и решением финансовых вопросов у нее было время разве что опрокинуть в себя чашку-другую эспрессо, сваренного секретаршей Шифрой).

Октябрь выдался прохладным и тревожным.

Вроде бы всё шло своим чередом, но Дина по утрам вздрагивала, заходя на кухню: ну почему ей стало казаться, что кофеварка затаилась в углу и вот-вот прыгнет на нее? Что за глупости! А то и прыгнет, смеялась над собой Дина, такая дурища, под полцентнера весом. Аппарат посверкивал неуместно алыми боками в почти стерильной белизне кухни. Словно артист в свете софитов. Даже в пофыркивании, с которым он цедил в чашку крепкий ароматный напиток, Дине слышалось что-то недоброе.

Дина не верила в приметы или знаки.

Она поднимала на смех тех, кто после дурного события задним числом выискивал указания на плохие предзнаменования.

– Он чуял, – передразнивала она, рассказывая Кольке про одного из рабочих, – с утра чуял, что к вечеру бухой свалится в открытый люк и набьет здоровенный шишак на лбу. Прямо с раннего утра знал. Потому что уже с утра кошка пробежала у него под самым носом, черная

бестия, а соседская Фаня понесла пустое ведро, и, представьте себе, – Дина смешно растопыривала руки и копировала окающий басок строителя, – штош оставалось-то, только нажраццо-то, все ж знаки-то налицо. Налицо у него были знаки, ишь.

Тут Колька хохотал в голос, падал на спину и дрыгал в воздухе ногами. Да и сама Дина едва сдерживалась, чтобы не захохотать, но не выходя из образа, серьезно добавляла:

– Как не нажраццо-то... ежели кошка-то.

Но той осенью Дина стала ловить себя на том, что ищет внешние подтверждения своим плохим предчувствиям. Вот дурацкий светофор на Екатерининской загорелся красным ровно в тот момент, когда она подошла к перекрестку, – теперь стоять аж минуту. Рассыпала остатки кофе, неловко двинув темпером при утрамбовывании кофе в рожок, чертыхнулась, хотела подмести – смахнула со стола кувшин с водой. Захотелось пнуть красную кофемашину: слишком нагло та наблюдала за происходящим.

Дина просыпалась раньше будильника, будто кто-то ее окрикнул, словно было что-то на грани яви и сна – вот-вот поймаешь, поймаешь... нет. Простыни наутро были скомканными и странно прикасались к телу, словно одежда не по размеру. Хотя как, ну как не по размеру могут быть – простыни? Дина крутилась в постели, переворачивала подушку. Всё было так – и не так.

Дина утешала себя тем, что это ее первая осень в новой квартире. Конечно, нужно просто привыкнуть к новым звукам: здесь было непривычно тихо. В родительском дворе из распахнутых настежь окон постоянно звучала музыка – из каждого окна своя. Орала дети и коты, бесконечно кричали и голосили соседи, постоянно кто-то что-то жарил, кто-то сбегал по лестнице в мыле – буквально, в мыле: если воду отключали посреди дня и нужно было добраться до колонки.

Окна новой квартиры выходили в безмятежность неба. До Дины долетали разве что крики чаек. Соседей по этажу то ли пока не было, то ли они оказались совершенно тихими и незаметными: ни во время переезда, ни за период ремонта Дина не столкнулась на лестничной клетке с другими людьми.

Но дело было не только в тишине или прохладном октябрьском свете.

Дело было в первую очередь в том, что происходило на работе.

Странности в поведении Шифры Дина заметила уже давно, но долгие месяцы списывала их на застенчивость секретарши.

Шифра устроилась на работу в бюро в феврале.

Сразу после этого они начали работу над проектом нового здания: аккуратно в центре города, на Ланжероновской планировали построить бизнес-центр. Дина не поняла, почему Шиманский с его размахом мысли и амбициями, взялся строить бизнес-центр – где тут развернуться-то? В центре города, где правила застройки строго определяют этажность, да и с оформлением фасада здесь всё строго. Шиманскому (да и ей самой) подавай огромные жилые комплексы на окраинах или небоскребы вроде тех, что строят сейчас в Москве.

Но если с проектом бизнес-центра Дине всё было более-менее понятно, то новая секретарша ее удивила.

Во-первых, удивительным было то, что внезапно уволилась по собственному желанию их предыдущая помощница, Леночка. Без Леночки они уже два года себе не представляли и дня – она была тысячерукой богиней, которая одновременно выполняла мелкие поручения, варила кофе, отвечала на звонки и вела календарь встреч и совещаний босса. Леночка как-то доверительно сообщила Дине, что душой прикипела к бюро и считает его своей второй семьей. Но в январе она улетела на недельку в отпуск на Мальдивы, а вернувшись, положила на стол

заявление и упорхнула от них то ли в Киев, то ли в Петербург, Дина даже понять не успела, куда. Она и увольнение Леночкино не застала: самой в тот момент не было в Одессе.

– Вот так просто, – сокрушался Шиманский, – ворвалась, загоревшая, браслетами звякнула, и – привет.

Бюро пришлось спешно искать замену, и появилась Шифра. Причем Шиманский опередил кадровую службу и сказал, что у него есть барышня на примете.

Никто не спрашивал, где босс раскопал новую секретаршу, но, когда Шифра впервые вошла в офис, Дина задыхнулась от неожиданности. Нескладная полная женщина теребила руками подол юбки. Ну, не всем же быть тонкокостными фотомоделями, подумала тогда Дина, с ногами от задницы и титьками, которые вперед тебя в помещение вplyвают. Она вздохнула, вспомнив, как Леночка разговаривала по телефону низким грудным голосом с чуть французским прононсом и все важные дела и встречи устраивались будто сами собой.

Наверное, эта Шифра – секретарь от бога, подумала Дина, Шиманский бы не взял на работу абы кого. Имя еще какое, – фыркнула про себя, – тетка-загадка.

Она и не предполагала, что загадок окажется больше, чем ожидалось.

Глава 10

Вейск, 12 мая 2012 года

Тату Забужко в Вейске за глаза называли Тутой-абсолютѣй.

Она появлялась абсолютно повсюду и сразу. Она мигѣм оказывалась рядом и в гуще событий, стоило случиться событию хоть плохому, хоть радостному. Заслышав ее вкрадчивое «я тутечки недалеко йшла», сельчане откровенно сплевывали. Кто посмелее и погрубее, отвечали «йшла б далі», но Тату это не смущало. Она обладала почти сверхъестественной способностью «тутечки» оказываться в любом месте поселка, и редко какое сборище или свара обходились без ее участия. Не было ни одной новости, ни одного слуха, которые Тата не пропустила бы через себя, не изгрызла, как говорил, морщась, Колькин папа, редко позволявший себе нелитературные выражения, и не выbleвала бы потом обратно в искаженном виде.

Также Тутѣй-абсолютѣй ее метко прозвали в силу ее внешнего сходства с полевым вредителем – томатной молью⁸. Тата Забужко одевалась в серые тряпки, которые висели на тощем теле невнятнымнми складками. Поди разбери, платье ли то, сарафан ли или просто серая мешковина от картофельных мешков. Количество тряпок зависело от сезона: в холода на ней было больше слоев. Верхний слой обычно был пыльным и неприятно шуршал: регулярной стиркой Тута не заморачивалась. А когда она злилась или приходила в возбуждение иного рода, она скидывала вверх руки, и тянущиеся полотна придавали ей очевидное сходство с насекомым.

Тута приходилась теткой и единственным опекуном деревенскому хулигану Вадику, и ни одно родительское собрание не обходилось без ее визга и истерических взмахов серых крыльев. Даже Хая Карповна морщилась от звуков Тутиного голоса и старалась поменьше придирааться к увальню Вадику.

Что делала Тута в огороде отца Дмитрия?

Колька постарался не выдать себя скрипом двери. Он дождался, пока серая фигура завернет за угол дома – она продолжала громыхать чем-то металлическим – и осторожно вышел. Запер дверь, убрал ключ под коврик, выпрямился и перевел дух. Длинная челка насквозь промокла от пота, а живот сводило от голода уже нешуточно: пора было двигать домой.

Колька стал красться к калитке, надеясь, что его не выдаст хруст гравия под ногами. Но не успел он проделать и половину пути к спасительному выходу с участка, как дзвякнуло жестью с другой стороны! Колька вздрогнул от неожиданности, и тут же его сердце ухнуло в пятки: противная моль уже бежала к нему, и маленькие ее глазки сверкали жадным любопытством.

– А я тутечки поливаю картопельку, – почти пропела она тонко, – поки сонце не зійшло високо, треба полити, а ти, Коля, що робиш, батька шукаєш?

Колька молча кивнул и хотел развернуться и уйти, но Тута засемила по дуге, перекрывая ему выход. На ходу она сыпала слова, точно пшено цыплятам:

– Уїхав батька! З'явився в ночі в десятій годині, сказав, дело невідкладно, в столиці або де, поливай тутечки, грит, картофан, поки не повернуся.

Кольку резануло знакомым «картофаном», пусть даже в пересказе противной Туты.

---

⁸ Томатная минирующая моль (лат. *Tuta absoluta*) – вид чешуекрылых из семейства выемчатокрылых молей, родиной которого является Южная Америка. Опасный вредитель томатов и других пасленовых. Название «Минирующая моль» произошло от способности личинки (гусеницы) насекомого прогрызать в растениях ходы и питаться тканями, оставляя при этом узоры пятен (мины).

К горлу подступила горечь. Только не сейчас, пожалуйста, только не здесь, не с этой молью, шла бы она себе обратно в грядки, только бы она отвязалась побыстрее!.. Он почувствовал, как, несмотря на быстро поднимающееся солнце, по спине у него потек ледяной пот, лоб покрылся испариной, внутренности мелко задрожали.

Тута добежала до калитки, зачем-то бросила на щеколду остренький взгляд и тут же начала подбираться к мальчику по второй дуге, обходя его по кругу. Колька видел по телевизору, как кружат боксеры на ринге, выбирая удобную позицию, чтобы друг друга отмутузить. Она что, хочет на него накинуться со своими лейками?

В руках у Туты действительно были две огромные лейки с угрожающе вытянутыми ржавыми носами. Колька некстати подумал, что в предбаннике у отца Дмитрия есть более симпатичные лейки. И вообще, отец включал генератор, чтобы поливать огород из шланга, – так сподручнее. Но в его отсутствие, конечно, Тута выкручивалась по-своему.

Интересно, почему отец Дмитрий попросил приглядеть за огородом не кого-нибудь, а именно эту мерзкую тварь? Наверное, вздохнул про себя Колька, потому что отец никого не считал мерзким и ко всем относился, как и Бог, с одинаковой теплотой. Эх, отче...

Тута наконец поставила лейки на землю и подошла почти вплотную к мальчику. Он отшатнулся от нее и сделал несколько шагов назад. Тута мелко хихикнула, словно наслаждалась его замешательством, и снова зачем-то стала двигаться по кругу. Она ни секунды не стояла спокойно, даже тонкие ее кисти постоянно взвивались в воздух, отчего серые крылья приходили в движение. Ее лицо менялось в гримасах – мелкие черты складывались то в радостное возбуждение, то в озабоченность.

Колька с ужасом подумал, что она похожа на сумасшедшую.

Ему опять стало жалко Вадика: если с такой теткой жить, недалеко и самому двинуться. Он попытался обойти Туту сбоку, чтобы все-таки добраться до калитки, но она внезапно заявила:

– А тобі я давно хотіла сказати, Коля, и Хая Карповна уверена, – неожиданно звучное «р» ударило Кольку по ушам, – уверена, що ти не закінчиш нормально клас і що в той лицей тобі пути точно нема. – Она затряслась от смеха и стала перебирать тонкими пальчиками серую бахрому на поясе.

Кольку замутило. Только бы не вывернуло, только не здесь, не при этой... мальчик отчаянно искал опору и нашел ее – встал спиной к забору и выпрямился, как мог, словно струнка.

Моль тем временем подбиралась ближе и будто бы даже становилась выше: так ее питала паника в Колькиных глазах. Она потирала руки, и Колька с отвращением слышал, как шуршит сухая морщинистая кожа: ну точно, насекомое.

– Лицей той точно не для тебе, я ж по-доброму хочу упредити, щоб час і гроши ви не витратили даром, та и поездки у Одесу – тож гроши... мне Вадик всё-всё зараз сказал, всё-всё, что там усная беседа треба, а це, – она победно воздела руки вверх, – ти не зможеш.

У Кольки подкосились колени, и его все-таки стошнило. В тот момент, когда его выворачивало на траву возле забора, он порадовался, что с утра у него во рту не было и маковой росинки. Горькая желчь и вода, пусть так: всё лучше, чем продемонстрировать противной бабе содержимое желудка после обильного завтрака.

Тута, казалось, была совершенно удовлетворена. Она махнула рукой в сторону мальчика, словно его мертвенная бледность, испарина и тошнота были прямым доказательством никчемности и сводили к нулю шансы на поступление в лицей, и победно удалилась в сторону своих леек.

Колька выпрямился, вытер пот со лба и на негнущихся ногах побрел к калитке. Домой, скорее домой.

Из дневника Кольки

18 сентября 2011 года

Очень не хочется идти завтра в школу. Йося не приходил, и мне было тяжело на сердце, я думал, что он придет и мы поговорим, и я ему отдам листок.

Я сидел и думал, почему люди хотят причинить боль другим. Даже не ту боль, которая физическая, когда бьют или дергают за волосы. А когда говорят очень обидные слова, бывает больно душе, это еще хуже, чем когда больно телу. И кажется, что некоторые умеют находить как бы ключик, ранить людей именно тем, что их может ранить сильнее всего.

Вот Вадик, он, наверное, очень несчастный. У него нет мамы и папы, я даже не представляю, что с ними. Но это дико страшно, когда нет мамы и папы, а тебя растит тетя Тата, и она такая странная. Она как будто всегда выискивает в людях плохое и старается им сказать то, отчего им обиднее всего. И Вадик, наверное, этому научился у нее. Если ты видишь сначала в людях плохое, то ты привыкаешь так жить. Мне так кажется. Мы же не целиковые, в нас есть и плохое, и хорошее. Но как ты человека будешь принимать, такое и будет проявляться для тебя чаще всего. Вадик всем всегда говорит плохие вещи, потому что ему самому с детства тыкали тем, что он плохо учится и плохо себя ведет. Наверное, он решил, что пусть всем вокруг тоже станет нехорошо. Тогда ему немного лучше, он как бы не один.

Я не обижаюсь на Вадика, потому что я вспоминаю тетю Тату и мне становится его жалко. Если бы я мог, я бы предложил ему дружить, и я мог бы точно ему сказать о том хорошем, что в нем есть. Но Йося сильно обижается. И, наверное, он сейчас очень расстроен, что Вадик дразнил нас подружками. Хотя мне кажется, что это глупости, на которые можно не обращать внимания.

Но, наверное, это то самое, ключик к Йосе.

Еще про грустное, у меня заканчивается медь. Когда папа мне покупал установку, он говорил, что в наборе идет небольшое количество реактивов и немного меди. И я почти всё потратил на первые опыты, осталось совсем немного. А где купить еще, папа не знает. Там какие-то сложности есть с тем, чтобы найти медь. Он сказал, что спросит у Дины, потому что она общается со строителями и у нее море знакомых в городе. Может быть, Дина поможет.

Я всё вспоминаю, как познакомился с Дининым руководителем. Мне нравится слово «руководитель». Дина иногда говорит «босс», но босс это что-то иностранное, и мне сразу представляется толстый дядька с сигаретой во рту почему-то. Но руководитель – тот, кто водит за руку. Мне сказу кажется, что это воспитатель, который ведет мелких за руки и следит, чтобы они не спотыкались.

И этот их Валера Антонович такой, как будто он очень хороший воспитатель. Вот у меня не было хороших. Только мама и папа, но они родители, а не учителя, с ними подружому. А Карцеровна не хороший руководитель. А ВА так говорит, что сразу хочется его слушаться. Он ведь расспрашивал меня про установку, может быть, как раз он сможет помочь с медью? Я бы сделал ему на память подарок. Надо посмотреть, хватит ли меди на еще хотя бы небольшую ишишку.

Я еще всё время думаю о том, как важно, когда тебя слушают.

Я понял это, когда мне Йося сказал однажды: «Коля, когда я тебе говорю вслух о своем, то когда заканчиваю, уже знаю решение проблемы». А мне кажется, что это нормально. Мы иногда не можем решить проблему внутри, и если выпускаем ее наружу, она как плотное

облачко между тобой и тем, кто слушает. И если он хорошо слушает, то облачко не улетает и не растворяется, а ты сам начинаешь его видеть. И понимаешь решение!

Мне нравится слушать, как говорят люди. Дина вот как начнет мне всё свое вываливать, а я только слушаю, и иногда почти вижу, как из нее вываливается тяжелое, усталость, а потом рраз – и как будто клубок распутался, и она успокаивается.

А когда я рассказывал маме про те сны, мне было не так, мне было неприятно, как будто она не дает облачку быть между нами, а сразу кидается на него, чтобы изменить его и сделать таким, как она видит. Наверное, мамы не могут по-другому. Они старше, и они родили из себя ребенка, и до какого-то возраста они думают, что лучшие ребенка понимают всё. А это может быть не так. Не знаю.

Папа слушает вообще так, как будто он дырявый. Ой, я так подурацки написал, как будто что-то плохое про папу. Я очень его люблю. Но он если я рассказываю что-то, как будто пропускает через себя мое облачко, оно улетает, а он такой потом: что, Коля? И мне приходится повторять, но он сразу отвлекается на что-то другое. Иногда кажется, что он боится услышать такое, во что не верит, поэтому удобнее делать вид, что этого нет. Я не мог решиться рассказать ему про сны. Потому что боялся, что он не станет слушать, пропустит, и оно улетит. И мне заранее обидно. Такая глупость.

Отец Дмитрий меня слушал по-настоящему. И ВА слушал по-настоящему, хотя с одМ. я говорю часто об серьезном: и про сны и про миры, и про Бога мы с ним говорили, и он всегда слушает до конца, а только потом начинает говорить сам. И всегда очень хорошо говорит.

А с этим руководителем мы тогда всего несколько минут пообщались, и ведь никакого серьезного не обсуждали, а у меня все равно было ощущение, что чужой человек меня хорошо понял.

Интересно, как он отдыхает, когда у него свободное время. Может быть, ему не с кем общаться, и ему одиноко, надо спрашивать Дину, она с ним только работает или может подружиться. И я не знаю даже, сколько ему лет, но он выглядит старше папы, у него немного седые волосы по бокам.

Одесса, март 2011 года

Офис архитектурного бюро «Зигзаг» разместился в шестиэтажном доме на углу Сабанского переулка и Маразлиевской улицы. Офис занимал угловое помещение на третьем этаже. Дому было почти сто лет; Дина обожала «сдержанный» одесский модерн и всякий раз с удовольствием входила в роскошную парадную.

На первом этаже дома располагались продуктовый и аптека с дореволюционной вывеской, в парадной был лифт, – один из самых старых в Одессе – но Дина любила подниматься по широкой лестнице и гладить потемневшие от времени перила.

– Между прочим, – мимоходом заявил отец, когда еще во время практики она похвасталась тем, что будет работать на Маразлиевской, – в том квартале на Энгельса располагалась одесская ЧК, а затем – НКВД, да-да, в том самом квартале, по Сабанскому до Канатной. И кто там в ваших кабинетиках заседал, это большой вопрос.

Дина отмахнулась: ну какая разница, кто заседал здесь полвека назад, когда теперь там будет заседать она, Дина Стоянова, собственной персоной.

Окна кабинета Шиманского смотрели на парк, окна кабинета, который выделили Дине после того, как она стала главным архитектором проектов, – на переулок. Дине нравилось разглядывать из окна дом напротив: одно из любимых зданий современной застройки в городе. Вроде бы строгих и простых форм, но со стрельчатыми окнами и изящными башенками, дом устремлялся ввысь, к небу, словно стоял на цыпочках. Она любовалась этим домом задолго

до того, как впервые попала в офис бюро. Еще студенткой она, бывало, бродила по Маразлиевской часами. Она считала, – и сейчас осталась при своем мнении, – что это самая красивая улица в городе. Она знала наизусть историю каждого дома по четной стороне, здоровалась с кариатидами как с родными, заходила во двор шелкнуть по носу мальчишку с рыбой и часами просиживала у ног главного украинского поэта⁹, глядя на новый модный дом с башенками. Она и не предполагала тогда, что получит работу мечты в офисе с видом на любимое здание.

Дина сидела на подоконнике, свесив ноги на улицу.

Строго говоря, этого не стоило делать: ожидался визит инвесторов по объекту «Ланжерон», и, возможно, статусу бюро могли повредить торчащие из окна третьего этажа ноги главного архитектора проектов. Но Шиманский с утра заперся у себя в кабинете, новая секретарша тихо сидела в холле, и Дина позволила себе расслабиться.

Март принес потепление, да такое, что окна всех домов распахнулись, а деревья, казалось, звенели от напряжения, готовясь выпустить и сразу раскрыть первые почки. Пахло талой водой. Дина любила запах воды, который сменял стылое напряжение зимы. Разом таяли льды и снега – в том году в Одессе выпало снега больше обычного, – и по улицам текли ручейки, а местами и целые потоки. Солнце уже начинало прогревать стены домов, гладить ветви деревьев, прохожие скинули шапки и распахнули куртки, еще немного – и побегут по улицам голоногие девчонки в гольфах.

Дина курила, стряхивая пепел вниз и чутко напрягая спину: не идет ли босс или не стукнет ли в дверь секретарша. Курить в кабинете было нельзя: для того было специальное маленькое помещение в другом конце офиса. Но Дина не выносила табачный дым, который клубится в замкнутом пространстве. Она могла курить исключительно на свежем воздухе. А если воздух мартовский, влажный, то вдыхание крепкого дыма превращалось в настоящее наслаждение.

Дина гладила взглядом бежевые стены дома-на-цыпочках и думала о Валере Шиманском. От родителей иногда прилетали невнятные (а порой и вполне внятные) намеки на то, что неплохо бы задуматься о мужике, – Дина стряхнула пепел и передернула плечами, – то есть они, конечно, не говорили так грубо, о мужике. Мама всегда заплывала ласково и издалека: с карьерой всё отлично, мы тобой страшно гордимся и так рады, что ты решила остаться работать в Одессе. Как хорошо, что ты собираешься покупать квартиру, и мы поможем, конечно, и кстати, а не пора ли тебе родить нам внука-другого? Хрясь.

– Родить им внука-другого, – думала Дина, лениво затягиваясь, – так, чисто между делом, между, например, оформлением договора с подрядчиком и командировкой в Цюрих. Натѐ, мамо, я вам внука закину по дороге в аэропорт.

Стоянов был еще более прямолинеен: увидев как-то в газете фотографию Валеры Шиманского, он спросил дочь, что она думает по поводу своего начальника.

Дина искренне не поняла, на что он намекает.

– Думаю, он чертов гений, – не моргнув, ответила она тогда. – Я бы душу продала, чтобы с ним работать, да не пришлось: и так позвал. Хотя, – Дина фыркнула, – я всё еще готова продать, если потребует задним числом.

Ханна мелко перекрестилась и напустилась на дочь: нельзя такое говорить, даже в шутку нельзя, а Стоянов спросил уже без обиняков:

– Ну а как мужик он тебе... как? Может, стоит задуматься?

До Дины еще пару секунд не доходило, о чем именно стоит задуматься, а потом она расхохоталась.

– Я думаю, – сказала она тогда родителям, – что единственная женщина, которая интересуется Шиманского, – это архитектура. Да и вообще он... странный.

---

⁹ Имеется в виду, конечно, памятник Т. Г. Шевченко у входа в парк.

Конечно, она изучила биографию Шиманского еще до прихода в бюро на стажировку. Любой студент строительной академии знал эту фамилию и назубок знал связанные с ней объекты. И в студенческой среде, и после, когда Дина вращалась уже в «верхних» кругах архитектурного мира, ходили всевозможные слухи о личной жизни архитектора. То поговаривали, что он гей – как без того. Женат был по юности на однокурснице, потом она куда-то делась, с тех пор всегда один – выводы напрашивались сами собой. То говорили, что у него есть любовница в Вене, но он тщательно скрывает ее имя от прессы.

Как бы то ни было, Дина никогда не замечала со стороны Шиманского знаков повышенного внимания – ни в свой адрес, ни в адрес любой другой женщины (или мужчины). Шиманский виделся ей цельнолитой фигурой: из льда или холодного серебра; она бы не смогла выразить это словами, но чувствовала вокруг него защитное поле. Словно у него нет ни малейшей бреши в броне, которую пытались прожечь взглядами окружавшие его женщины, словно все их старания заранее обречены на провал. От Шиманского отскакивали (Дине даже казалось, она слышит еле уловимый серебряный звон) обаятельные улыбки, нелепые смешки, пущенные из-под прикрытых ресниц взгляды.

Она не лукавила, говоря, что считает его странным. В его официальной биографии было сказано, что он сирота. Ни слова не было написано о его детстве. Поговаривали, будто он воспитанник какого-то сиротского приюта, но какого точно – никто не знал. В Одессе он возник будто из ниоткуда, поступил в архитектурную академию, а когда его имя было уже достаточно известно в архитектурном мире, никого не интересовало, откуда он, собственно, появился.

Даже в мыслях она не называла его Валерой: только по имени-отчеству. Или по фамилии. Станным виделось ей сочетание Валера Антонович: что-то нелепое было в уменьшительном «Валера», но Шиманский никогда не представлялся Валерием, и даже на визитках ему печатали именно такую форму имени. Дина всякий раз на миг спотыкалась об это имя, как бывает, когда играешь в резиночки, а нога на долю секунды задевает туго натянутую резинку, и кажется, вот, собьешься, а то и споткнешься и саданешься об асфальт голой коленкой... Ей не нравились оба имени – и Валера, и Антон. Иногда она ловила себя на том, что мысленно подбирает боссу другие имя и отчество – как будто переодевает куклу, смотрит, какое платье лучше сядет. Подобрать не получалось.

У Валеры Антоновича были пушистые темные ресницы. Он носил очки со слегка затемненными стеклами – Дина не знала, какие там диоптрии, и есть ли у Шиманского в самом деле проблемы со зрением, или он просто пытается хотя бы отчасти скрыть странную для мужчины красоту. Иногда Дина замечала, что Шиманский снимает очки и смотрит в пустоту, покусывая дужку, как будто видит что-то, доступное ему одному. Ее пугало его лицо, и глаза в тот момент становились точь-в-точь двумя кусками льда, и что-то нечеловеческое виделось в хищном профиле. Но наваждение проходило, Шиманский вздрагивал, глаза теплели, и ледяная сосредоточенность уступала место теплому обаянию.

В то мартовское утро они ждали инвесторов по проекту нового бизнес-центра.

Заказчиком проекта выступал некто Заячкин – Дина пока не видела его вживую, только встречала фамилию в документах. От сегодняшней встречи зависело многое: если презентация бюро удовлетворит инвесторов, они заключат договор на выгодных всем условиях и в ближайшие сроки приступят к строительству.

Дина была спокойна: она заранее подготовила все документы для инвесторов и для босса, а Шифра позаботится о том, чтобы презентация в переговорке прошла без сучка без задоринки.

Переговорная комната находилась дальше по коридору: там стоял овальный орехового дерева стол, уютные стулья с ортопедическими спинками – Шиманский был эстет и не тер-

пел угловатых форм и стереотипной офисной мебели. В обязанности Шифры входило заранее разложить раздаточные материалы, поставить бутылочки с водой и быть готовой по первой просьбе сварить кофе или заварить чай.

Шифра. Дина пожалала плечами, затушила сигарету о внутреннюю часть карниза и огляделась в поисках салфетки, чтобы завернуть окурок, – не кидать же его в окно или не класть в офисную мусорную корзину просто так.

Секретарша работала у них уже месяц. Когда Дина увидела ее впервые, она подумала, что Шифра куда уместнее смотрелась бы на Привозе за рыбным или молочным прилавком, к примеру, чем в офисе архитектурного бюро. Статная тетка – Дина вглядывалась в Шифру, пытаясь определить ее возраст, но даже с натяжкой не могла назвать ее девушкой – с черной косой ниже талии. Уголки ее полных губ всегда были приопущены, словно в тот день, когда Бог раздавал способность улыбаться, Шифра проспала и опоздала к раздаче. В том, что Шифра могла проспать и опоздать, Дина не сомневалась. За минувший месяц Шифра несколько раз влетала в офис за минуту до начала рабочего дня, когда даже Шиманский – если он был в городе – уже сидел у себя в кабинете.

У Шифры было круглое и слегка оплывшее лицо, в чертах которого угадывалась жгучая деревенская красота. Нет, она не была толстой. Полноватой – да. Дина ловила себя на том, что окидывает взглядом фигуру секретарши всякий раз, когда та поворачивается спиной. Ей казалось, что настоящая Шифра прячется под плотным слоем защитного костюма, словно красивую живую тетку запихнули в бесформенный чехол и наглухо застегнули. Шифра двигалась как в полусне, хотя со всеми поручениями вроде бы справлялась.

На второй день работы Шифра начала укладывать косу на затылке и даже слегка подкрасила губы. Возможно, кто-то ей намекнул – или сама догадалась, – что в офисе модного архитектурного бюро следует соблюдать хотя бы минимальный дресс-код. Она по-прежнему надевала старомодные юбки ниже колена, но поверх офисной блузы накидывала строгий пиджак. В этом образе Шифра больше походила на учительницу математики или завуча, чем на торговку или доярку. И «Зигзаг» успокоился и перестал обсуждать за Шифриной спиной ее внешний вид. В конце концов, Шиманского работа новой секретарши устраивает – зачем бы он ее терпел?

Дина засунула завернутый в салфетку окурок поглубже в мусор, налила стакан воды из графина, выпила залпом. Посмотрела на часы. Без пяти. Пора идти встречать гостей. Всё в полном порядке: встреча должна пройти безупречно.

Как же она ошибалась.

Глава 11

Вейск, 12 мая 2012 года

Колька оглянулся.

Тута, казалось, уже забыла о его существовании. Она подобрала лейки и направлялась теперь к колодцу. Она проходила сейчас по одной из любимых – он знал это наверняка – грядок отца Дмитрия. Крупные лиловые цветки колыхались, задетые подолом Тутиной юбки. Колька подумал с брезгливостью, что, будь он цветком, он бы напярѐг все свои растительные клеточки, лишь бы к нему не прикоснулось грязное серое полотнище.

Именно на этой грядке рос картофель сорта «синеглазка». Он цвел особенно пышно. Отец Дмитрий рассказывал, что соседи приходили поначалу к нему делиться огородной премудростью и все как один предупреждали, что, мол, чем крупнее цветет, тем мельче потом клубни. Растение-то высасывает все минералы из почвы – и куда? В бесполезный цветок. Некоторые у себя даже похаживали с секатором и подстригали особо рьяно цветущие кусты. Какие результаты приносило столь варварское вмешательство, Колька не знал. Но предполагал, что недовольное растение могло в отместку выпустить в два раза больше цветков и высосать из почвы (в ущерб клубням, конечно) в два раза больше полезных минералов.

Будь он картофелем, он бы поступил именно так.

Отец Дмитрий, хоть и разводил у себя в огороде «шелекцию», по выражению покойной Марии Исхаковны, на красоту кустов никогда не покушался. У него были грядки и с крохотными бледными цветочками, были и те, что вовсе не цвели, – сверхранние сорта, их, кстати, уже и выкапывать пора. Но лиловые цветки «синеглазки» выделялись посреди огорода в середине мая, словно грядка экзотических петуний. Отец Дмитрий, бывало, садился возле них на корточки, смешно, как огромный гусь, расхаживал врасковырку и что-то тихо напевал и декламировал.

Колька однажды подслушал:

Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненье
В моей душе, в моей крови!
С каким тяжелым умиленьем
Я наслаждаюсь дуновеньем
В лицо мне веющей весны
На лоне сельской тишины...

– Это что? – спросил Колька, подойдя сзади так, что священник от неожиданности потерял равновесие и плюхнулся между грядок.

– Стыдно, юноша, Пушкина не узнать-то, – пробасил, поднимаясь и отряхиваясь, отец Дмитрий. – А между прочим, вот эта красавица, – он наклонился к лиловому цветку и нежно погладил его указательным пальцем, – трудами предка самого АлександрСергеича нам досталась.

– Это как? – удивился Колька.

– А вот так: второе имя сего картофана – Ганнибал, знаешь, кто это?

Колька помотал головой. Отец Дмитрий вздохнул:

– Так предок АлександрСергеича, в самый раз он. Говорят, тож картофан любил. И разводил сей сорт, потому и прозвали. А «синеглазка» – потому что глазки на клубеньках как есть синенькие, посмотришь потом, как урожаец соберем.

Сейчас на этой самой грядке синеглазки-ганнибала, между двумя цветущими кустами, лежал бахромчатый поясok Туты. Видимо, накинувшись на мальчика, она дотеребилась беспоконными пальцами, да и не заметила, как пояс соскользнул. Одежек на ней было, как всегда, немало, руки заняты лейками. Колька мстительно подумал: а ну и пусть, и пусть бы и не нашла совсем.

Он сплюнул остатки желчной горечи у калитки и вышел, задвинув тугую щеколду.

Колька спускался по Ореховому переулку. Солнце поднялось уже совсем высоко, день обещал быть жарким. В широкой тени деревьев было хорошо, пыль прохладно щекотала босые ноги. Желудок жалобно скрутился в вопросительный знак: Колька убыстрил шаг, чувствуя, как наполнился слюной рот при мысли о бутербродах в миске. Может, мама уже вернулась домой?

Он понурился и остановился, двигая туда-сюда крупный камень большим пальцем ноги. Почувствовал, как снова запылали уши, как защекотала шею тонкая струйка пота.

Мимо босой ноги лениво прополз жук с огромными усами. На миг остановился, потрогал усиком ступню, чуть сменил курс и пополз дальше. У него нет души, подумал Колька, нет души у этих божьих букашек и мотыльков, только маленькая жизнь. Не надо видеть сны, не надо думать о том, что реально, а что – нет, не надо бояться совершить грех или сожалеть о том, что совершил, не надо умирать от страха за близких... ползи себе. Колька присел на корточки и посмотрел вслед жуку. Только бы тот скорее скрылся в траве на той стороне, а не погиб под колесом случайной телеги или мотоцикла.

Словно в ответ Колькиным мыслям издалека раздался нарастающий рев двигателя.

Мальчик вскочил. Неужели... мотоцикл? Точно, мотоцикл.

Он еще мгновение с надеждой прислушивался, а потом нос его сморщился, а подбородок дернулся вперед: нет, это не отец Дмитрий. У того двигатель звучал совсем иначе: без надсадного кашля, без хрипотцы, да и едет он со стороны Чапаева – наверное, Василь Дмитрич на базар собрался. И точно, спустя несколько секунд над холмом показался голубой мотоцикл с коляской и проехал мимо мальчика, с коляски приветственно махнули рукой.

Колька помахал мотоциклу вслед и вздрогнул: жук! Перевел взгляд на дорогу и с облегчением расправил плечи. Жучок преодолел уже больше половины расстояния.

Пора и ему двигаться домой.

Маленькое тельце без души, погибнет – что останется в вечности? А что останется от него, Кольки? А от Дины? От Дины останутся восхитительные постройки и еще более восхитительные и смелые планы будущих проектов. Кольке захотелось заорать в голос: с чего это он думает о Дине так, словно ее уже нет в живых?! Есть она, есть, и теперь его, Колькина, задача добраться до чертова места, где она застряла, и помочь ей выбраться обратно.

Что скажет мама, когда он расскажет про Дину в том сне, который вовсе не сон?

Он уже точно решил, что расскажет.

Потому что он не врет – это раз. Колька знал, что врать плохо, и не только потому, что есть заповедь про «не ври». Просто если врать, в тебе что-то будто ломается, какие-то механизмы начинают хуже работать, не так безупречно, как раньше. Колька это сам давно понял, еще до всяких заповедей и даже до первой нормальной исповеди. А смолчать о том, что он, Колька, знает, где находится Дина, – это почти вранье. Ну и что, что мама не поверила ему в прошлый

раз. В этот раз всё по-другому, и если Дину не найдут в Одессе (а Колька почти не сомневался, что не найдут), то он будет единственным, кто знает хоть что-то.

И два – мама и папа точно что-нибудь придумают. Они самые-самые. Когда он болел гриппом четыре года назад, он горел так, что казалось, стены спальни запылают вместе с ним. У него были бредовые видения – ничего общего со снами, просто перегретый организм вытаскивал из подвалов подсознания всякую подолбень. Мама три дня держала его на руках, а папа то убегал, то прибежал и клал ему на лоб прохладную тряпку. Именно голоса родителей вытаскивали Кольку из жара и мрака. Сейчас он снова скатывается в жерло вулкана – от паники, от беспомощности, от выжигающего внутренности ужаса за Дину, – но мама и папа точно что-нибудь придумают.

Колька почти бегом вывернул с переулка на Придубкину улицу и прищурился. Дымок. Над трубой – дымок. Значит, мама вернулась.

Из дневника Кольки

19 октября 2011 года

Не писал аж месяц, всякое было.

В школе совсем голимо. Мне это слово раньше казалось неприличным вроде ругательных, какие никогда нельзя вслух или даже писать в личном дневнике. Но когда так голимо и говняно, то не остается сил подбирать нормальные слова, хочется хотя бы здесь себе не притворяться. Я пишу, что хочу, это мой личный дневник

(ниже, на всю страницу, жирные большие буквы: ГАВНО)

Я радовался, что мы будем шить. Дурацкая Карцеровна даже это превратит в гавно, даже занятие, которое могло бы мне принести радость и хорошие оценки. Сначала мы зубрили инструкцию к машинке, которая все равно не пригодится, и конечно надо было по очереди отвечать вслух у доски про все эти приводные колеса и ремни, и я плохо ответил. Хотя на маминной машинке я могу шить с закрытыми глазами, я ее на ощупь знаю.

Но в среду нам задали шить иголкой с ниткой на кусочке ткани! Разные швы. Ну это детский сад вообще, и зачем мы зубрили приводы и колеса, и почему мы не можем сшить на машинке что-то полезное. И я прострочил кусок – все эти вперед иголку и назад иголку и другие, а Карцеровна сказала, что я сначала сделал не то, а другое!!! Надо было по порядку, как на доске написано, первый шов, второй, третий... а я пропустил тамбурный и заметил в конце и в конце его добавил. Ну какая разница?? Как можно быть дилломкой, если ты учишь детей, чтобы они просто стали взрослыми и умели жить нормально! Мне кажется, Карцеровна специально пытается сделать, чтобы никто не был умным. Она сказала переделать до конца урока, но я не успел переделать, и двойка.

Сказал маме с папой, папа сказал: потерпи эту дуру, потому что со следующего года будешь учиться в Одессе, а мама в злости сказала: а с чего он должен терпеть? Она пошла к директору, я не знаю, о чем они разговаривали, она вернулась уже не такая злая. А на следующий день Карцеровна ничего мне не говорила вообще. Мы снова шили на кусочках, и она ходила по рядам и придиралась, как кто держит иголку, и только фыркала, как будто можно супернеправильно держать иголку.

Я очень устаю, когда надо делать такое, что не имеет смысла. Иногда я думаю о том, что в аду черти не режут на куски или не жарят в огне, а просто надо вечно делать вещи, которые никому не нужны. В книжке мифов Греции был такой герой Сизиф, он должен был вкатывать огромный камень в гору, а тот катился обратно. И так всегда, бесконечно. Мне кажется, это самый адский ад.

Снилось плохое снова.

Но чтобы были силы записать, я сначала про хорошее напишу. А то я расстроился из-за Карцеровны и из-за Йоси, это я не пишу, что он болел последние две недели и мы не виделись, я приходил к ним, но Йосина мама попросила чтобы я не заходил, потому что он заразный. Я написал ему письмо, там рассказал про школу, про всякое и позвал его на день рождения. У меня же послезавтра день рождения! Я так и не знаю, поправится ли Йося. Ну вот я снова пишу плохое, а хотел себе поднять настроение.

Так вот, Дина приедет, и она сказала, что у нее для меня сюрприз. И такой огромный, что я не поверю даже какой. Она звонила мне и говорила радостно. Сказала, что очень устала, но ждет выходного, чтобы приехать с сюрпризом.

А про плохие сны вот. Сначала был крутой, он мне даже понравился. Такого раньше еще не было. Я был в каменном городе, тоже пустом, но неразрушенном, и там не было ощущения, что всех убило и что есть какое-то зло. Просто очень старьѐй город, как будто все давно куда-то ушли. Я ходил там по ступенькам, но они такие огромные, что я сначала не понимал, что это ступеньки. Перелезал с глыбы на глыбу, а потом поднял голову и понял, что я на гигантской лестнице. И там были каменные львы, я трогал их лапы, там только лапа с меня размером, а все остальное совсем большое. Я понял, что это львы, только когда отошел в сторону. А здания совсем огромные. И везде очень тихо и везде жесткие зеленые растения, по стенам, я таких не знаю. Это очень красивое место, но я там себя почувствовал печально, как будто я крошечка такая в мире.

Я отцу Дмитрию потом рассказал, а он говорит: Бог всяких созданий сделал, и маленьких и больших, но он умеет видеть душу каждого, и меня, Коли, в этот самый момент, и я ему важен такой, как я есть. Я не знаю, как Бог может одновременно следить, что происходит во всем мире, а если еще и миров разных куча, как он всё успевает? Но оДм. имел в виду, что размер существа не важен для Бога, и если был где-то мир с великанами, то это не значит, что я незначимый или Бог любит меня меньше великана. Мне нравится думать, что Бог любит меня.

Но потом мне снова снилось то, о чем не хочется писать. Но надо писать, я обещал себе и Дине. В этот раз я зашел совсем глубоко в центр города, и мне показалось, что земля дрожит под ногами. Ритмично, как будто у земли есть сердце и оно может стучать. Раньше такого не было, это как будто что-то спало и проснулось и стало следить, как я подхожу ближе. Это ужасный ужас, я проснулся и кричал в подушку, чтобы не было слышно и чтобы мама и папа не догадались как я ужасно напуган. Потом бегал к оДм., он стал усталый и мрачный. Был день, он уже отслужил утреннюю, но мы с ним пошли в церковь, он зажгет свечку и для меня специально послужил маленькую службу. Мы просили для меня защиты у Бога, и оДм. сказал, что он кое-что еще придумает, но ему придется как-нибудь для этого уехать. Но чтобы я обязательно молился перед сном, не забывал.

Вот так.

Но послезавтра мне десять лет. Я очень жду Дину, интересно, какой сюрприз будет и придет ли Йося. Бабушка обещала привезти шоколадный торт.

Одесса, март 2011 года

Встреча с инвесторами должна была начаться ровно в два.

Шиманский был предельно пунктуален, а проект намечался прибыльный, хоть и небольшой: бизнес-центр в самом центре города на месте сгоревшего месяц назад дома.

Дина вспомнила: раньше там стоял двухэтажный домик, она даже во дворе бывала. Двор как двор, в уголке в полуподвальном помещении за покосившейся дверью – копицентр. Дина забежала туда разок сделать ксерокопии нужных документов, еще в студенчестве. Память услужливо подкинула ей неприятный запах то ли слишком резких духов, то ли разлитого в комнатушке лекарства... и стояли странички странно дорого – пятнадцать гривен, что ли, по тем временам неслыханно за одну копию.

Дина мотнула головой: что за дурацкие воспоминания, при чем они здесь? Сгорело и сгорело – случается. Хорошо, никто не пострадал. Обломки стен постояли какое-то время обугленными пеньками, потом территорию расчистили, и заказчик нового здания объявился – тут как тут.

Поговаривали, как это всегда бывает, что пожар не случаен, что кому-то приспичило построятся на лакомом кусочке между Ланжероновской и главной улицей города. Ну да, вздохнула Дина, и такое бывает. Печально известный дом Руссова¹⁰ вон сколько лет стоит в лесах, и страшный пожар пережил – что-то успели спасти – и куски от него отваливаются, и кому-то, наверное, так же нейдет отхватить здоровенную территорию на Соборной под уродливую стекляшку. Проще, чем спасать.

Шиманский уродливых стекляшек не строил, и Дина знала, что они бережно впишут новое здание в историческое окружение. Что бы ни задумал заказчик, бизнес-центр будет смотреться на Ланжероновской так, словно он там был всегда, – раз, и так, что прохожие будут цокать языком от восхищения, – два.

Дина сглотнула слюну: она внезапно проголодалась, так, как будто в четырнадцать ноль-ноль кто-то зажег внутри нее лампочку, высветившую пустой желудок. Ну дела, удивилась она про себя, с чего вдруг? Наверное, мысленно прошлась по Ланжероновской и вспомнила свою любимую кондитерскую – недалеко от места будущего строительства. Дина ухмыльнулась: ну чисто собака Павлова: пироженку себе мысленно покажи – и слюной пол зальешь. Сейчас, встречу переживем, инвесторов ублажим, и можно будет сбегать на обед. До «Бизе» за пироженками, конечно, далековато, но на Маразлиевской тоже есть неплохая кондитерская.

Дина провела руками по бокам, убедилась, что пиджак не топорщится. Придирчиво осмотрела лицо в зеркале: для этого пришлось подойти к нему вплотную. Руками поправила непослушные патлы, несильно щелкнула по крохотной черепушке, болтавшей на серебряной цепочке в ухе: давай, мол, на удачу. Череп ухмыльнулся и вроде бы подмигнул. Дина примерила на лицо приветливое выражение и вышла из кабинета.

Посетители как раз входили в офис. Их было двое – коренастый мужичок в шикарном костюме, лоснившемся от стоимости. Огромные часы на руке, казалось, вот-вот должны были перевесить и вынудить мужичка качнуться вперед под тяжестью собственной руки. Следом семенила худенькая узкоглазая дама, похожая на китаянку. Шиманский уже выходил им навстречу, как всегда, с холодной вежливостью протягивая руку для приветствия.

Шифра сидела за своим столом. Не двигаясь, с неприятным удивлением отметила про себя Дина, хотя именно секретарша должна была бы первой вскочить поприветствовать гостей. Шифра смотрела прямо перед собой на абсолютно пустой стол.

---

¹⁰ Дом Руссова – памятник архитектуры XIX века, расположенный на углу Соборной площади. С 2004 года проводилась реконструкция здания, осенью 2009 года в здании произошел ряд пожаров, в результате чего выгорели несущие перегородки и значительно пострадала кровля. Было мнение, что причиной пожара был поджог. На момент развития действия романа здание по-прежнему стоит в строительных лесах. С декабря 2010 Одессу будоражат слухи, будто на этом месте собираются построить городской общественно-культурный центр с международным конгресс-холлом и трехуровневый подземный паркинг.

Шиманский тоже заметил неподвижность Шифры, но не выказал никакого удивления, ловко обогнул стол и коротко сказал гостям:

– Пройдемте, у нас всё готово.

Он пропустил гостей вперед по коридору в сторону переговорки, быстро и незаметно щелкнул пальцами Дине, мотнув головой в сторону секретарши: приведите в чувство, мол. Дина подошла к столу, оперлась о него двумя руками и попробовала перехватить взгляд Шифры. Бесполезно. Заснула она, что ли, с открытыми глазами? – удивилась Дина. Провела рукой перед теткинским лицом – никакой реакции.

Шиманский тем временем что-то пел инвесторам на полпути к переговорке: нужно срочно идти за ним, а секретарша вообще-то должна в этот самый момент открывать перед гостями дверь и предлагать чай или кофе.

– Шифра Леонидовна, – шепотом позвала Дина. – У нас встреча начинается.

Шифра вздрогнула, колыхнулась всем телом, точно по ней, как по огромной волне, пробежала рябь. Взгляд ее стал осмысленным, она посмотрела на Дину, напрягла слух, обернулась и увидела удалившихся в сторону переговорки директора с гостями.

– Я... ох да, сей секунд, конечно! Иду! – Шифра открыла один ящикек своего стола и тут же резко его захлопнула, потом другой, потом самый нижний... потом вскочила, зачем-то обежала стол и снова открыла ящикек – тот, который проверяла первым. Лицо ее внезапно приобрело землисто-серый оттенок, тронутые помадой губы теперь выделялись на нем особенно странно. Дина не понимала, что происходит.

– Ключ, – прошептала секретарша, – ключ от переговорки.

Дина похолодела. Она в один шаг пересекла холл и заглянула в коридор. Шиманский стоял у закрытой двери переговорки – через матовое стекло были видны очертания офисной мебели, – положив руку на ручку двери, и что-то негромко рассказывал инвесторам. Те стояли рядом. Узкоглазая нетерпеливо притоптывала маленькими ножками, а мужичок с часами почесывал запястье. Шиманский бросил на Дину короткий вопросительный взгляд.

Дина вернулась к столу. Спокойно. Всё в порядке, секундную заминку никто не заметит.

– Где. Ключ?

– Вчера был тут... в этом самом столе, клянусь, всем на свете клянусь, вот тудой положила. – Дину неприятно резануло простецкое «тудой», но сейчас было не до лингвистического воспитания секретарши. Дина наклонилась над столом так, что Шифра отпрянула от нее и вжалась в свое место. Ее лицо окончательно посерело, на лбу появились бисеринки пота. Только бы в обморок не грохнулась, вдруг подумала Дина и оглянулась на приоткрытую дверь своего кабинета... Там, конечно, раскрыто окно, но сюда, в замкнутое пространство крошечного холла, ветер не долетает.

Шифра словно уменьшалась в размерах по мере того, как Дина нависала над ней. Взгляд коровьих глаз плавал туда-сюда, пока не остановился наконец в паре сантиметров от Дининого лица – та не сразу поняла, что Шифра пялится на болтающийся в ухе череп.

– Шифра Леонидовна, – Дина постаралась взять себя в руки и выпрямилась, – проверьте, пожалуйста, и быстро, – на слове «быстро» Шифра моргнула, – все возможные места, где может храниться ключ. И запасной. У нас же есть запасной ключ от переговорки? – Ей вдруг стало холодно, словно порыв ветра из распахнутого окна кабинета наконец достиг Шифриного стола.

По рыхлому лицу Шифры потекли слезы.

Только не это, в панике подумала Дина, куда ее теперь, дуришу, девать. Она обошла стол, сама быстро проверила все ящички – пусто, черт возьми, совершенно пусто, но у секретарши в столе должны лежать важные бумаги там... папки... канцелярские принадлежности... ключи, что еще? Что за хрень вообще происходит, словно этот стол ненастоящий, бутафорский!

Дина метнулась к офисной кофеварке, проверила стол возле нее – на всякий случай. Без особой надежды заглянула в собственный кабинет и быстрым взглядом ощупала все поверх-

ности. У нее на столе как раз не было пусто: там лежали стопки документов на оплату и папки с чертежами... но ключей от переговорки там точно не было. Влетела обратно в холл, зачем-то подергала ручку – всегда закрытой – двери у самого выхода. Что внутри, она не знала, наверное, там подсобка с швабрами и ведрами.

Ключи от переговорки хранились в столе секретарши – так было всегда. Леночка, помнится, вешала на них какой-то красный пушистый брелок с колокольчиком, и когда она открывала ящик стола и доставала ключ, это сопровождалось эротичным позвякиванием. Во всем, что делала Леночка, даже если она просто заправляла кофеварку или приносила боссу папку с документами, было что-то эротичное, некстати подумалось Дине, но эта... королева!!! Куда она дела ключи?

Времени на поиски больше не оставалось.

Дина видела утром, что Шифра подготовила комнату для презентации: на столах стояли бутылочки, лежали папки с материалами. Дина сама дала Шифре флешку, и теперь та, видимо, торчала из ноутбука, подключенного к большому экрану. Но уже неважно, что там, за закрытыми дверями, важно то, что произойдет в следующие мгновения.

Дина рывком подняла Шифру из кресла. Красные щеки секретарши теперь украшали подтеки туши, ресницы справа слиплись в грязный комок. Дина толкнула Шифру в сторону туалетной комнаты и прошипела:

– Две минуты. Через две минуты, умытая, с кофе – ко мне в кабинет.

Шифра послушно заперлась в туалете, и Дина услышала, как та шумно сморкается.

Набрала в грудь побольше воздуха и быстрыми шагами пошла к двери переговорки.

Не дав никому опомниться, она подхватила азиатскую женщину под руку, словно хотела проделать сложное танцевальное па, лихо развернула ее и подтолкнула в сторону собственного кабинета.

– Сейчас мы покажем вам нечто фантастическое, – Дина с энтузиазмом кивнула мужичку с часами и широко улыбнулась. Тот невольно отзеркалил ее улыбку и вдруг стал похож на пятилетнего пацана, которому предложили огромный леденец. – Проходите, пожалуйста, в этот кабинет.

Дина пропустила гостей вперед и помертвела: в кабинете пахло дымом, а в распахнутое настежь окно с улицы врвалось на предельной мощности:

В сауну сегодня приходи – приходи,
Спящего дракона ты во мне разбуди,
Мы исполним то, чего не ожидаешь ты,
Просто наши лучшие хиты.

Блять, подумала Дина, блять. Трижды. Она стиснула зубы и на долю секунды прикрыла глаза. Скорее всего, завтра и она, и Шифра будут безработными, и она навсегда запомнит этот момент: «Поющие трусы» из кафешки под окнами, истерически сигналившие автомобили (одеситы не стоят в пробке как культурные люди, нет, обязательно надо таки показать всем, что ты спешишь), запах талой воды и крепкого курева. Но завтра будет только завтра. А сегодня...

Дина уверенно обошла собственный стол. Инвесторы послушно сели в свободные кресла – их было два – Дина старалась не смотреть на босса, который прикрыл за собой дверь и теперь стоял у стены, скрестив на груди руки. Дина достала из ящика большой блокнот, раскрыла его на чистой странице и взяла остро заточенный карандаш. Секунду помедлила и вдруг

впрыгнула на подоконник, скинула туфлю и поджала под себя ногу. Устроилась поудобнее и заговорила:

– Как вы понимаете, существуют общепринятые нормы – планов, застройки и... поведения. Есть те, кто скучно планирует, скучно строит и скучно живет. А есть мы. «Зигзаг» – это как... – она помотала головой, подыскивая нужную метафору, – пилота Скруджа из мультика помните? – Маленькая женщина нахмурилась, зато мужичок снова расплылся в широкой улыбке и с энтузиазмом закивал головой. – Что мы можем вам предложить? То, чего не предложит никто другой. Скучно – не будет. Банально – не будет. Зато будет то, чего до нас не делал никто. Лихие виражи – и невероятный результат.

Дина быстрыми и уверенными движениями чертила на листе бумаги какие-то линии. Затем она дернула воротничок блузки – стало жарко, несмотря на то, что в спину ей дул мартовский ветер, – чуть наклонилась вперед и с хрипотцой в голосе продолжила:

– Я покажу вам, что умеет «Зигзаг». Мы нарушаем правила. Мы действуем вне норм и вне законов физики. И поэтому мы – лучшие.

И Дина повернула рисунок к зрителям.

Она по-прежнему не смотрела на Шиманского, но краем глаза увидела, что тот опустил руки и распрямился. Инвесторы завороченно тарачились на чертеж в руках Дины. И в этот момент раздался легкий стук, дверь приоткрылась, и в кабинет вплыла Шифра с подносом в руках. Она, конечно, умылась – разводов на щеках не было, – но лицо еще пылало. Впрочем, на ее лицо никто не смотрел: гости не отводили взгляд от Дины. Шифра поставила на стол бутылки с водой и две чашечки с кофе. Затем она несмело взглянула на босса, видимо, сообразила что-то, вышла в коридор и спустя секунду вкатила в кабинет свое кресло. Шиманский холодно кивнул и сел.

Мужичок наклонился вперед – от сидевшей на подоконнике Дины его отделял стол – и протянул руки. Ладонями он подтянулся вперед, словно хотел заграбастать стол под себя, грудью облокотился о поверхность и поднял на Дину глаза.

– Дина Юрьевна, – заговорил он, – должен признать, это впечатляюще. Если у нас и оставались какие-то сомнения насчет того, что мы сработаемся, то теперь, – он торжествующе оглянулся на свою спутницу, и та кивнула, – их нет. Слышите! – Он внезапно откинулся назад, оттолкнулся ногами от стола и чуть проехал в кресле в сторону Шиманского, залихватски развернулся и подал руководителю бюро мясистую руку. – Я с нетерпением хочу услышать и увидеть подробности, но главное я скажу прямо сейчас: лихие виражи – это то, что надо.

«Поющие трусы» за окном закончили петь про сауну и завели «я хочу, как алла, как алла, как алла».

Шиманский глубоко вздохнул.

Глава 12

Вейск, 12 мая 2012 года

Абрикосы и вишни доцвели, яблони отчаянно доцветали, белые лепестки ковром покрывали землю под деревьями. И белые акации – выстрелили запахом.

Алиса вышла на крыльцо и втянула носом воздух: да, сначала чувствуешь плотный сладкий аромат, словно стоишь перед плоской свежесобранного меда. Потом запах раскрывается белым веером, обещая бессмертие и вечное лето.

Алиса вспомнила: запахи акации – море прогрелось. В детстве они выскакивали в майское марево одесских улиц, останавливались, огорошенные внезапным ароматом – вчера же еще не пахло! – с криками разворачивались и бежали обратно по домам:

– Мама, папа, водичка уже теплая, уже можно купаться, айда на море!

Никогда не ошибались.

А еще они делали так: брали белое соцветие в жмень, рывком собирали с тонкой цветоножки белые лепестки, а потом бросали горсть вверх и кричали «салют, салют!» и танцевали под ворохом лепестков. Алиса провела в воздухе кистью, словно подбрасывая невидимые лепестки, белый рукав взметнулся вверх.

Она глянула в сторону калитки, не возвращается ли Колька.

Сама она чуть свет побежала к бабТоме. У той, единственной из соседей, был установлен городской телефон, по которому можно было дозвониться в Одессу. Игорь к тому моменту уже ехал в автобусе, мобильный телефон в семье у взрослых был один – и Игорь увез его с собой. Заявление в милицию о пропаже Дины подали еще вчера вечером, и дежурный, конечно, пообещал связаться с ними немедленно, как только что-то станет известно. Но свяжутся скорее с Ханной и Юрием Стояновыми – до Вейска поди дозвонись еще. Поэтому Алиса и побежала звонить маме с отцом – не появилось ли с вечера новостей?

Новостей не было.

Стоянов уже озадачил Петра Абрамкина, и тот поставил на уши всю одесскую милицию. Офис «Зигзага» оказался закрыт, личного телефона руководителя бюро найти никто не смог, все сайты, все источники, в которых упоминался «Зигзаг», давали только городской номер бюро. Дома Дины не было, Стоянов сообщил Алисе, что он еще вчера взял запасной ключ, который Дина отдала им на хранение, и сходил проверил квартиру. Пусто. И чемоданчика нет: Дина в пятницу собиралась пойти с вещами в офис, чтобы после работы сразу отправиться на автовокзал. При попытках дозвониться до Дины по мобильному телефону механический голос упрямо твердил про «вне зоны доступа».

Это так странно, думала Алиса, привыкли, всё рядом – руку протяни, вот Дина, вот ее работа, вот ее дом, не было ни разу такого, чтобы срочно понадобилась – и не достать. И Валера Антонович, ее начальник, приезжал ведь пару раз в гости... не чужой человек. С Колькой они тогда вроде хорошо поладили.

Это был конец октября, вспоминала Алиса, сразу после Колькиного дня рождения. На сам день рождения Дина тоже приезжала и привезла подарок от Шиманского – такой, что Колька визжал от восторга. Медь, которую так трудно было раздобыть тогда в Одессе, без которой Колька приуныл и не мог продолжать свои эксперименты с гальванопластикой. Конечно, для архитектурного бюро не составило труда найти медь для мальчика. Шиманский помог

Дине, Дина привезла подарок, и Колька в первый же будний день набрал городской номер бюро и попросил к телефону Валеру Антоновича.

Алиса положила руку на шею, вспоминая, как она удивилась в тот момент: без всякого заикания, без заминки даже, словно всю жизнь держал в руках телефон, ее сын захлебывающимся от восторга голосом благодарил человека, которого до того видел пару раз – и то мельком. Именно тогда он и спросил: «Хотите приехать к нам в гости?» и именно тогда Шиманский ответил: «Конечно, хочу».

И приехал спустя неделю.

Алиса вспомнила, как высокий красивый мужчина, которого раньше она видела только на газетных снимках или на фотографиях в сети, подавал руку сестре, помогая той выйти из машины. Эти тонкие пальцы... Алиса почувствовала укол в тот момент, когда рука Шиманского прикоснулась к сестриному локтю, словно электрическая искра пробежала между ними. Она вздрогнула от воспоминания. Не было похоже, будто сестру и ее начальника связывают романтические отношения, нет, это было что-то, о чем они и сами не подозревали. Но стоявшая в нескольких метрах от них Алиса почувствовала, как земля поплыла у нее под ногами. На миг. На долю секунды.

А потом наваждение рассеялось. Шиманский снял очки и улыбнулся Алисе с Игорем – так светло, так легко, будто знал их всю жизнь. У него оказалось живое лицо, совсем не похожее на газетные снимки, на которых он выглядел усталым хищником. Валера Антонович скинул пиджак и бросил его на заднее сидение служебного автомобиля, прежде чем пойти в дом. Он закатал рукава рубашки, расстегнул верхнюю пуговицу и стал похож на мальчишку, который приехал домой на летние каникулы. В каком-то смысле это так и было: Дина говорила сестре, что Шиманский – тот еще трудоголик. Она призналась, что не поверила ушам, когда Шиманский в ответ на приглашение Кольки «А хотите я покажу вам свою установку?» серьезно ответил: «Хочу, как насчет следующей субботы?»

Алиса тяжело вздохнула. Самое гнетущее – ждать, не имея возможности ни на что повлиять. Они уже сделали всё, что могли, теперь остается только молиться и ждать новостей.

Калитка хлопнула. Колька зашел в сад.

Из дневника Кольки

30 октября 2011 года

Я иногда думаю, у нас в жизни перемешаны плохие и хорошие события.

Интересно, это заранее рассчитано, ну Богом там или кем-то, количество плохого и хорошего. Как на весах. Мне интересно, если взять человека и посчитать хорошие и плохие события в его жизни и сравнить, не будет такого, что их одинаково?

В жизни иногда бывают хорошие полосы и плохие. Никто ведь не знает, от чего это зависит. Бабушка говорила как-то, типа будешь делать плохое – Бог тебя накажет. Как будто неприятное посылается как наказание. И если быть идеальным и всё-всё время себя хорошо вести, то всё вокруг будет тоже только хорошее – и погода, и то, как к тебе другие относятся, и типа болеть ты никогда не будешь и не умрешь ха-ха.

Но это не так! Я точно знаю, что не желаю зла Вадике и даже хотел бы, чтобы ему было хорошо и чтобы он перестал быть таким нервным и несчастным. Он похож на собаку, которую все пинают и она тогда кусается. Так вот, я не хочу зла ему, но мне иногда бывает зло от него, неужели это потому что я делаю какие-то грехи? Тогда всё очень загадочно,

потому что я не понимаю, что плохого я делаю в своей жизни, что в ней есть Вадик или Карцеровна.

А еще оДм. рассказывал мне такую историю, из Библии. Это из какого-то места, которое я с мамой не читал, мы читали только про Иисуса. А это из того, что было давно, еще до Иисуса. Там жил человек, и у него всё было нормально, куча денег, дети, скоты всякие, овцы. И он всем говорил, что любит Бога, а ему все отвечали, это потому что у тебя всё хорошо (вот!!! я тоже в моменты, когда всё хорошо, я сейчас расскажу про это, думаю, что мне так легко любить Бога). И, типа Бог решил сделать испытания, и сначала у него умирали овцы, потом сгорел дом и умерли дети, примерно так. А люди ждали, что он начнет ругаться. ОДм. говорил такое слово, хула, это типа плохие слова, а хулить – это ругать, и оно мне кажется похожим на неприличное, видимо, это сильно ругать. И все ждали, что тот человек будет хулить Бога, типа ты у меня всё отнял, я больше тебя не люблю.

А он не стал. Он сказал, Бог меня проверяет. И потом всё хорошо кончилось, как будто он экзамен выдержал, и Бог, там так было написано, вернул ему всё во много раз больше. И новые деньги, и новых скотов, и новых детей. Но я очень грустил, я думал, как можно вернуть умерших детей? Он не воскресил тех, а просто сделал так, что у человека родились новые, но как будто старых не жалко, что ли.

Короче, я тут разозлился и не смог понять Бога до конца. И если честно, мне страшно, а что захочет сделать Бог, если ему надо будет испытать меня. У меня нет ни детей, ни скотов, но есть мама, папа, Дина, Йося, и я очень люблю вот эту жизнь. Мне нравится жить в нашем доме, даже когда грозы, и страшно шумит, и выключается свет.

Я не очень понимаю, почему Бог должен устраивать какой-то экзамен человеку. Надо будет еще спросить у оДм. про это. Мне было бы спокойнее знать, что если я буду стараться не грешить, у меня всё будет в порядке. Ну как будто можно договориться с Богом, давай я буду делать только хорошее и хотеть только хорошего, и я буду здоровым и все мои будут тоже жить долго-долго.

Я так ушел мыслями! Сейчас всё-всё расскажу.

У меня был день рождения. Десять лет – это прям так круто, как будто я сильно стал взрослее. Все приезжали, и Дина тоже, и бабушка с дедушкой, а бабушка из Киева звонила. Торт был тот самый, как я больше всего люблю, с шоколадом и орехами, а было смешно, что мама с папой потеряли свечки обычные и никак не находили, а потом нашли свечку в форме 9, с прошлого года. И еще одну простую, и воткнули в торт девять и один, и всем было жутко весело, и мне тоже. Я только спросил, а если я их задую, не получится, что мне девяносто один год? Я бы не хотел внезапно стать старым, даже если окажется, что я прожил очень счастливую классную жизнь. Но мне стало десять, всё хорошо.

Дина! Раздобыла! Медь!!! Я вообще забил уже и думал, что пока больше ничего не получится. Но она попросила того самого руководителя, а они очень крутые строители, и у них нашлось, где купить. Она привезла и сказала, что это подарок от ВА, а сама подарила мне крутой фонарик. Он работает без батареек, просто надо сжимать его рукой несколько раз, и он светит.

И Йося выздоровел и приходил, и я ему показал установку наконец-то, я так рад. А еще папа устроил в саду фэрверк! Огромные были салюты, я даже не знал, что дома такое можно сделать самим.

А в понедельник я проснулся и подумал, что надо сказать спасибо ВА. Вообще меня трясло ужасно, ведь это очень взрослый руководитель, и он меня всего раз видел, но ведь он

нашел для меня медь. И Дина сказала, что он именно передал привет и с днем рождения. У меня записан номер Дининой работы, и я попросил у мамы мобильный телефон.

Я набрал номер и там тетя ответила, что архитектурное бюро Зигзаг, я хотел бросить трубку, потому что сильно стало плохо. Но я смог сказать, что Валеру Антоновича можно и что это Коля, и тетя сначала сказала, нет, его нет, и я сразу хотел бросить трубку, пока не вывернуло меня, и сердце жутко билось. Йошкин долбаный кот, я ненавижу себя, ведь заранее приготовил слова и хотел говорить, но так противно, когда открываешь рот, а из желудка идет блевота, а ты вообще не виноват (вот бог, вот у меня большой вопрос, если ты читаешь, это мне зачем, как наказание за что-то или как экзамены? а????). Но вдруг тетя сказала, подождите, и я подождал, и вдруг в трубке Его голос. Он проходил там мимо, оказывается, услышал, что звонит Коля и сам ответил!!!

Вот это было ващееее.

Как будто мне дали какое-то лекарство. У меня сразу блевота ушла обратно, а голос стал ровный, и я сказал: здрасьте, я хотел сказать невероятное спасибо. Я так и сказал, невероятное спасибо. А Он засмеялся, и мне было так тепло, и тут я говорю: хотите приехать посмотреть, как я омедняю предметы? И он так сказал: я хочу, и я приеду на выходных с Диной, если родители не против.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.